

ЗАПИСКИ

Приамурскаго Отдѣла
Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Т. VIII, В. I.

Дѣйств. членъ Приам. Отдѣла И. Р. Г. О.

Е С А У Л Ъ

Гв. Александр. Третьякъ.

ДНЕВНИКЪ

Путешествія вокругъ Хингана.

(Результаты командировки въ 1908 и 1909 гг.).

ДНЕВНИКЪ

путешествія вокругъ Хингана.

(Результаты командировки въ 1908 и 1909 г.г.)

Выполняя съ особеннымъ удовольствіемъ порученіе г. Директора Восточнаго Института А. В. Рудакова и инструкціи Штабовъ Приамурскаго и Иркутскаго военныхъ округовъ, я позволяю себѣ, прежде чѣмъ приступить къ изложенію результатовъ обследованія Восточнаго и Западнаго склоновъ предгорій Водыш Хингана, замѣтить что при сводкѣ собранныхъ мною свѣдѣній, весьма возможно могли вкрасться ошибки, такъ какъ свѣдѣнія вносились по разспроснымъ даннымъ, не всегда достовернымъ и часто противорѣчивымъ. Такого рода ошибки могли имѣть мѣсто относительно тѣхъ пунктовъ, гдѣ населеніе страны встрѣчало меня не особенно доброжелательно, благодаря чему разспросныя данныя, заносились болѣе или менѣе гадательно.

За весьма малымъ такого рода исключеніемъ, всѣ свѣдѣнія представляютъ изъ себя лично видѣнное или извлеченное изъ архивныхъ данныхъ.

Путь былъ намѣченъ Восточнымъ Институтомъ—Цицикаръ, Спнъ-Мицъ-Фу, оз. Далай-нуръ, Урга, Кяхта, Улясугай, Кобдо и Чугучакъ, но этотъ маршрутъ возможно было выполнить года въ два или около этого, и ни комъ образомъ ранѣе, такъ какъ не возможно предугадать всѣ тѣ обстоятельства, которыя явятся на мѣстѣ и часто неожиданно.

Въ предѣлахъ Россіи—въ Иркутскѣ и ст. Ага, Забайкальской ж.-дор., я запасся всѣми тѣми необходимыми предметами, кои трудно или вообще нельзя, было приобрести въ пограничныхъ съ Монголіей пунктахъ Перечень снаряженія, предусмотрѣнный до мелочей, однако, не отличался полнотою, было взято лишь самое нужное и въ извѣстной пропорціи: продовольственные припасы—сухари, сахарная пыль, мука, рисъ, ветчина, сахаръ, чай, соль, лимонная кислота, вино вещи походной кухни—и проч.; все было разсчитано въ строгой экономіи, что же касается прессованныхъ овощей или консервированныхъ продуктовъ, то я ограничился лишь ничтожнымъ запасомъ, какъ подспорьемъ къ предстоявшей однообразной пищѣ—баранинѣ.

Оружіе взято по одной казачьей винтовкѣ системы Бер-

дана и по револьверу Смита и Вессона на каждого человека и, про запас, я имѣлъ еще револьверы Браунингъ и пятизарядный Винчестеръ. Во время пути два Бердана съ ограниченнымъ комплектомъ патроновъ возились открыто на телѣгахъ или людяхъ, остальное же оружіе, было во вьюкахъ и вынималось только на ночлегахъ. Патроновъ я имѣлъ по 500 штукъ на каждую винтовку и по 420—на револьверъ.

Одежда. Самая простая—тужурка и панталоны изъ китайской замши защитнаго цвѣта; обувь смазные сапоги и китайскія туфли „сѣ“; для холоднаго времени я имѣлъ полушубки и панталоны изъ бараньяго мѣха шерстью во внутрь и войлочные сапоги. Бѣлье—рубахи и кальсоны—ситцевые.

Жилище. Походнымъ жилищемъ раннею весною или поздней осенью въ морозы и снѣгъ являлась палатка. Постель—брезенты и войлоки.

Была взята походная аптека, обнимавшая собою не только самыя необходимыя лѣкарства для личнаго употребленія, но и служившая подспорьемъ, при наличности популярнаго лѣчебника, для врачеванія населенія, болѣзни котораго были очевидны и не внушали серьезныхъ послѣдствій отъ неумѣлаго примѣненія лѣкарственныхъ дозъ. Среди лѣкарствъ аптеки видное мѣсто занимали: мази отъ накожныхъ болѣзней, золотухи, лишаявъ, а также всевозможныя капли отъ болѣзней—глазъ, уха, сердца, желудка и пр.

Помимо вещей снаряженія, вооруженія и предметовъ продовольствія нужно было обзавестись и подарками, какъ-то: изображеніемъ Далай ламы, перочинными, въ перламутровой и простой оправѣ, ножиками, ножницами, зеркалами, биноклями, револьверами, серебрянными и никкелевыми карманными часами, будильниками съ боемъ и музыкой, зажигательными машинками—спичечницами, духами, мыломъ съ сильнымъ запахомъ, фейерверками, бритвами, платками, иголками цвѣтными нитками, музыкальными ящиками и проч.

Количество подарковъ было ограниченное,—цѣнные подарки предназначались главнымъ образомъ для свѣтскихъ и духовныхъ властей, для взаимнаго передариванія; остальные вещи исключительно „для смазки“, если возможно такъ выразиться, безъ чего и шагу не сдѣлаешь тамъ, гдѣ нужно.

Юридическое мое положеніе на право пребыванія въ районѣ Б. Хингана было обусловлено въ глазахъ властей именемъ учителя, и для узаконенія такого положенія былъ исходатайствованъ чрезъ нашу дипломатическую миссію въ Пекинѣ паспортъ изъ Китайскаго Министр. Иностранныхъ дѣлъ; а среди классовъ населенія Восточной Монголіи такое само собой создалось—меня принимали и считали никѣмъ инымъ, какъ докторомъ, а больше—купцомъ.

Экспедиція состояла изъ 3-хъ человекъ, а именно: я и

два помощника—казака 1-го Верхнеудинскаго полка Забайкальскаго казачьяго войска Намсараевъ и монголь Харчинванскаго хошуна. Экспедиціонной командѣ, прежде чѣмъ приступить къ странствованію, я напомнилъ, что для успѣха дѣла мы всѣ мѣняемъ парадную обстановку и на весь предъстоящій путь будемъ беречь другъ друга, жить рука объ руку, питаться изъ одной чашки и смѣло смотрѣть на жизнь въ тяжелыя минуты, не подавая примѣра трусости и намека на излишнія трудности при различныхъ невгодахъ и обстановкахъ. На ряду съ этимъ вмѣнилъ, какъ правило, что при разспросахъ желательно ставить вопросы такъ, чтобы сказчикъ самъ повѣствовалъ, и поставилъ необходимою провѣрять одно и то же свѣдѣніе различною постановкою вопросовъ. Что же касается сношенія съ монголами, то всюду и вездѣ куда бы ни забросила насъ судьба, безупречная честность въ словѣ и дѣлѣ, уваженіе къ религіи, собственности и обычаямъ, должны быть непремѣннымъ условіемъ нашихъ къ нимъ отношеній.

Какъ только вырѣшился вопросъ объ окончательномъ отъѣздѣ, назначеннаго въ мое распоряженіе, казака Намсараева, я, не теряя времени, съ первымъ отходящимъ поѣздомъ выѣхалъ изъ гор. Иркутска на ст. Ага Забайкальской ж. д., которая служила исходнымъ пунктомъ экспедиціи въ Монголію на югъ до гор. Долонноръ и далѣе обратно по Восточному склону предгорій Б. Хингана.

На ст. Ага намъ надлежало обзавестись только животной силой и прикупить кое-какихъ съѣстныхъ припасовъ. Желая поставить себя въ положеніе независимое отъ населенія, я предпочелъ среди Агинскихъ бурятъ подыскать вѣрнаго человѣка съ двумя лошадьми и одной телѣгой для доставки багажа къ ставкѣ князя хошуна Сань-Бэй-сэ на рѣкѣ Керулюнѣ. Вопросъ о перевозочныхъ средствахъ былъ въ одинъ мигъ оборудованъ, благодаря энергичному участию Агинской администраціи во главѣ Б. Д. Очирова: явились изъ среды мѣстныхъ старожиловъ возчики съ предложеніемъ осмотрѣть ихъ лошадей и телѣги и, на случай, если перевозочныя средства будутъ отвѣчать предъявленнымъ требованиямъ, условиться въ цѣнѣ. Такъ какъ предстояли полевые работы—сѣнокошеніе, то желающихъ ѣхать въ глубь Монголіи нашлось не такъ много, да и согласившіеся двое бурятъ просили невѣроятную плату. Выхода не было, оставалось одно-условиться.

Было законтрактовано двѣ лошади съ телѣгой и конюхомъ, по 5 руб. за каждыя сутки передвиженія въ предѣлахъ 35—45 верстъ; дни дневокъ и другія остановки, не по винѣ возчика, должны оплачиваться половинной платой. И такъ вопросъ о перевозочныхъ средствахъ налаженъ.

Агинское селеніе, расположенное на лѣвомъ берегу р. Ага, состоитъ не болѣе какъ изъ 100 домовъ—крестьянъ и крещенныхъ бурятъ. Дома посѣднихъ по большинству пустуютъ, такъ какъ собственники живутъ въ своихъ домахъ временно только въ дни храмоваго праздника, приѣзда начальства и т. п.—Въ селеніи деревянная церковь, двѣ школы, зданіе степной думы и нѣсколько торговыхъ лавочекъ—большинство которыхъ принадлежитъ китайцамъ.

Въ бытность мою въ гор. Иркутскѣ мнѣ было поручено передать настоятелю Агинскаго дацана фотографическую группу лицъ во главѣ съ генераломъ Кузьминъ-Караваевымъ.— Такое порученіе меня до нѣкоторой степени устраивало,— за одно представлялась возможность посѣтить дацанъ, какъ ранѣе передавали, извѣстный по своему богатству изъ всѣхъ бурятскихъ монастырей.

Стараніями хозяина земской квартиры сел. Ага мнѣ были предоставлены обывательскія лошади и я поѣхалъ вверхъ по рѣкѣ, къ монастырю, расположенному на небольшомъ скатѣ горнаго отлога. Храмы съ золотыми куполами, окруженные домиками, еще издали придавали мѣстности весьма привлекательный видъ. Дацанъ со своими деревянными, домиками европейской архитектуры, узкими ровными улицами, храмами, окруженными бѣлыми стѣнами и большимъ новымъ храмомъ, расположеннымъ на высшей точкѣ ската, —издали походило скорѣе на городокъ.

Всюду чистенькіе со службами дворники и въ каждомъ домѣ на окнахъ бѣлыя занавѣски и горники съ цѣфами; все это говоритъ за то, что жизнь обывателей дацана, повидимому, процвѣтаетъ. Когда по приѣздѣ въ дацанъ, я хотѣлъ было направиться къ настоятелю монастыря, то меня сперва было не пустили, но въ концѣ концовъ мнѣ посчастливилось заручиться расположеніемъ одного ламы здѣшняго дацана, который и убѣдилъ одного своего пріятеля представить меня настоятелю обители.

Проводникъ кратчайшимъ путемъ повелъ меня въ домъ настоятеля. Время было обѣденное—владыка отдыхалъ. Слуги изъ уваженія къ гостю, нарушили покой духовной особы, которая въ свою очередь приняла меня весьма гостеприимно. Приемная зала безукоризненной чистоты съ вѣнскими стульями, коврами на стѣнахъ, прекрасно убраннымъ троннымъ мѣстомъ, комфортабельно обставленной постелью и пр., носила отпечатокъ домовитости. Когда настоятель, почтенный старикъ, симпатичной наружности, въ сопровожденіи своихъ приближенныхъ, показался на порогѣ двери я и мой спутникъ бурятъ встали; первымъ приблизился къ настоятелю мой проводникъ—Намсараевъ съ цѣлью испросить благословенія духовнаго отца; онъ какъ мірянинъ, опустился на колѣни, выслушалъ краткую молитву и, подняв-

шись, открыть путь настоятелю, который, подойдя ко мнѣ, подавъ руку и предложилъ мнѣ занять мѣсто подлѣ пріемнаго стола. Глава монастыря интересуясь устройствомъ и внутреннею жизнью православныхъ монастырей часто отмѣчалъ, что и ему удалось создать духовную семью и кое-какъ украсить свой дацанъ.

Въ общемъ настоятель дацана былъ весьма разговорчивъ и въ промежуткахъ времени за чаемъ, познакомилъ меня съ краткой исторіей возникновенія монастыря, его средствами, штатомъ ламъ и послушниковъ. Агнискій монастырь основанъ въ 1816 году. Во времена прошлаго до безконечности увеличивались ряды послѣдователей служенію Будды, нынѣ такому стремленію полагають предѣль штаты о ламайскомъ духовенствѣ, по которымъ дацану опредѣлено настоятель—ширетуй—1, ламъ гэнпоновъ и гэнцуловъ—19, послушниковъ бандіевъ 1 и нѣсколько хувараковъ, т. е. учениковъ, которыми и пополняется, на случай убыли, штатъ. Однако число ламъ если, не ошибаюсь, значительно больше, но сколько ихъ именно, трудно сказать, хотя весьма возможно, что въ числѣ комплектныхъ есть и сверхкомплектные ламы.

Во главѣ монастыря состоитъ настоятель—ширетуй. Штатные ламы освобождены отъ повинностей и податей, а три высшихъ степени сверхъ того и отъ тѣлесныхъ наказаній.

Источникомъ поддержанія благосостоянія монастыря положенія ламъ являются: земельные надѣлы, (ширетуй 200 дес., галпонтъ—и гэнцуй 60 дес. и бандія—30), добровольныя приношенія мірянъ, вознагражденія за совершеніе богослуженныхъ требъ и выручка отъ продажи священныхъ книгъ, изображеній и другихъ предметовъ культа. Какъ велики доходы сказать трудно, но въ общемъ, послѣ двухчасоваго осмотра монастыря, я вынесъ отрадное впечатлѣніе, что обитель богата. На прощанье настоятель дацана предложилъ мнѣ даже провизію для дороги. По возвращеніи въ с. Ага, я послѣшилъ на ж. д. ст. Моготуй въ надеждѣ съ отходящимъ поѣздомъ возвратиться на станцію ж.-д. Ага, гдѣ меня уже давно ждуть, но къ великому огорченію, пассажирскій поѣздъ давнымъ давно въ желаемомъ направленіи прошелъ, а товарный пришлось бы ждать до утра. Оставалось одно, или ночевать на станціи Моготуй, или идти пѣшкомъ, я избралъ послѣднее, такъ какъ—рѣшилъ на завтра окончательно собраться и къ вечеру обязательно выѣхать въ направленіи къ Монгольской границѣ. Ночь была лунная, дорога прямая и безопасная и я, наивышшею чаю на станціи, отправился по шпаламъ на ст. Ага и къ разсвѣту, при сильномъ вѣтрѣ и густой песочной пыми, незамѣтно достигъ мѣста назначенія.

14 Июля. Была лунная ночь, но къ утру кое-гдѣ на небѣ показались темныя тучи, предвѣщая дождь, и опасаясь какъ бы прекрасное утро не смѣнилось дурнымъ днемъ, я съ особенной энергіей принялся приводить въ порядокъ телѣгу и грузъ для пути. Мы обильно смазали оси телѣги, сложили вещи, запрягли лошадей и, съ чувствомъ радости и надежды на преодоленіе всѣхъ тѣхъ препятствій, которыя поставитъ намъ природа на пути, оставили станцію Ага.

Ѣхали молча, медленно двигаясь по узкой тропинкѣ вдоль желѣзной дороги и къ 7 часамъ вечера мы достигли первыхъ бурятскихъ юртъ, гдѣ и остановились на ночлегъ.

Дорога отъ ж.-дор. ст. Ага до Чиндантъ—Гродековского поселка пересекаетъ небольшія горы, между которыми въ долинахъ залегаютъ пастбища съ сочной травой; лѣсъ отсутствуетъ. Характеръ мѣстности—мягкое очертаніе горъ съ однообразнымъ видомъ. Первая остановка наша была больше чѣмъ неудачна—мой подводчикъ, ввиду отсутствія рабочихъ рукъ въ его семьѣ по уборкѣ сѣна, отказался ѣхать дальше; я никакъ не могъ убѣдить упорнаго бурята и волей неволей пришлось смириться и отпустить его.

Въ промежуткахъ разговора разставили палатку, разостлали на травѣ постели вблизи скотскаго загона и общими силами приготовили пищу, которую желательно было раздѣлить до заката солнца, такъ какъ насѣкомые-комары не давали покоя. Легкій ужинъ незамѣтно окончился, а возчикъ по прежнему отказывался отъ дальнѣйшей перевозки моихъ вещей, я убѣждалъ его, доказывая, что въ рабочее время при оплатѣ 80 коп. въ день труда лучшаго косаря, трудно найти побочный доходъ 5 рублей въ сутки и что оставшаяся семья, при наличности 4 взрослыхъ мужчинъ, не ощущаетъ нужды въ немъ одномъ. Такъ или иначе пришлось съ возчикомъ разстаться, въ надеждѣ, однако, что къ разсвѣту слѣдующаго дня найдется замѣститель.

15 Июля Поднялись въ 4 часа. Скипятили въ котлѣ чай, позавтракали и съ нетерпѣніемъ ждали прибытія новаго возчика. Томительное ожиданіе длилось до часу дня когда, наконецъ, на далекомъ горизонтѣ ясно обрисовались фигуры всадниковъ, направившихся къ моей стоянкѣ. Новый возчикъ всецѣло соглашаясь съ условіями стараго, принявъ вещи заложилъ лошадей въ телѣгу и мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Трона, по которой мы ѣхали, извиваясь, то по косогорамъ, то по долинамъ, заросшимъ высокою травой, вела къ заранѣ намѣченному пункту, отъ котораго началось развѣтвленіе. Не зная точно направленія рѣшили держаться правѣ—на юго-западъ въ надеждѣ, встрѣтить юрты и тамъ разузнать. Только къ вечеру достигли юртъ, которыя были не ближе, какъ на полъ пути до Чиндантъ-Гродековского селенія. Здѣсь мы рѣшили заночевать. Сло-

жили на землю багажъ, раскинули на ровномъ мѣстѣ палатку неподалеку отъ колодца и я, растанувшись въ свѣжей травѣ, забылъ начинающіяся тягости путешествія. Мои слуги разбрелись: одинъ отправился собирать топливо для костра, а другой—купить молока для вечерней трапезы. Кругомъ царила мертвая тишина, нарушаемая лишь жужжаніемъ обильныхъ комаровъ.

16 Июля. Утро было ясное; открывался величественный горный видъ съ обильными пастбищами, среди которыхъ кое-гдѣ особнякомъ бродили небольшія стада скота. Легко преодолевая невысокіе перевалы, спустились мы въ широкую и длинную долину. Слѣдуя по извилистой долинѣ, достигли рѣки Ононъ. Рѣка въ обыкновенное время при отсутствіи выпаденія атмосферныхъ осадковъ въ ея верховьяхъ, въ низовьяхъ при плоскихъ своихъ берегахъ во многихъ мѣстахъ въ бродъ проходима, однако частые дожди усилили быстроту теченія и увеличили ширину рѣки такъ, что лѣвый ея пологій берегъ, заросшій мелкой древесной растительностью, былъ совершенно залитъ водою и, удобные прежде для переѣзда участки рѣки оказались теперь недоступными для переправы.

Къ тому же подулъ пронизывающій вѣтерокъ, начали срываться капли дождя и, наконецъ, къ закату солнца разразился ливень, промочившій насъ насквозь. Тщетно мы старались отыскать переправу, наконецъ, несмолкаемыми криками намъ удалось вызвать съ противоположнаго берега одного лодочника, который, гдѣ то въ кустахъ, залитыхъ разливомъ рѣки, отыскалъ двѣ лодки и переѣхалъ къ намъ; съ большимъ трудомъ установивъ груженую телѣгу на двѣ лодки, которыя предварительно были скрѣплены на подобіе плота, мы при помощи двухъ жердей и теченія воды переправились на другой берегъ.

Нагрузивъ снова телѣгу, двинулись дальше, но уже къ настоящему руслу рѣки, гдѣ имѣлся для переправы небольшой паромъ. Установили на паромъ телѣгу, привязали къ ней лошадей, укрѣпили руль и переправились на шестахъ. Рѣка Ононъ противъ Чиндантъ-Гродековского поселка шириною до 100 слишкомъ сажень, имѣетъ берега—правый скалистый, лѣвый—болѣе пологій, дно твердое, песчанное съ примѣсью гальки и глубину болѣе 1½ сажени при быстромъ теченіи.

Чиндантъ—Гродековскій поселокъ, расположенный за наибольшимъ холмомъ праваго берега, довольно бурливаго Онона, крайне бѣденъ—дома, въ большинствѣ, старой постройки.

17 Июля. Съ восходомъ солнца мы двинулись въ дальнѣйшій путь и чрезъ часъ ѣзды по рѣдкому строевому лѣсу встрѣтили всадника, съ помощью котораго установили дѣй-

ствительное направлѣніе дороги къ селенію Кулусутай. Прямая дорога пролегла по слегка наклонной долині, заросшей густой травой. Далѣе, пастухъ барановъ подтвердилъ слова всадника, увѣряя, что мы скоро встрѣтимъ на своемъ пути озеро и ручейки. По мѣрѣ того, какъ мы двигались впередъ передъ нашими глазами открывались на далекомъ горизонтѣ горные кряжи. Черезъ нѣсколько минутъ движенія, наткнулись на озеро, гдѣ немного отдохнули, подкрѣпивъ себя пищею, и снова возобновили путь, радуясь, что послѣднюю ночь мы проведемъ уже на границѣ Россіи съ Монголіей.

Пройдя мимо двухъ небольшихъ дождевыхъ озеръ, мы поднялись на горку, а съ нея на перевалъ, съ котораго были видны сіяющіе на закатѣ солнца купола сельскаго храма. Къ 8½ часамъ по полудни достигли Кулусутаевского селенія, вѣхали въ селеніе и остановились на ночлегъ на улицѣ, прижавшись къ дворовому забору. Выпрягли лошадей и начали располагаться на ночь, предварительно разведя костеръ съ цѣлью приготовить скромный ужинъ, какъ вдругъ подошла къ намъ преклонныхъ лѣтъ особа, именуя себя монахиней, съ настойчивымъ требованіемъ удалиться отъ хижины, такъ какъ она боится путешественниковъ, добавляя— „чѣмъ подальше отъ нихъ, тѣмъ спокойнѣе спишь.“

Какъ ни было это смѣшно, однако, закончивъ чаепитіе, мы были вынуждены перемѣнить мѣсто ночлега—передвинулись на нѣсколько шаговъ по широкой улицѣ и расположились у воротъ усадьбы сельскаго старшины. Крошечное казачье поселеніе, состоящее изъ одной только улицы, вдоль которой чередовались одинъ лучше другого красивые деревянные дома, очень богато. Мой пріѣздъ въ селеніе, а равно и случившееся недоразумѣніе съ мѣстной монахиней стало извѣстно многимъ и одинъ изъ мѣстныхъ представителей, если не обманываетъ меня память, Д. А. Ивановъ съ двумя таможенными чиновниками, подошелъ познакомиться и съ первыхъ же словъ сталъ настаивать на томъ, чтобы я вмѣстѣ со своими слугами, воспользовался вполнѣ удобнымъ его помѣщеніемъ. Настойчивыя убѣжденія заставили насъ использовать предлагаемый комфортъ ночлега, мы запрягли лошадей и вѣхали во дворъ вдовы Кузнецовой, гдѣ Ивановъ состоялъ квартирантомъ. Мѣ отвели простую и чистую комнату и угостили ужиномъ, состоявшимъ изъ баранины въ различныхъ видахъ. Во время ужина добродушная хозяйка забрасывала меня вопросами, интересуюсь болѣе всего предстоящими моими скитаніями. Смѣлая моя увѣренность преодолѣть всѣ невзгоды и трудности понравилась словоохотливой собесѣдницѣ; возможно, что при живомъ участіи и другихъ собесѣдниковъ болтали бы до утра, но я, пожелавъ спокойной ночи своимъ любезнымъ хозяевамъ, оставилъ

компанію, отправился въ заранѣ приготовленную для меня комнату и расположился спать.

18 Іюля. Встали рано и начали готовиться къ отъѣзду. Но по случаю воскресенія хозяйка просила отложить нашъ отъѣздъ до завтрашняго дня, и сдѣлать у нея дневку. Лошади наши да и сами немного устали, почему мы рѣшили отдохнуть, а на ряду съ этимъ ближе познакомиться съ кучкой русскихъ людей, заброшенныхъ на рубежъ русской границы.

Поселокъ расположенъ на небольшой возвышенности; къ западу отъ него группа высыхающихъ озеръ; окружающая мѣстность кругомъ и вдали отъ поселка чисто степного характера, почему жители и занимаются исключительно животноводствомъ. Скотоводство и овцеводство—заготовка скота и барановъ на убой; развиты правильно и въ широкихъ размѣрахъ. Молочное хозяйство поставлено умѣло. Коневодство не пользуется вниманіемъ населенія, не улучшается путемъ подбора лучшихъ статей производителей и матокъ. Скоть небольшого роста, на короткихъ ногахъ, съ глубокимъ ребромъ и широкимъ крестцомъ; лошади монгольской породы, средняго роста, съ короткой шеей, на крѣпкихъ ногахъ и достаточно выносливы; овцы курдючныя. Уходъ за животными мало заботливъ: при обычномъ кормѣ зимой—сѣно, а лѣтомъ—трава. Среди сельскихъ старожилъ болѣе крупными владѣльцами считаются собственники имѣющіе болѣе 1000 головъ крупнаго скота и 5—7 тысячъ мелкаго—овець.

19 Іюля. Еще было далеко до разсвѣта, какъ мы уже были на ногахъ и укладывались въ дорогу. Когда наши приготовления были закончены пришла хозяйка и спросила, что изъ сѣстныхъ припасовъ потребуется мнѣ для дороги. Недостатка въ припасахъ не ощущалось, нужно было только пополнить запасъ сухарей свѣжимъ хлѣбомъ.

Съ восходомъ солнца я двинулся въ дальнѣйшій путь и черезъ 3 часа слѣдованія, достигъ кирпичнаго сооруженія именуемаго „братиной“. Сооруженіе братины олицетворяетъ собою якобы братскія отношенія между русскими и монголами. Братина по своей формѣ похожа на усѣченную пирамиду, на южной сторонѣ которой была вставлена крошечная доска съ тибетскими письменами (молитвами), на остальныхъ же трехъ чистенькихъ сторонахъ, кое-гдѣ имѣлись русскія надписи—фамиліи посѣтителей.

Отсюда нашъ путь пролегалъ между двумя озерами Зунъ и Барунъ Торей, которыя, какъ мнѣ передавали, совершенно изсякли, благодаря топкимъ солончакамъ, при плоскихъ берегахъ мало доступны. При дальнѣйшемъ своемъ движеніи мы должны были пересѣчь рѣку Ульцза, впадающую въ Западный—Зунъ Торей, но къ великому удивленію только къ вечеру встрѣтили озеро, когда то соединявшееся съ То-

реемъ. Это озеро-Усунь-Килинь т. е. водяная государственная граница, гдѣ мы и остановились на ночь. Дулъ пронизывающій вѣтерокъ, а по небу блуждали черныя тучи. Приготовили чай и пищу, но такъ какъ вода была дурного запаха и трудно было еще очистить ее отъ какихъ то озерныхъ насѣкомыхъ, то употреблять такую воду положительно не хотѣлось—лучше было воздержаться и мы легли спать безъ чая.

20 Июля. Утро прохладное, небо заволокло облаками, воздухъ насыщенъ сыростью, какъ будто послѣ дождя. Путь лежалъ вдоль праваго берега рѣки Ульца, которая, вверху по теченію на всемъ своемъ протяженіи, состоитъ изъ рѣдкой цѣпи маленькихъ озеръ съ небольшими впадающими въ нее ручейками. Рѣка пересыхала и на бывшихъ плоскихъ ея берегахъ и прилегающей мѣстности создались прекрасныя пастбища, гдѣ казаки, или выдерживаютъ лѣтомъ свои стада, или заготавливаютъ на зиму сухой фуражъ. Характеръ мѣстности слегка волнообразный, лишенный лѣсовъ, почва съ примѣсью гальки. Въ полдень, переваливши переваль, гдѣ, между двумя холмами, приютилось нѣсколько юртъ караульныхъ монголь, мы остановились, дабы дать лошадямъ отдохнуть и самимъ подкрѣпиться. Пришелъ цзангинъ *) съ цѣлью провѣрить мой паспортъ на право переѣзда черезъ границу и по принятому обыкновенію, распросить о новостяхъ и направленіи путешествія. Кстати сказать, цзангинъ, отвѣтивъ на вопросы, принявъ угощеніе, состоявшее изъ разнаго рода сластей и чая, былъ больше чѣмъ любезенъ, назначилъ мнѣ проводника до озера Галоту. Сложили багажъ и начали прокладывать себѣ путь по тропинкѣ, заросшей высокой травой. Приблизительно около 6 часовъ пополудни поднявшись на нѣсколько холмовъ, мы достигли озера Галоту (Гусиное) и подлѣ юртъ, гдѣ, къ счастью, оказался русскій купецъ, рѣшили провести ночь. Растительность по мѣрѣ приближенія къ озеру Галоту, становилась все лучше, а группы разнообразныхъ горъ, утопающихъ въ густой зеленой травѣ, придавали мѣстности очаровательный видъ. Озеро представляетъ собою буквально птичье царство. Тутъ были стаи дикихъ гусей съ птенцами, утокъ, куликовъ, а по прибрежью кочковатой поверхности, изъ которой выступали ключи, образуя небольшіе бассейны воды, съ осадками содовыхъ солей, важно расхаживали журавли, дрофы и турпаны—ангиры.

21 Июля. Пока мы завтракали пришелъ русскій купецъ, и за чаепитіемъ, вкратцѣ познакомилъ меня съ приемами мѣновой торговли и предметами сбыта, которые среди монголь несомнѣнно могли бы имѣть широкое примѣненіе. Надо сознаться, что, практикуемый имъ способъ обмѣна товаровъ

*) Монгольскій чиновникъ.

на сырье, устарѣть. Мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ, необходимы новыя приемы, которые бы могли способствовать правильной постановкѣ торговыхъ операций, да и самыя сдѣлки за наличныя деньги безспорно заняли бы серьезное положеніе въ дѣлѣ распространенія нашихъ товаровъ. Надъ славнымъ прошлымъ приходится только призадуматься,—въ кочевой торговлѣ необходимо коренное измѣненіе съ приливомъ дружныхъ торговыхъ дѣятелей, вооруженныхъ современными практическими торговыми познаніями. Новый типъ коммерсанта, самъ собою, создастъ приемы сбыта нашихъ товаровъ, а на ряду съ этимъ и покупка всякаго монгольскаго сырья, опять таки, за наличныя деньги несомнѣнно возбудитъ интересъ продавца.

Къ 8 часамъ утра, распрощавшись съ русскимъ и съ подшедшими еще монголами, мы направились вверху по теченію рѣки Ульца. Казалось—это единственная дорога къ ставкѣ князя Сань-Бэйса на рѣкѣ Кэрулюнь, между тѣмъ, чѣмъ дальше втягивались въ путь, дорога стала переходить въ тропинку, а затѣмъ совершенно потерялась въ ближайшихъ возвышенностяхъ. Поднявшись уже безъ дороги, держась на югъ, на нѣсколько поперечныхъ горныхъ гребней, имѣющихъ направленіе съ запада на востокъ, я полагаю, въ силу попадающихся, по сторонамъ избраннаго направленія, дождевыхъ лужъ съ ручейками, встрѣтилъ хотя бы въ сторонѣ монгольскія юрты. Шли безостановочно болѣе 7 часовъ и рѣшили остановиться на сухой степи, не заботясь о водѣ, т. к. имѣли запасъ съ собой, но къ удивленію, вблизи обозначился айиль-карауль Бага-Учжумудиньскаго хошуна, мы увеличили скорость движенія и незамѣтно, прежде чѣмъ наступила темнота, добрались до жилья.

22 Юля. Переночевавъ въ мѣстности, именуемой Цаганъ-обо, мы пошли по холмистой степи, далѣе на югъ. Преувеличенныя разстоянія и сбивчивое направленіе до впереди лежащихъ пунктовъ, дали плохіе результаты,—послѣ 3-хъ часовъ ѣзды мы мало подвинулись впередъ, между тѣмъ, лошади чувствовали усталость. Идя далѣе, мы встрѣтили обозъ китайцевъ, ѣхавшихъ съ товарами въ Гань-чжу-эр-сумэ, которые утверждали, что невдалекѣ отсюда, за высокими видными холмами, есть китайскія торговыя лавки и отъ нихъ идетъ прямая дорога къ ставкѣ князя. Послѣ такихъ опредѣленныхъ указаній направленія пути мы отправились далѣе. Но, прежде нежели достигнуть какихъ то китайскихъ лавокъ, пришлось у дождевыхъ лужъ остановиться на короткое время напиться чаю, затѣмъ снова возобновить свой путь. Послѣ нѣсколькихъ верстъ пути мы дѣйствительно достигли чего-то похожаго на лавки, и приближаясь къ нимъ по степи со скудною растительностью, убѣдились, что до нихъ еще далеко, или, вѣроятно, таковыя въ этомъ направле-

ни совсѣмъ отсутствуютъ. Хотя люди и лошади чувствовали усталость и были истощены, тѣмъ не менѣе пришлось отя и медленно двигаться далѣе, въ надеждѣ къ закату солнца достигнуть предполагаемаго мѣста ночлега. Минувавъ стоящую въ сторонѣ отдѣльную вершину, мы пересѣкли небольшое плато, затѣмъ по короткому и крутому подъему взобрались на вершину перевала, откуда открылся прелестный видъ на окружающую мѣстность: позади цѣль горныхъ кражей, а впереди—постепенно понижающаяся равнина, на которой разбросанными небольшими группами ютились у озера монголы. Здѣсь мы стали на ночлегъ.

23 Юля. Съ разсвѣтомъ мы были готовы для движенія. Воздухъ чистъ, солнце взошло при ясной погодѣ, безъ вѣтра и освѣтило широкую долину, въ низменныхъ мѣстахъ которой на щетинистомъ дерьсунѣ сверкали капли росы. Горы издали казались совершенно лишенными всякой растительности, но по мѣрѣ приближенія можно было убѣдиться въ обратномъ,—что и горные увалы были также щедро награждены разнообразной и крайне интересной по своему составу растительностью. По мѣрѣ движенія далѣе, намъ стали попадаться стада рогатаго скота и барановъ; послѣдние съ высшихъ точекъ нашего пути казались бѣлыми пятнышками на зеленомъ коврѣ рѣчной долины, гдѣ разнообразіе степной растительности уже уступаетъ мѣсто другимъ формамъ, среди которыхъ попадалась полынь и мѣстами какіе-то еще мало питательныя травы, которыя здѣсь можно считать господствующими полевыми растеніями.

Дорога была хорошая и лошади, двигаясь внизъ по скату, ускорили шагъ; около 4 часовъ пополудни, наконецъ, достигли княжеской ставки Сань-байса, расположенной на возвышенномъ лѣвомъ берегу рѣки Карушонъ. За полверсты до княжеской ставки насъ встрѣтилъ его посланецъ, который мнѣ предложилъ размѣститься въ особо выдѣленной для меня юртѣ. Юрта оказалась чистенькой, съ войлочными подстилками и установленнымъ котелкомъ; подлѣ юрты снаружи было приготовлено топливо и проч.

Подъ вечеръ ко мнѣ пришелъ лама мѣстнаго монастыря съ цѣлью засвидѣтельствовать свое почтеніе и принесть мнѣ подарокъ—узкій, коротенькій бѣлый шарфъ—хадакъ. Принявъ приношеніе, я, въ свою очередь, предложилъ старику ламѣ желтый хадакъ—обыкновенный шерстяной головной платокъ, но къ этому еще добавилъ металлическое изображеніе Далай—ламы, что было принято съ подобающей почестію и вниманіемъ. Пока я бесѣдовалъ съ ламой, касаясь внутренней жизни обители хошуна, времени всеобщихъ празднествъ и развитія торговой дѣятельности, пришелъ чиновникъ, якобы изъ ямынь—присутственнаго мѣста, провѣрить мой паспортъ и предупредить, какъ иностранца, что

никто изъ мѣстныхъ обывателей не будетъ меня тревожить, а если встрѣтится нужда всегда найдутся средства помочь. Я поблагодарилъ за оказанную въ отношеніи насъ любезную предупредительность и заботливость, при чемъ добавилъ, что было бы желательно испросить мнѣ разрѣшеніе завтра ближе познакомиться съ расположеніемъ княжеской ставки и внутреннимъ устройствомъ здѣшнихъ монастырей, на что чиновникъ отвѣтилъ: „сдѣлаемъ все, что можно, а теперь до свиданія“

24 Іюля. Послѣ утренняго завтрака, состоявшаго изъ баранины, сваренной вмѣстѣ съ мучными шариками (клецками-галушками), я со слугой отправился къ поселенію, состоявшему изъ китайскихъ фанзъ и обыкновенныхъ юрть, среди которыхъ выдѣлялись своимъ величіемъ два монастыря. На широкомъ плоскогорьѣ, недалеко отъ берега рѣки, находится селеніе, называемое ставкой князя. На пути къ княжеской ставкѣ, а вѣрнѣе, по дорогѣ къ ближайшему монастырю, мы нагнали ламу изъ южнаго храма. Неуклюжая фигура этого монаха—послушника, небрежно прикрытая истрепаннымъ и грязнымъ костюмомъ, дикій—пѣтушиный, головной уборъ и проч.,—все это вызвало на нашихъ лицахъ смѣшливую улыбку. Догнали монаха, познакомились и спросили разрѣшенія войти во внутрь храма, къ которому со всѣхъ сторонъ сѣли ламы на предстоящее богослуженіе.

Монастырь представляетъ изъ себя 5 отдѣльныхъ храмовъ—сумэ, китайской и тибетской архитектуры, съ деревянными раскрашенными колоннами, испещренными фантастическими капителями; стѣны предверія храма расписаны изображеніями святыхъ. Великолѣпны раскрашенныя изображенія, если не присматриваться къ нимъ очень внимательно, и роскошная отдѣлка храмовъ, особенно выступающихъ угловъ крышъ съ висящими щитами, которыми якобы защищается буддизмъ отъ еретиковъ и злыхъ духовъ, балконы и карнизы,—дѣло рукъ китайскихъ зодчихъ, положившихъ много труда и вкуса. Внутри храма вдоль сѣверной, восточной и западной частей зданія разставлены статуи божествъ: впереди, на сѣверной сторонѣ храма, покоятся въ отдѣльныхъ нишахъ главныя, а по сторонамъ установлены статуэтки мѣнѣе важныхъ святыхъ. Бронзовыя и мѣдныя статуи, изгот. вляемья преимущественно Долоннорскими мастерами, стоятъ бѣшеныхъ денегъ, а если къ этому добавить еще сооруженія капитальныхъ зданій, то понятно станеть, почему сооруженіе монастырей порождаетъ нищету населенія. Мой спутникъ, чего я не замѣчалъ въ Агинскомъ даданѣ, передъ каждымъ изображеніемъ, становясь на колѣни, шепталъ молитву и прикасался своей головой къ тѣлу или ногамъ каждой статуи, я же, наружно выражая свое благоговѣніе предъ этими святыми, возносилъ свои моленія одному лишь Все-

вышнему Властителю. Помимо металлических изображеній божествъ, съ потолка храма спускались шелковыя и парчевыя, мѣстами грязныя, ткани съ роскошно вышитыми на нихъ, по большинству золотомъ, изображеніями святыхъ и Далай ламъ. На внутреннихъ колоннахъ висѣли узкія дешевыя матеріи, какъ украшенія храма. Духовенство и послушники, облаченные въ присвоенныя одежды, не стѣсняясь присутствіемъ иностранца, заняли свои мѣста и приступили къ совершенію богослуженія. Болѣе подробно на порядкѣ совершенія богослуженія останавливаться не буду; отмѣчу одно, что престарѣлые духовные отцы, сознавая долгъ, который налагаетъ на нихъ ихъ религія, свои священныя обязанности выполняли съ усердіемъ и благочестіемъ, подрастающее же поколѣніе, не проникнутое идеями своихъ наставниковъ, мало интересуется завѣтами вѣры, только нарушаетъ общій интересъ своими безобразіями, смѣхомъ, дракой и проч. При храмѣ имѣется архивъ съ священными книгами ганъчжурь, а на чердакѣ въ безпорядкѣ валяются коллекціи разныхъ дичей, какъ напримѣръ: козла, барана, собаки, ика, жеребенка и прочія всякая рухлядь, не имѣющая ничего общаго съ храмомъ. Невдалекѣ другой монастырь, но уже съ тремя кумирнями, при чемъ главный храмъ также представляетъ собою великолѣпное строеніе по своей архитектурѣ. Храмъ—двухъэтажное зданіе, фасадъ котораго обращенъ на югъ, поражаетъ своими молитвенными цилиндрами, похожими на барабаны, разставленные предъ входною дверью.

Внутренность храма—размѣщеніе металлическихъ статуй и количество другихъ божественныхъ сокровищъ, мало чѣмъ отличалось отъ только что видѣннаго; къ числу же божествъ можно отнести, какъ говорятъ, золоченныя статуи наиболѣе выдающихся учениковъ Будды, которыя были роскошно задрапированы шелковыми тканями съ установленными передъ ними зажженными лампадами. Осмотрѣвъ кое какъ обитель, я при выходѣ изъ монастырскихъ стѣнъ роздалъ ламамъ и послушникамъ изображенія Далай ламы.

Подлѣ двухъ монастырей созданъ поселокъ; глиняныя домики и войлочные юрты, которые служатъ жилищемъ для мѣстныхъ ламъ, не отличаются богатствомъ, но среди однотипныхъ ламскихъ келій бросается въ глаза своимъ богатствомъ и отдѣлкой въ китайскомъ стилѣ домъ мѣстнаго хубилгана. Въ небольшомъ разстояніи, къ сѣверу отъ монастырскихъ построекъ, находится резиденція князя Санъ-Вэйса. Княжескій дворецъ со своими глинобитными сооружениями не отличается изяществомъ и богатствомъ, и представляетъ собою соединеніе монгольскихъ юртъ съ китайскими фансами.

Княжеская ставка имѣетъ нѣсколько юртъ: главный

фасадъ порты для повседневной жизни князя, его семьи, женъ официальныхъ пріемовъ, приближенныхъ духовниковъ—ламп и почетныхъ гостей; въ задней линіи фасада—нѣсколько свѣрибѣ, помѣщаются порты—кухни, свиты, мастерскія и проч. службы; тутъ же подлѣ каждой порты торчатъ кучи топлива—аргала, водовозныя тѣлѣги съ бочками перевозочныя средства, сорныя мѣста и прочее. Вообще княжескій станъ, есть ни что иное, какъ цыганскій таборъ въ большемъ только масштабѣ. Что же касается присутственнаго мѣста ямынь, то оно выдѣлено къ свѣверу изъ состава княжескаго района, представляетъ собою глинобитныя зданія съ односкатными крышами и порты, первыя для хранения хошуннаго имущества, продовольственныхъ припасовъ и проч. послѣднія для рѣшенія дѣлъ и помѣщенія чиновниковъ частныхъ къ ямыню.

Около поздняго полудня, прѣстившись съ лицами, сопровождавшими меня, я зашелъ въ китайскую лавку, находящуюся по сосѣдству съ моимъ пристанищемъ, гдѣ, интересуясь важностью и разнообразіемъ предметовъ торговли, болѣе обстоятельно ознакомился съ условіями переправы черезъ р. Карулунъ, которая, протекая по широкой заливной долинѣ, вслѣдствіе обилія дождей въ ея верховьяхъ при своей глубинѣ и относительно быстрому теченію воды, внушала нѣкоторую опасность по переправѣ. Принимая во вниманіе отсутствіе какихъ бы то ни было приспособленій для переправы черезъ р. Карулунъ, отправился на мѣсто существовавшей переправы—брода, связывающей дорогу изъ Кулусутаевского селенія въ гор. Долонноръ, гдѣ встрѣтилъ китайцевъ, которые, расположившись на берегу рѣки, будучи не въ состояніи переправиться на правый берегъ къ своимъ торговымъ лавкамъ, рѣшили ожидать уменьшенія воды, такъ какъ, примѣняемые раньше, способы переправы на мѣста бродовъ теперь были рискованными.

Не лишнее будетъ добавить, что рѣка, благодаря своему изобилію, совершенно затормозила сообщеніе.—Мѣстный князь нѣсколько дней тому назадъ, переправляясь съ праваго берега рѣки, не достигнувъ цѣли, подвергся несчастію и, какъ говорятъ, были человѣческія жертвы,—переправныя приспособленія разорвались и были опрокинуты теченіемъ воды. Вечеромъ, возвратившись изъ княжеской ставки, будучи убѣжденъ еще новыми данными о невозможности переправиться черезъ рѣку, я рѣшилъ временно отказать отъ намѣченнаго направленія и возобновить свой дальнѣйшій путь параллельно лѣвому берегу рѣки, рассчитывая найти гдѣ нибудь удобный переѣздъ.

25 Іюля. Выступили раннимъ утромъ при ясной погодѣ. Миновавъ нѣсколько изгибовъ р. Карулунъ, вошли въ широкую рѣчную долину, гдѣ въ одномъ мѣстѣ, въ пунктѣ наи-

большого разлитія рѣки и островковъ, я рѣшилъ приспособиться къ переправѣ. Остановились, и прежде чѣмъ приступить къ переправѣ, я верхомъ на лошади вѣхалъ въ рѣку, но топкое дно русла еще съ берега не позволило мнѣ дальше двигаться:—лошадь завязла въ отложенияхъ илистаго наноса и я съ трудомъ кое-какъ выкарабкался. Двигаться при такихъ условіяхъ черезъ рѣку съ телѣгой было болѣе чѣмъ рискованно. Рѣка ставила препятствія слишкомъ серьезныя, чтобы ихъ побороть. Простоявъ и использовавъ полуденный отдыхъ, я поднялся на небольшой перевалъ съ вершины котораго, замѣтивъ строенія и проѣзжая мимо ихъ, установилъ, что это небольшой монастырь, Дэчин-гэгэн-сумэ, а за нимъ дальше, внизъ по теченію рѣки, другой монастырь, куда я и послѣдшилъ возможно скорѣе добраться на ночлегъ. Переваливъ Хуликедэйскій перевалъ, вскорѣ я былъ подлѣ стариннаго монастыря, именуемаго Илагуксанъ Хутукты. Ко времени нашего ранняго ужина подошелъ лама мѣстнаго монастыря и, по обычаю, присѣлъ къ чаю; въ разговорѣ выяснилось, что данный монастырь, во главѣ съ побѣдоноснымъ хутуктой, считается однимъ изъ старѣйшихъ и чтимыхъ богоугодныхъ мѣстъ среди Халхаскихъ монголовъ. Послѣ ужина я вмѣстѣ съ ламой отправился осмотрѣть монастырь, состоящій изъ 3 храмовъ, среди которыхъ видное мѣсто занималъ главный храмъ въ тибетскомъ стилѣ. Когда мы подошли къ главному храму, насъ встрѣтилъ у южнаго входа, видимо, сторожъ монастыря, который по секрету что то сообщилъ моему проводнику ламѣ, а послѣдній, яко-бы съ сожалѣніемъ къ моему великому разочарованію мнѣ сказалъ, что храмъ не можетъ быть мною осмотрѣнъ. Какія были къ тому причины, трудно понять; помню только одно, что послѣ встрѣчи сторожа, лама проводникъ совершенно отказался отвѣчать на мои вопросы. Видя это, я, отказавшись отъ насилія надъ совѣстью и долгомъ ламы, предложившаго услуги осмотрѣть монастырь, поблагодарилъ его за вниманіе и предпочелъ безъ постоянныхъ услугъ все осмотрѣть. Монастырь и наряду съ нимъ красивый въ китайскомъ стилѣ дворецъ мѣстнаго Хутукты представляютъ изъ себя интересъ по своему богатству. На южныхъ каменныхъ стѣнахъ главнаго храма обители Хутукты нарисованы различныя историческія сцены, а равно изображенія святыхъ, которыя, утопая въ розовомъ цвѣтѣ окраски стѣнъ, придаютъ пріятное впечатлѣніе. Недалекъ отъ монастыря кольцеобразно раскинуты торговныя юрты китайцевъ, которые круглый годъ поддерживаютъ мѣновую торговлю съ мѣстными монголами. Китайцы продаютъ и мѣняютъ на сырье и скотъ все то, что составляетъ матеріалъ и предметы для одежды, питанія, а равно домашняго и религіознаго обихода.

26 июля. Утром пасмурно и туманно. Какъ только разсѣялся нависшій туманъ, мы двинулись и черезъ часъ ѣзды достигли крошечнаго Урчжилинъ сумэ. Оставивъ это, можетъ быть, интересное мѣсто, также подвѣдомственное Имагуксанъ Хутуктѣ, мы отправились далѣе вдоль рѣки, которая, имѣя теченіе почти на сѣверъ, разлилась въ широкой долинѣ на много руслъ. Правый берегъ рѣки болѣе гористъ, а лѣвый слегка проходимыми увалами, постепенно понижающимися къ сѣверу, изрѣзанъ долинами, покрытыми богатой растительностью. Спустившись съ небольшого увала, мы остановились на ночлегъ недалеко отъ горы Найманъ пологой, одиноко торчащей подлѣ Гурбанноенскаго хребта.

27 июля. День обѣщаетъ мало утѣшительнаго: небо заволочено тучами и началъ моросить дождикъ. Къ 7 часамъ утра дождь началъ моросить съ промежутками и я рѣшил ѣхать; хотя дорога была и тяжелая для проѣзда, но прилегающая къ дорогѣ трава уменьшала трудность движенія и почва, напоенная водою, казалась твердой. Впрочемъ, вчерашній и прежніе переходы были столь ничтожны, къ тому же лошади имѣли свѣжій и бодрый видъ, и мы незамѣтно подошли къ горному проходу Ундурнутъ. Рѣка Карулюнь, вступая въ горное ущелье, дѣлая своимъ русломъ дугу, обращенную къ сѣверу, смѣло прокладываетъ себѣ русло, среди высокихъ холмовъ, изрѣзанныхъ глубокими долинами. Окрестныя горы, залегающія между ними долины, а равно и все видимое по сторонамъ пространство, имѣютъ пріятныя очертанія и богаты травою. Въ часъ дня остановились для отдыха и черезъ 3 часа двинулись далѣе. Горы постепенно понижаются, ущелье принимаетъ видъ развѣтвляющейся долины, въ которой мы встрѣтили небольшое озеро Бага-мэлэхэй, гдѣ ютилось кочевье изъ 3 юртъ. Это было единственное поселеніе за весь сегодняшний день, которое и послужило мѣстомъ для ночлега. Устроившись на ночлегъ, я отправился въ юрту монгола узнать нѣтъ ли отсюда кратчайшей дороги къ оз. Далай-нуръ или брода на правый берегъ рѣки. Ближайшею причиною, побудившею меня избрать именно это направленіе, было то, что слѣдуя по направленію рѣки, теряя непроизводительно время, углубляясь къ югу, я вынужденъ буду выйти къ тому же восточному направленію; между тѣмъ, имѣя иное, болѣе удобное сообщеніе я могу сократить дни марша по каменистой дорогѣ. Мѣстные старожилы-монголы объяснили, что рѣка хотя и представляла въ нѣкорыхъ мѣстахъ прекрасныя броды, но въ текущее лѣто при обилии дождей стала непроходимой, и выгоднѣе всего, конечно, ѣхать безъ дороги, тѣмъ болѣе характеръ степной гладкой мѣстности менѣе затруднителенъ для движенія, чѣмъ частые горные хребты. Такъ или иначе—нужно взять то или другое направленіе и я, простившись съ лю-

безными монголами отправился къ своей палаткѣ. Поужинали, раскинули постели, но первый сонъ былъ нарушенъ: пришелъ монголъ—хозяинъ здѣшной юрты, сказалъ, что къ нему на ночь заѣхалъ монголъ, который направляясь къ оз. Далай-нуръ, желаетъ быть моимъ проводникомъ, при чемъ добавилъ, что рекомендуемый монголъ извѣстенъ своей хорошей репутаціей. Такая заботливость и предупредительность со стороны внимательнаго монгола была весьма трогательна.

28 Іюля. Выѣхали на разсвѣтѣ. Дорога, скорѣе тропинка, по спускѣ съ незначительнаго перевала, извиваясь по постепенно понижающейся горной грядѣ, слилась со степью. Монголъ—проводникъ, предстоящее бездорожное направление обрисовалъ такъ: впереди и по сторонамъ пути будетъ одна степь съ сочною травою, мѣстами съ разнообразными цвѣтами, что же касается воды и топлива, то таковыя отсутствуютъ. Сѣрый день и встрѣчный вѣтерокъ способствовали форсированному движенію. Незамѣтно, около 11 часовъ утра, достигли озерца съ прѣсною водою, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, и здѣсь остановились на отдыхъ. Вокругъ озерца и на всемъ пространствѣ доступномъ для глазъ разстилался зеленый коверъ травы. Съ мѣста своей полуденной остановки я съ двухъ часовъ продолжалъ свой путь тою же мало обитаемою степью. Миновавъ маленькое дождевое озерцо, снова пошла степь, неизмѣющая для себя и общаго названія, а различаемая лишь по горнымъ уваламъ. Далѣе, сдѣлавъ слабый подъемъ на незначительный горный кряжъ, замѣтили, въ мѣстахъ наиболѣе открытых, лентообразное направление рѣки Кэрулюнь. Ускорили движеніе и къ 8 часамъ вечера подтянулись къ рѣкѣ, гдѣ на ея лѣвомъ берегу и остановились провести ночь.

29 іюля. Утро теплое, небо мѣстами заволочено облаками. Рѣка Кэрулюнь, также какъ и въ верховьяхъ, оказалась въ полномъ разливѣ и глубина ея была внушительна. Поэтому о возможности нашей переправы съ телѣгою и лошадьми нечего было и думать. При такихъ обстоятельствахъ я рѣшилъ двигаться дальше въ направленіи къ оз. Далай-нуръ, тѣмъ болѣе что недалеко отъ вышеупомянутаго озера есть доступные для переправы броды. Слѣдуя по однообразной степи, миновавъ нѣсколько въ сторонѣ лежащихъ дождевыхъ лужъ, я въѣхалъ въ песчаные холмы и среди нихъ помучился, сравнительно, не мало, такъ какъ дожди предшествовавшихъ дней только слегка смочили песокъ и онъ оказался такимъ же малопроѣзжимъ, какъ и въ знойную пору. Далѣе, въ направленіи къ с.—в., пошли одинъ за другимъ песчаные увалы, чередующіеся съ небольшими долинами. Двигаясь дальше, замѣтили вдали небольшой обозъ, который при приближеніи оказался одиноко торчавшими тремя наг-

руженными шерстью телѣгами; хозяина и лошадей при нихъ не было. Явленіе среди скучной песчаной мѣстности кажется загадочнымъ; здѣсь мы остановились отдохнуть и, возобновивъ путь, не успѣвъ еще отѣхать отъ мѣста полдника, были остановлены голосомъ русскаго человѣка. Путемъ довольно короткаго разговора, къ великому прискорбію, узнали что незнакомецъ пять дней тому назадъ, остановившись отдохнуть возлѣ озера, продремалъ лошадей. Жаль было видѣть изнуреннаго человѣка — все на немъ само говорило, что страдалецъ испыталъ не мало. Видя это я сказалъ: „не падайте духомъ, вотъ вамъ запасъ сухарей, табаку и спичекъ, оставьте хозяйское добро на произволъ судьбы, идите домой и лично сообщите своему хозяину о постигшемъ несчастіи“. Моя бесѣда, видимо, развѣявъ грустныя думы, воздѣйствовала и скиталецъ, подкрѣпивъ свои силы, рѣшилъ отправиться на станцію Борзя и оповѣстить своего хозяина; послѣ бесѣды я направился въ дальнѣйшій путь. Надо замѣтить, что такая встрѣча является дурнымъ предзнаменованіемъ въ малообитаемой степи, надо думать, коегдѣ ютятся существа, зорко слѣдящія за движеніемъ чужеземнаго колеснаго обоза, слѣдовательно, надо въ предстоящихъ ночлегахъ внимательно себя оберегать, дабы не очутиться въ глупомъ положеніи. Двинулись далѣе, продолжалъ то спускаться, то снова подыматься на небольшіе горные увалы, и незамѣтно вышли на караванную дорогу, ведущую со ст. Борзя Забайкальской ж. д. къ гор. Долонноръ и Ганьчжурь-сумэ, гдѣ подлѣ незначительнаго озера съѣхалось нѣсколько китайскихъ подводъ. Телѣги были нагружены кожами павшихъ животныхъ и овечьей шерстью. Пользуясь наличностью каравана, я поспѣшилъ отправиться къ нему и вырѣшить вопросъ о кратчайшемъ пути, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе я уклонялся къ с.-в. отъ истиннаго направленія. Мой разговоръ съ встрѣтившимися китайцами не принесъ ничего утѣшительнаго: рѣка Кэрулюнь всюду одинаково полноводна и не допускаетъ переправы. Оставалось одно, не возвращаясь назадъ, слѣдовать по западному берегу озера Далай-нуръ.

30 іюля Рано утромъ, простившись съ проводникомъ, и пожелавъ ему счастливаго пути, возобновили путь. Слѣдуя по однообразной слегка холмистой степи, незамѣтно къ 12 часамъ дня, добрался до юго-западнаго берега оз. Далай-нуръ, гдѣ остановился для полдника. Въ то время, когда мы были заняты чаепитіемъ къ намъ подъѣхалъ монголъ — пастухъ, который обстоятельно рассказалъ направленіе и трудность дороги, обусловливаемой главнымъ образомъ тѣмъ, что придется то спускаться, то подыматься, каждый разъ, конечно, съ прогрессивно возрастающею крутизною. Достаточно отдохнуть, снова двинулись. Мѣстами наша дорога

близко подходила къ берегамъ озера, и здѣсь мы могли наблюдать, какъ на озерѣ плавали огромными стадами дикіе гуси, утки и кое-гдѣ лебеди, а вдоль береговъ важно бродили журавли. Характеръ мѣстности гористый, горы Балютай мѣстами съ сыпуче-песочными холмами, съ небогатой травяной растительностью, трудно проходимы для колесныхъ обозовъ.

31 Юля. Утро ясное. Хотя мои глаза и привыкли къ картинамъ горной природы, тѣмъ не менѣ торчащіе по сторонамъ дороги обнаженные песчаные выступы мало радовали своимъ дикимъ величіемъ. Прокладывая себѣ путь изъ одной узкой долины въ другую, мы, послѣ 4 часового пути мѣстами крутыхъ подъезмовъ и такихъ же спусковъ, дошли до небольшого озера Бага-нуръ гдѣ хотѣли было остановиться для отдыха; но озерная горько-соленая вода, даже непригодная для питья скоту, заставила ѣхать дальше въ направленіи къ озеру Цага-нуръ. Оставивъ позади нѣсколько горныхъ отроговъ остановились у, такъ называемаго, Баэнхада, съ цѣлью накормить лошадей и приготовить для себя пищу.

Не лишнее будетъ, заканчивая свое движеніе вдоль рѣки Кэрулюнь и западнаго берега оз. Далай-нуръ, въ общихъ чертахъ познакомиться съ характеромъ рѣки Кэрулюнь и озеромъ Далай-нуръ.

Болѣе или менѣ значительныхъ рѣкъ кромѣ р. Кэрулюнь, въ пройденномъ направленіи Монголіи не имѣется; остальные же рѣки и ручьи, образующіе, по выходѣ на плоскогорье, небольшія озера, поддерживаются отъ изсяканія только дождевыми осадками, а въ сухое время года совершенно высыхаютъ. Самая наибольшая рѣка Кэрулюнь, образовавшаяся изъ мелкихъ рѣчекъ въ Гэнтэйскихъ горахъ, течетъ въ юго-восточномъ направленіи, а затѣмъ круто поворачиваетъ на сѣверо-востокъ до впаденія въ оз. Далай-нуръ. Рѣка въ пунктахъ моего наблюденія, большею частью, разбиваясь на многочисленныя протоки, течетъ въ низкихъ берегахъ, заросшихъ травою. Теченіе рѣки извилисто, глубина и ширина зависятъ отъ количества выпадающихъ дождей въ ея верховьяхъ; дно вязкое, вода на вкусъ со слабымъ дурнымъ запахомъ. Рѣка въ смыслѣ доступности переѣзда, въ нынѣшнее лѣто, въ силу атмосферныхъ осадковъ, отъ средняго теченія вплоть до устья съ значительнымъ колебаніемъ по глубинѣ и значительнымъ теченіемъ 5—7 верстъ въ часъ, была недоступна для переправы: мостовъ нѣтъ, а ранѣе существовавшія подочныя переправы отсутствуютъ. Въ малую воду и особенно въ засуху рѣка на всемъ протяженіи отъ гор. Кэрулюнь до ея устья—оз. Далай-нуръ доступна во многихъ мѣстахъ для переправы.

Оз. Далай-нуръ—священное озеро въ Хулуьнбирскомъ округѣ (Барга), окаймленное съ юга песчаными холмами, а съ запада—холмистыми степями гор. Балютай и Ольчинъ, лежитъ въ котловинѣ съ плоскими песчаными берегами. Озеро, занимая не болѣе 15 верстъ въ ширину и около 50 верстъ въ длину, имѣетъ различную глубину; наибольшая глубина до 3 сажень, существуетъ только въ южной части при впаденіи рѣки Кѣрулюнь. Озеро, заросшее мѣстами камышемъ и другими озерными травами, представляетъ удобное мѣсто для рыбы, количество которой поражаетъ своимъ обиліемъ. Изъ рыбныхъ породъ въ озерѣ преобладаютъ особенно сазанъ, карась и таймень. Ловъ рыбы воспрещенъ, хотя въ послѣдніе годы китайцы нарушаютъ народный обычай и религиозное воззрѣніе монголь. Преданіе гласитъ, что прилегающая къ озеру мѣстность, будучи подвержена заболѣваніямъ народа и скота, была посвящена Богу. Въ ознаменованіе святости, а главное для охраненія рыбы, озеро съ четырехъ сторонъ предохранено обонами, при которыхъ ежегодно совершаются богослуженія съ многочисленнымъ стеченіемъ монголь. Озерная вода, съ нѣкоторымъ содержаніемъ извѣсти, на вкусъ горько—соленая. Озеро, помимо рыбнаго богатства, также славится: лебедями, гусями и утками.

1 Августа Съ восходомъ солнца двинулись въ дальнѣйшій путь и черезъ часъ ѣзды, когда мы повернули немного къ сѣверу, передъ нами открылась слегка понижающаяся волнообразная долина, на которой не было видно ни души.—Это конецъ Ольчинской горной степи. Передъ нами открывается обширная равнина степного характера, на которой растительность, по мѣрѣ движенія къ сѣверу, становится какъ то гуще и свѣжѣе. Казалось, должны быть здѣсь кочевники, но такыя, ввиду оперирующихъ бродячихъ шаекъ „Черкесъ-дайсун“ перекочевали ближе къ среднему теченію рѣки Кѣрулюнь.

Къ часу дня, двигаясь прямо степью, придерживаясь лишь опредѣленнаго направленія по компасу, пришли къ мѣстности, такъ называемой, Харануръ, гдѣ и остановились приготовить себѣ пищу. Какъ только мы закончили нашъ утренній завтракъ, къ намъ подъѣхалъ, видимо, пастухъ изъ проживающихъ по близости монголь, который обстоятельно объяснилъ направленіе предстоящаго пути и добавилъ, что едва ли удастся обогнуть сѣверный берегъ оз. Далай-нуръ, такъ какъ вытекающая изъ него рѣка Мутная, съ топкимъ дномъ, для обоза не проходима. Не знаю насколько было праздоподобно свѣдѣніе мѣстнаго старожила относительно непроходимости рѣки Мутной, однако, въ концѣ концовъ пришлось согласиться съ его доводами и взять направленіе пути на ст. Маньчжурія. Вновь создаваемое

кружное направлѣніе до нѣкоторой степени меня устраивало: на ст. Маньчжурія возможно будетъ пополнить запасы съѣстныхъ продуктовъ, обновить перевозочныя средства, и проч. и затѣмъ уже можно спускаться на югъ, заглянуть по пути въ Ганьчжурь-сумэ, гдѣ, ко времени моего прибытія, должна быть открыта ярмарка. Едва успѣли взять новое направлѣніе, переваливъ незначительный холмъ и еще очень мало продвинулись впередъ, какъ наткнулись на слѣды тяжело груженныхъ телѣгъ, колеса которыхъ съ желѣзными шинами оставили замѣтный слѣдъ. Случайное бездорожное движеніе колеснаго обоза, имѣющаго направлѣніе съ юга на сѣверъ, побудило меня усилить ходъ своего движенія и связаться съ предпринимателями ложнаго направлѣнія. Черезъ короткій промежутокъ времени мы нагнали четыре подводы съ парными запряжками лошадей. Возчики, боясь открытыя цѣль своего путешествія, предложили закусить и освѣжиться пивомъ. Мы охотно согласились на любезное предложеніе и приняли предложеніе подѣлать хлѣбъ—соль. За полдникомъ выяснилось, что случайные наши попутчики направляются въ Троицко-Савскъ, куда регулярно подвозятъ маньчжурскую дешевую водку и нынѣ избранное ими бездорожное движеніе было вызвано тѣмъ, что на ранѣе избранномъ контрабандномъ пути, по дошедшимъ до нихъ слухамъ, разѣзжаются таможенные надсмотрщики. Было уже далеко за полдень, когда я возобновилъ свой путь, радуясь тому, что хотя и поздно все-таки достигну станціи Маньчжурія. Послѣ нѣсколькихъ переваловъ мы миновали крайній предѣлъ холмистой мѣстности и спустились въ долину, среди которой ярко обозначались станціонные огни, которые казались очень близко. Къ нашему несчастью на закатѣ солнца небо покрылось тучами, усилившими темноту вечера, и началъ моросить мелкій дождикъ, что заодно способствовало медленному движенію, и я очень опасался, какъ бы, прежде нежели достигнуть намѣченнаго ночлега, не пришлось бы провести ночь въ виду станціи. Истощенные дневнымъ переходомъ, лошади чувствовали усталость. Послѣ часа ходьбы мы достигли историческаго вала, именуемаго Чингисхановскимъ, а далѣе и рва, являющагося границей желѣзнодорожнаго отчужденія, вблизи котораго, у самой дороги, послышался голосъ охмелѣвшаго человѣка. Подѣхали ближе,—дѣйствительно, на одной изъ колеи дороги лежало что то черное, издававшее звуки, видимо—пьяный. Ночная встрѣча казалась загадочною и я, остановивъ подводу, приказалъ взять оружіе и изъ-за прикрытія телѣги ружейнымъ огнемъ нарушилъ покой живого существа, предваривъ словами: „вставай, нечего дурака валять“. Какъ только я произнесъ эти слова, что то зашевелилось и изъ подъ чернаго войлока выползли два человѣка, которые, не проронивъ не единого

слова, быстро направились къ линии полотна желѣзной дороги и, достаточно удалившись, предупредили: „счастье твое—вась больше“. На такую угрозу, навѣрное зная съ кѣмъ имѣю дѣло, я отвѣтилъ по искателямъ приключеній выстрѣломъ вдогонку. Перейдя небольшою ручеекъ и желѣзнодорожный переѣздъ, мы, наконецъ, очутились между жилыми строениями, оказавшимися предметъемъ ст. Маньчжурія. Время было уже далеко за полночь, когда, наконецъ, мы остановились на ночлегъ при какомъ то трактирѣ, оказавшемся по сосѣдству съ полицейскимъ управленіемъ.

2 Августа. Еще до восхода солнца мы были на ногахъ и готовились въ дорогу. Первымъ дѣломъ было, обезпечить себѣ дальнѣйшее слѣдованіе на югъ Монголіи, а главное, приобрести подходящихъ лошадей. Насколько выяснилось по роду моей поѣздки и груза, мнѣ удобнѣе всего было бы ѣхать на верблюдахъ, но таковыхъ невозможно было найти и, въ силу этого, пришлось остановиться только на вопросѣ замѣны лошадей болѣе крѣпкими. Шатаясь по постояннымъ дворамъ, поддерживая связь съ мѣстными барышниками, я никакъ не могъ подыскать лошадей; хотя и попадались подходящія, но необычайная ихъ дороговизна не отвѣчала ихъ качеству. Однако, несмотря на такія высокія цѣны, былъ одинъ выходъ—изъ среды намѣченныхъ лошадей выбрать одну лучшую пару и покончить дѣло о покупкѣ лошадей. Такъ я и сдѣлалъ: приобрѣлъ двухъ лошадей и одну телѣгу, цѣною въ 120 рублей. Приблизительно окопо десяти часовъ утра я возобновилъ дальнѣйшій путь. Наша дорога лежала вдоль сѣверной стороны полотна желѣзной дороги на ст. Чжа-лай-нуръ. Свѣжія лошади и наѣзженная дорога способствовали тому, что я къ вечеру былъ уже на станціи, расположившись на ночлегъ въ районѣ взвода корпуса пограничной стражи.

3 Августа. На разсвѣтѣ поѣхали дальше, подвигаясь вдоль праваго берега рѣки Мутной, пока не достигли сплошныхъ песковъ. Пройдя около версты, дорога прекратила свое направленіе и я очутился среди поля, на которомъ не было видно никакой растительности: ни травы, ни деревьевъ, ни воды,—словомъ ничего, кромѣ гальки и песчаныхъ уваловъ. Лошади изнурились и здѣсь, съ раннаго утра, должны были остановиться и провести ночь. Не успѣли мы напиться чаю, какъ подъѣхалъ монголь, который считалъ почему то долгомъ освѣдомиться о нашемъ здоровьѣ и спросить, не пришлось ли намъ испытать лишеній и затрудненій въ пути. Данныя неуспѣшности передвиженія, казалось, были на лицо, тѣмъ не менѣе я въ краткихъ словахъ обрисовалъ ему наши невзгоды и трудности песчанаго пути. Монголь удивлялся, почему я избралъ такой трудный путь по пескамъ на рѣк. Орчонъ, тогда какъ въ узакан-

номъ мнѣ направленіи гораздо меньше затрудненій, чѣмъ здѣсь. Я отвѣтилъ, что вообще не боюсь здѣшнихъ песочныхъ преградъ и нѣтъ необходимости брать окружное направленіе, тѣмъ болѣе, что хотя и медленно, но движеніе и здѣсь для меня доступно. Однако, не долго пришлось бесѣдовать съ любезнымъ монголомъ, онъ спѣшилъ домой; видя это я, въ знакъ особаго его ко мнѣ расположенія, наградилъ его металлическимъ изображеніемъ Будды. Монголь безконечно былъ счастливъ и радъ и былъ готовъ оказать мнѣ всяческое вниманіе. Такъ или иначе монголь, удаляясь съ низкими поклонами, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ. Меня брало раскаяніе; дѣло хотя и непоправимо, но все таки надо было день чѣмъ нибудь заполнить; думалось—поохотиться, не на что; оставалось только одно, въ ближайшемъ соленомъ озерѣ выкупаться и пополнить запасы топлива единственнымъ горючимъ матеріаломъ—аргаломъ. Выкупавшись, собрали достаточно драгоценнаго топлива и можно было бы ѣхать дальше, но, благодаря жалкому, изнуренному виду лошадей, пришлось отложить ѣзду до слѣдующаго дня.

Немного раньше я коснулся западнаго берега озера Далай-нуръ и р Мутной, теперь же скажу относительно ихъ. Окрестности озера—ближайшія горы и песчаные увалы—не высоки, имѣютъ мягкія формы. По горамъ и уваламъ на песчаной, съ примѣсью гальки, почвѣ изобилуетъ польня и другіе сорта горькой травы, но мѣстами есть и прекрасныя пастбища; однако, несмотря на это, монголы при озерѣ не живутъ, быть можетъ, по причинѣ открытой мѣстности, не представляющей надежнаго убѣжища при постоянномъ безпокойствѣ со стороны шатающихся разбойниковъ. Берега озера пологіе; съ берега озеро не глубоко, вода горько-соленая; рыбы много, а въ береговыхъ озерныхъ кустахъ высокой травы исключительно преобладаютъ гуси, утки и турпаны. Рѣка Мутная—съ топкимъ дномъ, слабымъ теченіемъ, глубиною не свыше 4 футовъ и сравнительно узкимъ русломъ, мѣстами для колеснаго обоза не проходима.

4 Августа. Еще не стало свѣтать, какъ меня подняли на ноги и порадовали, что лошадей нѣтъ. Раннимъ утромъ, каждый изъ насъ отправился въ свою сторону и, несмотря на старательныя поиски, пришлось вернуться, удовольствовавшись лишь тѣмъ, что вмѣсто 3 лошадей розыскали только одну (пѣгую), которая, видимо, не пришлась по вкусу любителямъ чужой собственности. Предполагая, что, быть можетъ, хозяйскій глазъ добросовѣстнѣ отнесется къ поискамъ, я рѣшилъ, вновь разославъ людей въ пункты болѣе отдаленныя, верхомъ на лошади избороздить разными аллюрами всѣ подозрительныя мѣста. Казалось, все возможно было найти; нашли даже чужихъ лошадей, а своихъ никакъ

не могли найти, слѣдовательно, онѣ попали въ руки хорошаго „хозяина“. Пришлось отказаться отъ продолженія путешествія въ этотъ день, а заняться развѣдкой обитателей и войти съ ними въ связь, но и послѣдняя попытка отыскать монгольскія юрты увѣнчалась полной неудачей. Напились чаю и послѣ денной утомительной ходьбы съ болью въ сердцѣ отправились на ближайшіе песчаные увалы полюбоваться горѣвшими каменно-угольными копьями; при приближеніи къ ближайшимъ уваламъ, неожиданно наткнулись на всадника, видимо, наблюдавшаго за теченіемъ дѣла на осиротѣломъ бивуакѣ. Всадникъ, немного удалившись отъ насъ, и не подпуская насъ къ себѣ, не оставлялъ своего наблюдательнаго поста. Теперь я понялъ, что мой бивуакъ составляетъ предметъ особеннаго вниманія и предстоящей ночью слѣдуетъ ожидать нападенія. Оставалось приготовить къ встрѣчѣ и отбить у любителей охоты къ легкой наживѣ. Поужинали, прочистили ружья, самыя нужныя вещи сложили на телѣгу, менѣе важныя, громоздкія оставили на мѣстѣ прежняго бивуака и, какъ только настала темнота, перекочевали не далѣе 3—4 верстъ отъ нашей прежней стоянки. Такимъ образомъ, на предстоящую ночь среди яко-бы необитаемой песчаной степи, у насъ образовалось два лагеря силою—при новомъ два, а при старомъ (дневномъ)—одинъ человекъ. Небо было пасмурное—ходили черныя тучи. Мы, въ ожиданіи гостей, конечно, приготовились съ винтовками въ рукахъ, револьверами на поясѣ и солиднымъ запасомъ боевыхъ патроновъ. Лишь установилась ночь, негодяи, вблизи нашего сосѣдства, установили три костра, цѣлью которыхъ было, очевидно, приковать къ нимъ наше вниманіе и не ожидать нападенія съ противоположной стороны. Къ счастью, замыслы промышляющихъ грабежомъ были предугаданы. Зарево костровъ замѣтно уменьшилось, значить грабители готовятся. Послышался лошадиный топотъ, ближе... вѣрообразно, ощупью, безъ шороха, плавно слѣдуетъ шесть всадниковъ. Хорошо обозначились лошади и всадники на разстояніи не болѣе 400 шаговъ; я со своимъ спутникомъ засѣлъ поодаль отъ телѣги, въ травѣ, и предугадывая ихъ планъ нападенія врасплохъ на спящихъ, рѣшилъ встрѣтить гостей мѣткимъ огнемъ съ тыла. Первая гроза миновала удачно—цѣпь негодяевъ насъ не коснулась, прошла мимо; мы, прижавшись къ землѣ, считали минуты. Вотъ они перемѣнили направленіе, заѣздъ плечомъ и моя стоянка оказалась противъ середины движущихся на насъ тѣхъ же всадниковъ, которые въ одинъ мигъ, пришипоривъ своихъ лошадей, бросились на телѣгу; мы встрѣтили и проводили гостей учащенной стрѣльбой. Смѣлая стрѣльба изъ двухъ моихъ стоянокъ по негодьямъ произвела среди нихъ суматоху, всадники, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, съ

дикимъ визгомъ отскочили въ сторону и, когда выбрались изъ сферы дѣйствительныхъ нашихъ выстрѣловъ, послали по моему адресу привѣтъ: „ты отъ нашихъ рукъ не уйдешь“. Къ счастью, небо прояснилось и стало слегка свѣтать, мы ощущали необъятный приливъ вѣры и силы, мѣтко прицѣливаясь вдаль по наблюдающимъ за нами, заставивъ ихъ удалиться отъ близкаго сосѣдства и отложить желаніе до слѣдующаго, болѣе удачнаго, случая. Разсчитавшись съ ночными посѣтителями, я еще до восхода солнца изыскивалъ способы передвиженія. Настало утро, а на вершинѣ ближайшаго холма по прежнему торчалъ наблюдательный постъ. Несмотря на дальность разстоянія, все таки въ направленіи ясно обозначенной подвижной мишени мы общими силами послали нѣсколько выстрѣловъ, пока всадникъ совершенно не скрылся. Кто именно напалъ на насъ, конечно, трудно сказать, тѣмъ не менѣе возможно утверждать, что слѣдовавшіе сзади и выжидавшіе удобнаго случая для нападенія, были не мѣстные аборигены, а пришлый элементъ. Подтвержденіемъ такой догадки, служить то обстоятельство, что посланное мнѣ ими привѣтствіе было на чистомъ русскомъ языкѣ, да и приемы нападенія вполне отвѣчали требованіямъ извѣстнаго строя—лавы. Для меня было ясно, что среди бродячихъ шаекъ мѣстныхъ грабителей вожаками являются опытные лица, которыя, не жажда борьбы и подвига, пользуются оплошностью и безпечностью профъзающихъ. Убѣдившись въ этомъ, каждую ночь приходилось выставлять изъ своего крошечнаго отряда охрану.

Къ концу нашего завтрака возвратился мой спутникъ, который гдѣ то въ пескахъ, недалеко отъ р. Орчонъ, нанялъ двѣ подводы. Сложили вещи и, медленно подвигаясь въ направленіи къ р. Орчонъ, вѣхали въ кочковатое, заросшее высокою травою, болото, гдѣ неожиданно встрѣтили двухъ верховыхъ, незамѣтно слѣдовавшихъ стороною, параллельно нашему движенію. Какъ только мой обозъ, снявшись съ мѣста ночлега, достаточно продвинулся въ южномъ направленіи, то торчавшій на песчаномъ холмѣ дозоръ приблизился къ моему бывшему бивуаку и что то разыскивалъ,—видимо хотѣлъ найти гильзы отъ выпущенныхъ патроновъ и, судя по нимъ, установить систему моего оружія, но сдѣлать этого ему не удалось, т. к. я всѣ гильзы подобралъ. Покинувъ кочковатое болото, районъ ближайшихъ песковъ замѣтно измѣнялъ свою физиономію къ лучшему: пески становились не такъ глубоки и мѣстами между ними начали чередоваться участки пастбищъ съ небольшою травою. Движеніе пошло успѣшнѣе и, перейдя неглубокій ручеекъ, текущій на югъ и несущій свои воды въ р. Орчонъ, мы начали подыматься на послѣдній песчаный уваль, за котрымъ протекала р. Орчонъ—пунктъ нашей остановки. Подъ—

емъ на пески оказался весьма труднымъ, однако, съ удвоенной запряжкой по очереди вытащили подводы на противоположный спускъ и были недалеко отъ ночлега. Нѣсколько извилистыхъ движеній и, наконецъ, передъ глазами, утомленными песочною пылью, показались юрты, разбросанныя 3-мя группами по обоемъ берегамъ рѣки и мой временный возчикъ, теперь уже улыбающійся, скорымъ движеніемъ подѣхалъ къ своей куртѣ, послужившей мѣстомъ ночлега. Такъ какъ въ послѣдніе два дня мы имѣли скудную пищу, къ тому же мясо, купленное на ст. Маньчжурія, уже издавало запахъ, то, конечно, первой заботой было купить барана и приготовить сытный ужинъ и затѣмъ принять мѣры предосторожности на предстоящую ночь. Населеніе казалось миролюбивымъ, тѣмъ не менѣе желательно было выяснить, какъ вообще оно смотритъ на дѣйствія непрошенныхъ ночныхъ гостей. Дѣйствительно, оказалось, что въ недалекомъ отъ монгольскаго стойбища оперируетъ шайка грабителей и сами монголы, испытавъ ихъ частыя нападенія, боялись какъ бы сегодня снова не было грабежа. Расположивъ свой бивуакъ тыломъ къ рѣкѣ, стараясь всѣми мѣрами показать, что я никого не боюсь, я съ своей малочисленной партіей людей, конечно, ободривъ испуганныхъ монголь, рѣшилъ, что если уже не миновать намъ новаго нападенія, то всю ночь не спать, имѣя охрану съ оружіемъ наготовѣ, и подобающе принять гостей. Случай помогъ такому рѣшенію. Спустя нѣкоторое время, къ монгольскимъ стойбищамъ прискакалъ на неосѣдланной лошади монголь, который дрожащимъ голосомъ, со слезами на глазахъ, въ краткихъ словахъ нарисовалъ картину, что отбитые кѣмъ то разбойники скрылись въ пескахъ, разграбивъ имущество его ближайшаго сосѣда и, не довольствуясь трофеями недавняго прошлаго, рѣшили сдѣлать ночное нападеніе на монгольскія юрты, расположенныя на рѣкѣ Орчонтъ и, заодно, попробовать силы не удастся ли обогатиться иностраннымъ купеческимъ обозомъ.

Какъ я ни старался разубѣдить трусливаго монгола, однако пришлось, въ концѣ концовъ, уступить его, и собравшихся при мнѣ изъ сосѣднихъ юртъ монголь, доводами и организовать оборону. Такъ или иначе, съ большимъ вѣроятіемъ можно было рассчитывать, что если и предполагается нападеніе, то таковое будетъ, несомнѣнно, только ночью, а пока еще до заката солнца времени было достаточно, чтобы набрать изъ туземцевъ надежныхъ и вѣрныхъ сподвижниковъ. На мой призывъ выискались удалъцы, готовые идти на безумныя жертвы во имя мести за недавнее ограбленіе ихъ собратьевъ и уничтожить незваныхъ гостей. Мѣстный „гарнизонъ“, предвидя недоброе, сталъ сгонять къ стойбищамъ свои стада и до заката солнца все было на гла-

захъ, причеиъ нѣкоторыя животныя, чтобы они не разбѣжались отъ ружейной стрѣльбы, были или привязаны или крѣпко стреножены. Какъ только настала ночь, я взялъ на себя предводительство по охранѣ; наличный составъ людей, имѣвшихся въ моемъ распоряженіи, раздѣлилъ на три смѣны, причеиъ очередная должна зорко наблюдать за каждымъ движеніемъ впереди лежащей открытой мѣстности и охранять остальныхъ, дремяущихъ шесть человекъ, готовыхъ по первому сигналу, съ оружіемъ въ рукахъ, поддержать начатое дѣло. Царила мертвая тишина: не было слышно ни шума отъ случайнаго пролета запоздалой стаи дикихъ утокъ, ни жужжанія назойливыхъ комаровъ,—все успокоилось, только мы, утроивъ свое вниманіе, съ минуты на минуту поджидали ночныхъ гостей. Время шло незамѣтно—первая и вторая смѣны отдежурили и на мѣсто нихъ вступила послѣдняя, усиленная половиннымъ составомъ первой. Жажда борьбы и подвига кипѣла въ груди каждаго, но случай не представлялся. Вотъ, на разсвѣтѣ замелькали и затѣмъ ясно обрисовались силуэты лошадей или рогатаго скота, которые свободно расхаживали, не переходя, однако, предѣловъ дѣйствительнаго полета пули. Внимательно присматриваясь, замѣтили среди свободно пасущагося смѣшаннаго скота искру огня—значить дикая орда караулить и ждетъ момента обрушиться на насъ съ наибольшими для себя шансами. Нѣсколько мгновеній двѣ лошади, подошедшія со стороны довольно близко къ нашей стоянкѣ, почему то сразу повернули, заходя въ тылъ, скрылись въ темнотѣ; далѣе снова пара лошадей, но уже направлявшаяся прямо на насъ. Подпустивъ ихъ не болѣе какъ на 400—500 шаговъ, я открылъ по нимъ огонь и на нашъ дружный залпъ было отвѣтомъ подрядъ шесть револьверныхъ выстрѣловъ, не причинившихъ намъ никакого вреда, т. к. пули, за дальностью разстоянія, не достигали нашего бивуака. Судя по собачьему лаю—приближались разбойничьи партіи и по мѣстамъ наибольшаго вѣроятія ихъ слѣдованія мы возобновили учащенную стрѣльбу, которая, въ свою очередь, поддерживалась пальбой изъ разныхъ системъ оружія чуть ли не каждымъ хозяиномъ изъ своей юрты. Въ общемъ, монголы набрались храбрости, стрѣляли всѣ, но толку отъ этого было мало—большинство, не выходя изъ помѣшенія, поражали противника стрѣльбой вверхъ, черезъ отверстіе юрты!... Ближе къ разсвѣту разыгравшаяся перепалка стихла, начали съ разныхъ концовъ къ моему лагерю стекаться гордые рыцари, которые въ глазахъ своихъ коллегъ отмѣчали свою безумную ружейную трескотню, завѣряя, что ихъ пули ложились въ сферѣ дѣйствительнаго пораженія. Испытанія кончились и мы общей толпой (міряне и духовенство) отправились на поле брани подбирать трофеи и, къ всеобщему огорченію,

подняли только одну лошадь, раненую въ шею и ногу. На лошади оказалось сѣдло кавказскаго образца, которое взяли монголы, чтобы выставить въ 200 шагахъ отъ своихъ крайнихъ юртъ, такъ какъ, по ихъ повѣрью, отбитыя вещи грабителя будутъ охранять въ теченіе 7 дней цѣлость ихъ благосостоянія, а затѣмъ сѣдло будетъ передано въ хошунное управление.

5 августа. Утро облачное, мороситъ мелкій дождикъ, мѣшающій трогаться съ мѣста. Къ полудню немного прояснилось и мы, на законтракованныхъ подводахъ до Гань-чжу-эр-сумэ, распрощавшись съ памятными для насъ песками и двумя бессонными ночами, пошли вверхъ по теченію р. Орчонтъ съ сравнительно ничтожнымъ отклоненіемъ отъ ея праваго берега. Рѣка Орчонтъ, при ширинѣ русла не болѣе 10 саженой, имѣя направленіе почти съ юга на сѣверъ, съ относительно быстрымъ теченіемъ при ничтожной глубинѣ, съ прозрачной и хорошей на вкусъ водою, пробиваетъ себѣ путь по широкой долинѣ, между рядомъ незначительныхъ холмовъ и богатыхъ растительностью степей. Обиліе рыбы сказывалось на каждомъ шагу—на берегахъ рѣки сплошь и рядомъ валялись рыбные остовы. Рыбы никто не ловитъ,—единственными, какъ насъ увѣряли, рыбопромышленниками являются только собаки, которыя на мелкихъ мѣстахъ, особенно на перекатахъ, приспособились добывать себѣ рыбную пищу. Степная мѣстность, гдѣ мы теперь проходили, кое-гдѣ смѣнялась песчаными холмами и, несмотря на это, степная растительность приютила у себя монголь съ ихъ стадами скота. Далѣе, приближаясь къ Гань-чжу-эр-сумэ, выйдя на дорогу, ведущую со ст. Цаганъ, признаки растительности на солонцеватой равнинѣ были весьма бѣдны и скотоводы отсутствовали. Лошадь и два быка изнурились, хотя нужно замѣтить, двигались весьма медленно и мы, оставивъ за собою высохшее озеро, остановились на полдникъ. Запаслись силами и потянулись далѣе. Жителей зблизки насъ не было и на своемъ пути встрѣчали только одиночныхъ каравельныхъ монголь, возвращающихся изъ Гань-чжу-ра къ своимъ стойбищамъ. Время клонилось къ вечеру и мы въ районѣ ближайшихъ къ Гань-чжу-ру песчаныхъ холмовъ остановились на ночлегъ. Прилегающая мѣстность носила пустынный характеръ—большая часть долины и песчаные увалы стояли совершенно оголенными.

6 августа. При восходѣ солнца, покинувъ мѣсто ночлега, мы направились по торной тропинкѣ къ Гань-чжу-эр-сумэ и, не пройдя семи верстъ, раскинули свой бивуакъ на хорошемъ кормномъ мѣстѣ, при небольшихъ ключахъ, подлѣ которыхъ сиротливо стояли четыре монгольскихъ юрты (въ здѣшней мѣстности были заболѣванія рогатаго скота и барановъ). Неблагопріятныя условія избранной стоянки, хотя

и могли отразиться на здоровьѣ нашихъ животныхъ, но много исхода не было, пришлось покориться необходимости и достаточно использовать обильный кормъ, наличность котораго значительно облегчала дальнѣйшее наше путешествіе. Мѣстность, гдѣ мы теперь дневали, была не лучше:—горизонтъ, на сколько хватаетъ глазъ, представлялъ мало отрадную картину, тѣмъ не менѣе, осмотрѣвъ еще въ бинокль всѣ впереди прилегающія окрестности, я пришелъ къ убѣжденію, что дальше идти нельзя,—опять наши животныя будутъ довольствоваться скудной травой,—почему рѣшили воспользоваться наличностью здѣсь довольно сноснаго подножнаго корма и переночевать; къ тому же и особенно спѣшить намъ было не къ чему, такъ какъ до начала открытія Ганьчжурской ярмарки оставалось около недѣли, слѣдовательно, двигаясь, даже весьма медленно и съ продолжительными отдыхами, всегда успѣемъ прибыть къ началу открытія ярмарки. Теперь намъ, въ виду продолжительной стоянки, предстояло устроиться возможно лучше,—поставили палатку, а имѣющійся обозъ приучили къ оборонѣ. Поужинали; приготовивъ ружья и патроны, я сказалъ очередному караульному разбудить насъ чуть забрежжитъ заря. Быстро промелькнула ночь и настало утро.

7 августа. Съ восходомъ солнца я отправился яко-бы на прогулку, конечной цѣлью которой было завязать знакомство съ туземцами. На пути къ одной изъ юртъ, я встрѣтилъ посланнаго, который пригласилъ меня войти въ юрту.

Прежде чѣмъ войти въ юрту, хозяинъ послѣдней предупредилъ меня не входить въ юрту изъ опасенія заразиться глазной болѣзью. Поблагодаривъ за любезное предупрежденіе, я заявилъ, что среди моихъ европейскихъ лѣкарствъ находятся чудодѣйственныя средства, могущія излѣчить болѣзнь глазъ. Не желая выказывать свое полное незнаніе, я всячески старался больше останавливаться на тѣхъ вопросахъ, которые я могу лучше объяснить какъ болѣе извѣстные; однако, проникательный хозяинъ, видя во мнѣ якобы опытнаго врача, выразилъ желаніе показать больного. Вошли въ юрту,—я былъ пораженъ грязной внутренней обстановкой, среди которой на полу, застланномъ овчинами, лежалъ больной, прикрытый изорваннымъ покрываломъ. Больной молодой человѣкъ имѣлъ небольшую лѣвую катарактъ съ ничтожною опухолью. Прежде чѣмъ приступить къ правильному лѣченію, я, за неимѣніемъ необходимыхъ при себѣ лѣкарствъ, предложивъ больному до моего возвращенія заняться промывкой глазъ, отправился къ своей телѣгѣ за лѣкарствами; захвативъ съ собою, что нужно, подкрѣпивъ себя свѣдѣніями изъ домашняго лѣчебника, я уже былъ въ курсѣ дѣла, а главное, легко могъ

разбираться съ теченіемъ болѣзни. При вторичномъ посѣщеніи больного увидѣлъ нѣкоторую перемену: внутренняя обстановка приняла яко-бы праздничный видъ, да и самъ хозяинъ, чрезвычайно любезный и радушный, не зналъ гдѣ меня посадить. Сидѣніе въ видѣ тюфяка, покрытое русскимъ краснымъ сукномъ, приготовлено къ чести гостя и удовольствію хозяина. Послѣ малосодержательной церемоніи я занялъ свое мѣсто, а хозяинъ противъ, на другой сторонѣ очага, но уже на болѣе низкомъ сидѣніи и съ меньшимъ передъ нимъ столикомъ, чѣмъ у меня, для того чтобы болѣе наглядно отмѣтить различіе положеній. Согласно установленному обычаю первымъ дѣломъ обмѣнялись табакерками понюхать табакъ, далѣе жена хозяина, закуривъ трубку, пустивъ изъ нея два, три кольцеобразныхъ дымка, предложила изъ ея трубки покурить. Не отталкивая безграничнаго радушія, я охотно, хотя съ омерзеніемъ, выполнилъ, проводимый въ жизнь, утонченный этикетъ. Наконецъ, подали на эмалированныхъ тарелкахъ вареную съ душкомъ баранину, чай и сушеный овечій сыръ и промасленную буду. Не кушать, не пить значило бы оскорбить хозяина, нужно попробовать. Закончивъ скромный завтракъ изъ чая и баранины, я, уступая настойчивымъ просьбамъ, открылъ свою аптеку, которая, при наличности массы лѣкарствъ, могла соимъ только присутствіемъ содѣйствовать выздоровленію. Такъ или иначе, разбираясь въ своихъ лѣкарствахъ, не могъ не обратить вниманіе зрителей на электрическую машинку, которая привела присутствующихъ въ смущеніе, а больного даже въ страхъ. Тѣмъ не менѣе завѣрилъ хозяина, что нѣтъ основанія опасаться чего либо дурного съ моей стороны, а больной пусть будетъ увѣренъ въ отсутствіи у меня желанія ухудшить его положеніе. Давъ ему жидкость, капли которой, должны быть три раза въ день впускаемы ему въ глаза, я увѣрилъ, что благотворное дѣйствіе лѣкарства, при частой промывкѣ глазъ чистой водой, скажется прежде, чѣмъ я отсюда уѣду. Въ видѣ примѣра примѣненія лѣкарства я попросилъ больного принять желаемое положеніе и впустилъ ему въ больной глазъ нѣсколько капель. Пока мы разговаривали, больной, яко-бы чувствуя облегченіе, приподнялся съ постели и предложилъ мнѣ скромное подношеніе, въ знакъ своей благодарности, крошечный платокъ. Мое лѣкарство, можетъ быть, окажется и безуспѣшнымъ, но методъ лѣченія мѣстныхъ свѣтилъ, которые оказывали часто противоположное дѣйствіе, далеко не отвѣчалъ роду болѣзни. Больного сначала лѣчилъ странствующій китайскій знахарь, а въ послѣднее время ученые ламы, доктора, которые разстроивъ больному нервную систему, только совершали надъ больнымъ религіозные обряды по умилоствивленію боговъ жизни. Церемонія по умилоствивленію боговъ самая простая: жертво-

приношеніе изъ баранины, пироговъ, сдѣланныхъ изъ пшена на маслѣ, и возсіянія богамъ. Вообще монгольскіе врачи обыкновенно распознаютъ болѣзни пациента по наружному его виду или по біенію пульса, но такъ какъ болѣзнь даннаго больного была не серьезна и не внушала опасенія, то, въ данномомъ случаѣ, могло помочь только одно средство, отказавшись отъ всякихъ лѣкарствъ,—религіозные обряды. Къ полудню, давъ больному немного лѣкарства и взявъ съ него обѣщаніе придерживаться моихъ указаній, отъ чего болѣзнь безпорно уллучшится, я оставилъ монгольскую юрту и вернулся домой, гдѣ мои спутники давнымъ давно поджидали меня къ обѣду. Кончили обѣдъ и рѣшили перемѣнить стоянку, придвинувшись нѣсколько ближе къ Гань-чжуру. Въ 2 часа по полудни мы отправились. Мѣстами дорога, скорѣе тропинка, подходила то къ одному, то къ другому песчанымъ уваламъ. На обширной песчаной, волнообразной равнинѣ, по которой мы тихо двигались, не было видно ни души, царило гробовое молчаніе, изрѣдка нарушаемое щебетаніемъ небольшихъ птишекъ и шорохомъ звѣрковъ, убѣгавшихъ въ свои норы. Избавившись отъ послѣдняго песчанаго увала, мы вступили въ широкую долину, среди которой, на далекомъ горизонтѣ, обозначились какія то строенія. Время приближалось уже къ вечеру, животныя чувствовали усталость и мы, достигнувъ песчанаго холмика, называемаго Шара, остановились на ночлегъ. Подкрѣпивъ себя пищею, приняли мѣры охраненія и улеглись спать.

8^е Августа. Съ восходомъ солнца мы двинулись дальше и, по мѣрѣ нашего движенія на югъ, долина расширялась и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось ея безплодіе. Правда, въ западномъ направленіи, въ болѣе низкихъ мѣстахъ наблюдались еще мѣстами кое-какія жалкія пастбища, зато въ восточномъ, песочномъ направленіи совершенно отсутствовала всякая степная растительность. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Гань-чжур-сумэ мы наткнулись на цѣпь небольшихъ озеръ, встрѣтили три подводы русскихъ скотопрмышленниковъ, направлявшихся на предстоящую ярмарку, которая является однимъ изъ крупныхъ осеннихъ торговыхъ центровъ Восточной Монголіи. До начала открытія ярмарки оставалось не такъ много дней, признаковъ же оборудованія вообще торговаго пункта, почему то не наблюдалось. Русскіе купцы объяснили, что ко дню открытія официальной торговли, почти въ одну ночь создается торговый лагерь. Монголы въ одинъ мигъ подтягиваются со своимъ продажнымъ скотомъ, а купцы устраиваютъ юрты, которыя являются жилищемъ и торговой лавкой. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ совместно съ русскими купцами, я остановился среди ровной и совершенно открытой мѣстности, которая и будетъ служить мѣстомъ будущей знаменитой ярмарки, гдѣ

въ данное время кромѣ насъ не было ни души. Ярмарочное мѣсто, отстоящее въ 3—4 верстахъ къ сѣверу отъ Гань-чжурь-сумэ, расположено подлѣ озера прѣсной воды. Предполагая провести здѣсь ярмарочное время, я приступилъ къ устройству какого-нибудь пристанища. Создать что либо соответствующее времени года нельзя было ни въ какомъ случаѣ: не было материала; слѣдовательно, тельга, покрытая брезентомъ, и будетъ служить мнѣ мѣстомъ жилища. Сегодня, къ вечеру явились китайскіе чиновники, посланные изъ Хайлара, которые очертили окрестность ярмарочной площади, при чемъ сѣверная сторона, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, была предоставлена для русскихъ торговцевъ, а западная — для китайскихъ купцовъ гор. Цекина и Далоннора, а восточная — для хайларскихъ и цинцикарскихъ торговыхъ предпринимателей. До наступленія ночи начали сразу подтягиваться съ товарами караваны и незамѣтно пустырь оживился.

9 Августа. Рано по утру русская колонія увеличилась еще нѣсколькими кучками изъ Хайлара и ст. Маньчжурія. Сегодня, послѣ ранняго завтрака, я отправился посмотреть достопримѣчательности монастыря Гань-чжурь-сумэ. Гань-чжурь-сумэ, представляя изъ себя чуть ли не древнѣйшій монастырь, является центральнымъ и, если можно такъ выразиться, кафедральнымъ соборомъ для всей разноплеменной Барги (нынѣ Хулуунь-бирскій округъ). Со стороны фасада монастырь представляетъ длинный, съ двумя перегородками дворикъ, обнесенный разрушившейся каменной стѣной, среди котораго устроено пять храмовъ. Когда я вошелъ во внутрь монастырской ограды, меня встрѣтила толпа послушниковъ, вышедшихъ изъ святилища. На мой вопросъ, могу ли я осмотрѣть храмъ, изъ толпы вышелъ довольно пожилой лама и предложилъ свои услуги быть моимъ проводникомъ. Мы пошли къ главной кумирнѣ, впереди которой, на среднѣ (въ мощеннаго каменнаго двора) имѣется изваяніе льва. Подойдя ближе, я увидѣлъ на фронтѣ зданія сохранившуюся надпись на китайскомъ языкѣ. Содержаніе надписи гласитъ, что храмъ заложенъ богдыханомъ Цян-лунемъ въ 1785 году, и первоначально монастырь заключалъ въ себѣ одно зданіе, въ которомъ совершалось богослуженіе, а также хранился пожалованный сборникъ буддійскихъ сочиненій въ 168 томахъ Гань-чжурь, и благодаря наличности священныхъ книгъ, самая обитель имѣла такое имя; въ дѣйствительности монастырь именуется совершенно иначе; въ 1809 году китайскій богдыханъ Цян-цинъ, утверждая штаты монастыря, изволилъ собственноручно начертать имя, Ульцзынхэ чжигулачки, но новое названіе среди населенія не привилось и монастырь по-прежнему именуется Гань-чжурь. Внутренность главной кумирни, хотя и отличается богатствомъ отделки и яркостью колоннъ, но зато наружный

видъ, испытавъ превратности стихій, крайне жалкій—крыша, фрески и т. п.—все было сильно повреждено. На возобновленіе главнаго храма и, вообще, монастырскихъ построекъ изысканы средства и, какъ говорятъ, необходимыя денежныя суммы собраны путемъ общей подписки среди населенія Барги (Хулунь-бирскаго округа) и нынѣ приступлено къ капитальному обновленію храмовъ и другихъ монастырскихъ построекъ. Работы подъ наблюденіемъ мѣстныхъ монастырскихъ настоятелей ведутся весьма спѣшно и съ такимъ расчетомъ времени, чтобы на будущій годъ къ началу открытія ярмарки все было готово. Отличительною чертою обновленія храмовъ можно отмѣтить смѣсь китайской и тибетской архитектуры, которая отличается чистотой и изяществомъ отдѣлки. Нынѣшнею осенью работы по обновленію монастыря уже закончены и при многолюдномъ стеченіи народа отслуженъ всенародный молебенъ.

Китайское правительство, ремонтируя богоугодныя заведенія Барги, хотя бы за счетъ общей подписки среди монголъ, безъ отпуска средствъ со стороны правительства, имѣетъ своею цѣлью лучше обставить духовенство, разсчитывая на то, что послѣднее, при стеченіи молящихся, вразумить толпу и воочію докажетъ, что Китай ни чуть не посягаетъ на земельныя права монголъ, а наоборотъ, всѣми силами старается содѣйствовать преуспѣванію монгольскаго народа.

Средній дворъ имѣетъ два храма и по степени почитанія монголами считается Чоронь-сумэ, т. е. въ честь Бога просвѣщенія—завѣтъ наставляетъ и учитъ другъ друга. Внутренность и наружность храма съ нарисованными изображениями святыхъ и многихъ другихъ картинъ представляли не меньшій интересъ. Въ послѣднемъ южномъ дворѣ небольшая кумирня Гэ-сырь-сумэ въ честь китайскаго божества Лао-ѣ-въ (въ честь героевъ временъ троецарствія) и тутъ же воздвигается въ чисто китайскомъ стилѣ новый храмъ, въ которомъ будутъ установлены статуи Будды и главныхъ его учениковъ. Благосостояніе монастыря въ началѣ поддерживалось субсидіями Пекинскаго двора, когда же буддизмъ осѣлъ довольно прочно, укрѣпивъ свои могучіе корни, и религія вошла въ жизнь населенія, казенныя вспомошествованія постепенно уменьшались, а затѣмъ совершенно прекратились. Въ данное время средства на содержаніе монастыря со штатомъ ламъ складываются изъ приношеній богомольцевъ и отъ ярмарочныхъ операцій, но главной матеріальной поддержкой монастыря являются стада рогатаго скота, выпасываемыя въ каждомъ хошунѣ Барги, и общая численность котораго доходитъ до 3000 головъ.

Въ общемъ, монастырь является вполне обеспеченнымъ и, какъ замѣчено раньше, въ дѣлахъ населенія Барги

играетъ важную роль. Ламы и послушники, состоящіе при монастырѣ, живутъ въ глинобитныхъ домикахъ, но больше въ юртахъ. При монастырѣ имѣется школа, гдѣ подрастающее поколѣніе обучается порядку богослуженія, заучивая безъ пониманія тибетскія молитвы, что же касается родного языка, то изъ учащейся молодежи—будущихъ духовныхъ руководителей,—нашлось мало (3 человѣка), которые кое какъ могли читать и писать по-монгольски. Непопулярность родного языка среди ламаистовъ—сильный козырь въ рукахъ китайскаго правительства. Правительство, объединяя разноплеменную Баргу въ одно цѣлое, придавая ей военное устройство, раздѣленіемъ на 17 хошуновъ, создало при монастырѣ и общее хошунное управленіе, въ которомъ принимаютъ участіе ламы и чиновники всей Барги и; сообразно этому, монастырскій штатъ дѣлится на двѣ части и каждой завѣдуетъ особый ширетъ лама (настоятель). Въ общемъ при монастырѣ постоянно находятся 2 ширетуя, 2 да-гэскуя (соотвѣтствуютъ нашему архидiakону), 2 гэскуя (гэбгэй), наблюдающіе за благочиніемъ и порядкомъ во время богослуженія, по одному отъ каждаго двухъ хошуновъ, и 2 нирбалама—завѣдывающіе монастырскимъ хозяйствомъ. Настоятели-ширетуи, каждый отъ 8—9 хошуновъ, утверждаются хайларскимъ амбанемъ, прочіе штатные чины—ламы, избираемые совмѣстнымъ совѣтомъ ширетъ-ламами и хошунными чиновниками, утверждаются уже угердами—высшими монгольскими чиновниками, являющимися помощниками амбана по управленію хошунной Монголіей. Общее число ламъ въ Гань-чжурѣ достигаетъ болѣе тысячи, но постоянно живущихъ при монастырѣ штатныхъ ламъ не свыше 112 человѣкъ, остальные, за неимѣніемъ помѣщеній, живутъ по кочевьямъ вмѣстѣ съ монголами и только въ дни большихъ праздниковъ или общихъ моленій съѣзжаются къ монастырю. Осмотрѣвъ, насколько было возможно, Гань-чжурь-сумэ, я возвратился домой совершенно утомленнымъ и остатокъ дня провелъ при своемъ стойбищѣ, въ ожиданіи слѣдующаго дня.

10—11 Августа. Въ слѣдующіе дни я горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе познакомиться съ положеніемъ ярмарочной торговли и выяснить, по мѣрѣ моихъ силъ, значеніе единственнаго торговаго пункта, гдѣ русскіе торговые интересы переплетаются съ торговой дѣятельностью китайцевъ. День за днемъ незамѣтно уходили, однако, обычнаго ярмарочнаго оживленія, съ приливомъ новыхъ торговцевъ, не наблюдалось; широкая ярмарочная равнина ни въ коемъ случаѣ не могла пріютить у себя продавцевъ ея стадами скота и барановъ, какъ лишенная всякой степной растительности, слѣдовательно, продажныхъ животныхъ, коимъ необходимъ подножный кормъ и водопой, нужно было держать поодаль,

въ болѣе лучшихъ пастбищныхъ условіяхъ. Безотрадная ярмарочная жизнь продолжалась не долго; сегодня пришло извѣстіе, что на торжественное открытіе ярмарки хайларскій даотай, флигель-адъютантъ Сунъ уже выѣхалъ и этотъ фактъ замѣтно ободрилъ ярмарочныхъ участниковъ, каждый спѣшилъ разбить свою торговую юрту и заманчиво выставить въ ней привезенный для продажи товаръ.

12 Августа. Утро пасмурное—небо загромождено дождевыми облаками, но къ полудню подулъ легкій вѣтерокъ и небо совершенно прояснилось. Сегодня ожидаютъ пріѣзда хайларскаго даотая, ярмарочная площадь приняла праздничную физиономію, торговыя юрты укрѣпили на длинныхъ бамбуковыхъ и простыхъ хворостинахъ присвоенные имъ торговые значки (долоннорскіе, хайларскіе и цицкарскіе купцы имѣли цвѣтные флажки), выставили фамильныя вывѣски съ вышитыми іероглифами на темномъ фонѣ, очистили мѣста площадокъ передъ своими юртами, устроили скаковую дорожку и проч., а праздничный же народъ, особенно монгольскіе чиновники въ парадномъ одѣяніи изъ узорчатого шелка, щеголяя на рѣзвыхъ лошадяхъ, вообще старались воздать честь рѣдкому посѣтителю. Вотъ на ближайшемъ горизонтѣ показалась куча всадниковъ, ближе выяснилось, что ѣдетъ даотай, и все засуетилось. Должностныя лица мѣстнаго монастыря—ламы въ желтыхъ богатыхъ костюмахъ, желая ниспослать якобы свое благословеніе, а главное засвидѣтельствовать прежде другихъ свой привѣтъ, съ тѣлохранителями, одѣтыми въ форменное платье, первыми поскакали на встрѣчу мандаринскаго кортежа. Мандаринскій кортежъ, при приближеніи духовенства, остановился, ламы слѣзали съ коней и, какъ только духовная и свѣтская власти обмѣнялись установившимися привѣтствіями, процессія медленно, торжественно приблизилась къ юго-восточной окраинѣ ярмарочной площади. На вранѣе приготовленномъ мѣстѣ, при въѣздѣ въ ярмарочный кругъ, процессія слегка пріостановилась, китайскій вельможа съ серьезнымъ выраженіемъ лица, какъ это подобаешь всѣмъ китайскимъ чиновникамъ, оставилъ свой европейскій экипажъ и пересѣлъ на лошадь и уже верхомъ подвѣзжалъ къ своей ставкѣ, расположенной въ центрѣ ярмарочнаго круга. Впереди и по обѣимъ сторонамъ хайларскаго даотая съ ружьями въ рукахъ слѣдовалъ конвой, сзади его—свита и духовенство. Ко времени пріѣзда высокопоставленнаго лица къ его походному жилищу, собралась тысячная толпа ротозѣевъ, крайне радыхъ тому, что судьба привела принять участіе въ торжествѣ. И вотъ здѣсь, на глазахъ народа, происходила китайская церемонія: китайскій мандаринъ очень учтиво, но съ подобающей, конечно, осанкой, удостоилъ

своимъ вниманіемъ знатныхъ и богатыхъ монголь, а послѣдніе, съ своей стороны, оказали ему, его высокому положенію и званію, уваженіе. По окончаніи колѣнопреклоненія, процессія постепенно стала сокращаться, прибывшій гость въ особо устроенной палаткѣ началъ освѣжаться чаемъ; представители духовной власти—ламы незамѣтно уѣзжали къ своему монастырю, а толпившійся народъ, видя желаніе нѣкоторыхъ слугъ вельможи, сновавшихъ повсюду, проводить ихъ хворостиной, предпочелъ или безплатно, или по дешевой цѣнѣ возможно скорѣе возвратиться домой и приступить къ своему дѣлу, нежели удостоиться кнута. Пришлось подмѣтить, что въ процессіи среди толпившагося народа хвористинное первенство по большинству выпадало на долю монголь и изрѣдка зазѣвавшихся китаецевъ, которые всячески старались избавиться отъ наказанія, желая выставить вмѣсто себя монголь.

13 Августа. Я никогда не видѣлъ такого скопленія купцовъ-китаецевъ, монголь и мірянъ со своими стадами скота и барановъ, какъ сегодня. Правда, такое многолюдство объясняется съ одной стороны тѣмъ, что многіе прибыли съ цѣлью продать скотъ, но не мало, съ другой стороны, что ко времени официального ярмарочнаго торга сюда также прибыли ламы и простой народъ какъ для участія въ праздныхъ религіозныхъ процессіяхъ, такъ равно и для торговыхъ дѣлокъ. Единственная въ Сѣверной Монголіи осенняя ярмарка привлекла продавцевъ скота не только изъ сосѣдней Халхи, но даже изъ хошуновъ Си-линъгольскаго сейма.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали дня открытія ярмарочнаго торга. Несмотря на усилія нѣкоторыхъ китайскихъ купцовъ, усердно поддерживаемыхъ другими ярмарочными предпринимателями, сорвать преждевременно, хотя бы стороной, внѣ ярмарочной площади, покупки имъ не удавалось, такъ какъ такіа сдѣлки строго наказывались, почему торговцы не желали рисковать, и ждали законнаго открытія торга. Не смотря на неблагоприятныя условія (Халха и сосѣдняя съ ней Барга мѣстами были подвержены заболѣванію скота), число посѣтителей ярмарки было весьма велико, особенно много прибыло китайскихъ купцовъ: гор. Хайларь—117, Долонноръ—87, Пекинъ—Калганъ—49 и, среди этихъ китайскихъ продавцевъ и покупателей, видное и не безъ успѣха заняли мѣсто и русскія фирмы, преимущественно изъ Хайлара: Андовѣровъ, Мееровичъ и представители Русско-Монгольскаго и Уссурійскаго товариществъ и немного купцовъ изъ Благовѣщенска и со станціи Маньчжурія, которые, по большинству, располагали достаточными статьями товара для сбыта.

14 Августа. Сегодня первый день открытія ярмарки. Вся ярмарочная живая масса буквально превратилась въ колыхающееся море. Опуская болѣе подробное разсмотрѣніе всѣхъ ярмарочныхъ отдѣловъ, имѣющихъ также весьма немалое значеніе для нашей торговли, перейду непосредственно къ главнѣйшимъ статьямъ нашего ярмарочнаго вывоза и сбыта, а именно: рогатый скотъ, овцы, лошади, мѣха, кожи, продукты питанія, вещи домашняго обихода и проч. Нельзя не сожалѣть, что Восточная Монголія во многихъ мѣстахъ при суровости прошлой зимы совершенно лишилась единственнаго богатства—скота, тѣмъ не менѣе животныхъ для продажи было достаточно, чтобы удовлетворить спросъ покупателя. Это обстоятельство обусловило чрезмѣрную сдержанность покупателей, не желавшихъ рисковать излишней переплатой. Послѣдствіемъ такой сдержанности въ первый день не было крупныхъ сдѣлокъ со скотомъ; на второй день было замѣтно пониженіе цѣнъ и начались сдѣлки. Цѣны на скотъ были нижеслѣдующія: лошадь въ возрастѣ 4—5 лѣтъ, крѣпкаго сложенія, роста не болѣе 2 арш. 1 вер.—не свыше 35—40 рублей; быкъ—корова, вѣсомъ живого мяса 8—17 пудовъ—20—45 рублей, баранъ вѣсомъ 1 п. 10 ф.—2 пуда—2 р. 50 к.—4 рубля. Сдѣлки съ сырыми шкурами были велики, особенно кожи: овечьи, бычьи, коровьи и конскія, преимущественно убитыхъ животныхъ расцѣнивались чрезвычайно бойко, кожи же павшаго скота сбывались вяло и по весьма низкимъ цѣнамъ. Что же касается тарбаганьихъ шкурокъ, то сдѣлки были тверды, въ особенности съ наиболѣе лучшими сортами, при весьма повышенныхъ, сравнительно съ прошлыми годами, цѣнахъ. Положеніе кожевеннаго рынка признавалось вполне прочнымъ при повышенныхъ цѣнахъ, подвозъ кожъ не отличался обиліемъ, между тѣмъ спросъ на нихъ оказался весьма великъ и прибывшіе въ значительномъ числѣ покупатели разобрали имѣвшійся на лицо кожевенный товаръ почти сразу и на третій день по открытіи ярмарки совершенно отсутствовало предложеніе, только видѣлись партіи скупленныхъ кожъ. Наряду съ кожами наибольшимъ спросомъ пользовались также овечья и верблюжья шерсть, но предложеніе далеко не отвѣчало предъявленному спросу, цѣны на шерсть быстро росли. Средніе и грязные сорта шерсти продавались сравнительно по высокой цѣнѣ.

Теперь скажу по отношенію русской торговли—сдѣлки съ мануфактурой, металлическими издѣліями, мукой и проч. продолжали оставаться вялыми, несмотря на всѣ усилія продавцевъ привлечь покупателей увѣреніями о пониженіи цѣнъ, и многие товары пришлось увезти обратно. Правда къ концу ярмарки сдѣлки на мануфактуру, хотя нѣсколько и увеличились, но и то въ обмѣнъ, а не на деньги, но это

явленіе наблюдалось довольно рѣдко, т. к. сдѣлки были обоюдо остры—дважды % на товаръ и двойная скидка на скотъ. Наша мануфактура, мука, мыло, табакъ, папиросы, бумага, эмалированная посуда, сукно разныхъ цвѣтовъ, скобяной и ножевой товаръ, сахаръ, юфть, готовые салоги (мечта монгола) и другія издѣлія—уже проявили интересъ среди монгольскаго населенія и монголы охотно идутъ со своими предложеніями, но бѣда въ томъ, что все то, что составляетъ матеріаль и предметы одежды, домашняго и религіознаго обихода, мѣдныя и желѣзныя издѣлія, и до сихъ поръ, несмотря на близость Хайлара, сравнительно съ Долонноромъ и Калганомъ, привозятся на ярмарку по большинству изъ послѣднихъ. Правда, трудно конкурировать съ осѣвшими китайцами, но вѣдь послѣдніе везутъ свои товары преимущественно гужевымъ порядкомъ, слѣдовательно, раздѣнка ихъ, казалось бы, должна быть вдвое дороже нашей, въ дѣйствительности же китайскіе товары, въ силу купеческаго навыка къ извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ предметамъ крайне необходимаго потребленія, продаются цѣной ниже нашей, и эта дешевизна приковывавая вниманіе монгола съ предложеніями скота и шерсти, въ свою очередь поглащаетъ все то, что привозится и приводится на ярмарку. Для большаго развитія нашего торговаго дѣла помимо покупки скота, нужда котораго сказывается не только въ ближайшихъ нашихъ пограничныхъ пунктахъ, но имъ живетъ и Приамурье, мнѣ кажется, при наличіи интереса и твердости желанія, еще многіе отдѣлы торговли смѣло отойдутъ въ наши руки, для чего нужно только примѣниться ко вкусу и фасону употребляемаго, заготовивъ формы и штампы, и тогда найдутъ широкой сбытъ: мѣдныя бурханы, священныя чашки, чайники, кувшины, сѣдла, табакерки, мундштуки и проч. Здѣсь умѣстно будетъ для картинности ярмарочной торговли сказать нѣсколько словъ о пошлинѣ и денежной системѣ.

Китайское правительство, развивая свою экономическую дѣятельность, заботится въ то же время и о пополненіи средствъ казны, необходимыхъ для проведенія въ жизнь реформъ. Такъ и на ярмаркѣ, помимо различныхъ обложеній и налоговъ, была создана пошлинная застава. На первыхъ порахъ пошлинная ставка была не велика, но затѣмъ, въ силу какихъ то особыхъ соображеній, пошлина таможеннымъ управленіемъ стала повышаться и ложилась какъ на продавца, такъ и покупателя товара или скота безразлично, и размѣръ ея, наконецъ, достигъ постояннаго уровня 3,6% на 100. Помимо ярмарочной пошлины, всѣ иностранные товары подлежатъ оплатѣ ввозной и вывозной пошлиной и, въ общемъ, получается картина, что если иностранный товаръ будетъ проданъ, то китайское правительство взимаетъ пош-

лину въ размѣрѣ 10,8% стоимости товара, если нѣтъ, то только возметъ ввозную и вывозную пошлины 3,6%; съ монгольскаго проданнаго сырья и скота взимается съ обѣихъ сторонъ сделки всего только 7,2% на 100.

Приведенное выше таможенное обложеніе товара отзывается на развитіи ярмарочной торговли, а если къ этому добавить, что таможенные чиновники, взыскивая пошлину, проявляютъ и нѣкоторый произволъ, то въ интересахъ русскаго купца, лишеннаго возможности обратиться за содѣйствіемъ ни къ кому другому, какъ къ тѣмъ же китайскимъ чиновникамъ, желательно было бы на весь короткій ярмарочный періодъ времени назначать лицо, которое защищало бы интересы русскаго купца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и китайцы возможно менѣе бы нарушали трактаты и элементарныя торговыя права.

Денежной единицей на ярмаркѣ да, вообще, въ Монголіи, надо считать лановое высокопробное серебро, наши же кредитныя билеты, а равно и серебряныя рубли, принимаются неохотно, такъ какъ здѣсь свободно сбываются фальшивыя кредитныя билеты 100, 10 и 3 рублеваго достоинства и свинцовыя посеребренныя ланы, благодаря чему русскою монетѣ не даютъ никакой вѣры. Нельзя не пожелать, чтобы необычайная энергія, проявляемая китайскими торговцами, предпринимателями въ дѣлѣ распространенія своихъ товаровъ и использования всего монгольскаго сырья, нашла отголосокъ и въ нашихъ торговыхъ кругахъ и побудила русскихъ людей съ каждымъ годомъ увеличивать ряды торговыхъ дѣятелей, вооруженныхъ необходимыми практическими познаніями; нѣтъ сомнѣнія, что передъ ними откроется широкое поле для закупки скота, сырья и проч., а также по распространенію среди населенія нашихъ товаровъ.

Въ ярмарочный съѣздъ при мѣстномъ монастырѣ состоялись дамъ скачки и борьбы. Сегодня, 14 августа, рано утромъ къ монастырю начали стекаться монголы. Празднично одѣтые мужчины и женщины, жаждавшіе посмотреть дамъ, чуть ли не съ разсвѣта прибыли къ монастырю. Съ восходомъ солнца во всѣхъ храмахъ было совершено краткое богослуженіе при участіи только штатныхъ, не свыше тридцати, дамъ, но съ 8 часовъ при наличности уже степныхъ дамъ, живущихъ внѣ монастыря, было совершено въ главномъ храмѣ болѣе торжественное богослуженіе при участіи настоятеля монастыря и чтимыхъ населеніемъ дамъ. По окончаніи богослуженія почетнымъ гостямъ былъ предложенъ отъ имени монастыря завтракъ.

Около одиннадцати часовъ дня должны были состояться скачки, для чего въ южной сторонѣ монастыря на нѣкоторомъ разстояніи было приготовлено два большихъ, красиво драпированныхъ шатра, вмѣстимостью каждый не свыше

4—5 сотъ человекъ; каждый шатеръ имѣлъ возвышеніе, постепенно понижающееся въ сторону шатра, причѣмъ въ ламскомъ шатрѣ на возвышеніи, покрытомъ желтымъ сукномъ, съ соответствующими подушками для сидѣнія, были строго отмѣнены мѣста, начиная съ центра—для настоятеля, а по сторонамъ его—монастырскихъ ламъ и другихъ почетныхъ духовныхъ лицъ. На противоположной сторонѣ отъ ламскаго шатра, къ сѣверу, на разстояніи не болѣе 100 шаговъ красовался другой, но уже синій шатеръ для начальствующихъ лицъ и почетныхъ гостей изъ мірянъ. Двѣ свободныя, по отношенію двухъ шатровъ, стороны—восточная и западная были предоставлены подъ открытымъ небомъ простому народу и другимъ случайнымъ гостямъ.

Исходнымъ моментомъ начала праздника послужили, конечно, скачки. Мѣстомъ пробѣга была избрана съ небольшими лощинами открытая равнина. Передъ началомъ скачки лихіе всадники, мальчуганы въ возрастѣ 9—11 лѣтъ, въ количествѣ 50 человекъ, на своихъ степныхъ неосѣданныхъ лошадяхъ, показали себя духовнымъ и начальствующимъ лицамъ, были напутствованы молитвами и хорошими пожеланіями каждому быть первымъ. Скакуны сорвали стартъ и лихо помчались аллюромъ не выше намета. Въ промежутокъ времени до окончанія скачекъ духовенство и гости освѣжали себя чаемъ, а наблюдающіе за порядкомъ праздника готовили призы, которые состояли изъ вещей, пожертвованныхъ монастыремъ, китайской администраціей и населеніемъ. Число призовъ было разсчитано на количество участниковъ спорта, при чемъ болѣе дорогими были, конечно, первые 8 номеровъ; такъ 1-й призъ состоялъ изъ куска желтой матеріи не болѣе 15 аршинъ, пояса съ ножомъ, куай-цзы (вилка) въ серебряной оправѣ, двухъ плитокъ кирпичнаго чая, куска цвѣтной кожи и лентъ для женскихъ головныхъ уборовъ; послѣдующіе призы уменьшались количествомъ и количествомъ, такъ съ 10-го номера призъ заключалъ въ себѣ только одинъ кирпичъ чая, что на наши деньги стоило около 38 коп. Все было готово, а скакуны не были видны, и только черезъ два часа времени показались лидеры, которые, по мѣрѣ приближенія къ выигрышному столбу, часто смѣнялись, уступая мѣсто болѣе рѣзвымъ лошадямъ и умѣлымъ всадникамъ, и вотъ при дружныхъ аплодисментахъ и хвалебныхъ припѣвахъ пришелъ побѣдитель, сдѣлавшій пробѣгъ въ 40 верстъ въ 2 часа 11 мин. Всадника съ кровавыми подтеками на ногахъ сняли съ лошади и передали въ руки назначеннаго чиновника, который, представляя героя, громко выкрикивалъ происхожденіе всадника и родословную лошади. Когда спортсменъ приблизился въ дао-таю, то, прежде чѣмъ удостоился положеннаго приза, сдѣлалъ по три земныхъ поклона китайскимъ и мон

гольскимъ начальствующимъ лицамъ, которыя привѣтствовали смѣльчика съ побѣдой. Послѣ награжденія свѣтскимъ призомъ, тотъ же скакунъ былъ представленъ вмѣстѣ съ лошадыю, украшенной развѣвающимися цвѣтными лентами, духовенству; старшій лама, испославъ благословеніе побѣдителя, удостоилъ его при этомъ бѣлымъ, а остальные синими хадаками, а надъ лошадыю была прочитана хвалебная молитва. Церемонія надъ остальными скакунами была та же, что и надъ первымъ, только менѣе торжественная, въ зависимости отъ разряда приза. Самый высшій призъ по совокупности вещей не превышаетъ, однако, 15 рублей; но цѣнность приза существенной роли не играетъ, главное—скаковая лошадь. Пришедшія первыми три лошади приобрѣтаютъ цѣнность, надъ ними читаются хвалебныя молитвы, а ѣздоки на глазахъ начальствующихъ лицъ, почетныхъ, гостей и народа удостоиваются благословенія старѣйшаго ламы. За малымъ промежуткомъ времени послѣ раздачи скаковыхъ призовъ, состоялась борьба борцовъ, выходившихъ на арену въ пространствѣ между двумя шатрами. Каждая враждебная сторона (восточная и западная) народа выставила до 15 паръ борцовъ, которые при наличности умѣнія и приемовъ борьбы должны были оправдать надежду своихъ довѣрителей. По данному сигналу при приѣвахъ куплетовъ пѣсенъ изъ толпы парода выступили на арену 4 пары борцовъ разодѣтыхъ въ праздничные костюмы, состоящіе изъ нагрудниковъ цвѣтныхъ кожъ или плотной матеріи. Каждый атлетъ, имѣя на шеѣ повязку, долженъ найти съ такого же цвѣта повязкою другого атлета, который и является его противникомъ. Борець, отдѣлившись отъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, подымаетъ взоръ къ небесамъ, призывая яко бы помощь боговъ, затѣмъ съ лицомъ, обращеннымъ внизъ, обращается къ міру возвышая свой голосъ до самой верхней ноты и испуская, по временамъ, дикіе возгласы; послѣ этого, размахивая руками, имѣя зигзагообразное, съ выбрасываніемъ въ сторону ногъ, движеніе, прошѣвъ куплетъ какой то пѣсни, въ отвѣтъ на что въ толпѣ его противниковъ раздается смѣхъ, а единомышленниковъ мелодичное пѣніе, подходитъ къ дао-таю на троекратное поклоненіе. Затѣмъ борець, обмѣниваясь шутками съ толпою, приближается къ противнику и съ пронзительнымъ возгласомъ вступаетъ въ борьбу, прикасаясь къ сопернику только за панцерь. Суть борьбы—силою мускульнаго развитія рукъ, свалить противника на землю; но, какъ пришлось наблюдать, такого исхода борьбы не обнаруживалось—это не всегда удается, достаточно для побѣды, чтобы борець или прикоснулся рукой къ землѣ, или былъ поставленъ на колѣни, какъ уже состязаніе считается состоявшимся. Герой смѣшными движеніями,

при торжествѣ его партіи знакомыхъ, снова направляется къ дао-таю на поклоненіе и, по мѣрѣ его приближенія, монгольскій чиновникъ во всеуслышаніе выкрикивалъ его родословную; побѣдитель получаетъ, сообразно ловкости борьбы, надлежащій призъ, а побѣжденный, при общемъ смѣхѣ народа, уводится съ арены. Помимо приза, побѣдитель при ассистентѣ удастивается ламскаго благословенія и священнаго хадака. Борцы, исполнившіе свои номера лучше другихъ, получали призы—поясной ножъ, куай-цзы, матерію и кирпичный чай, цѣнностью не свыше 3—5 рублей. По окончаніи праздника (скачекъ и борьбы), духовенство направилось къ монастырю, а дао-тай прослѣдовалъ на глазахъ народа на ярмарочную площадь, при чемъ китайскіе чиновники всячески старались показать себя въ парадной свитѣ вельможи, отмѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ подчиненное положеніе монгола. Окончаніе праздника замѣтно отразилось на ярмарочномъ оживленіи—къ утру слѣдующаго дня ряды торговыхъ мѣстъ порѣдѣли. Китайцы, оставляя мѣсто ярмарки, съ глубокими нагруженными обозами разнаго сырья, со стадами скота, овецъ и табунами лошадей потянулись разными дорогами домой, а на ряду съ ними также и русскіе купцы стали собираться во-свои.

19 Августа. Сегодня большую часть дня я употребилъ на приготовленіе въ дорогу. Купилъ лошадей, телѣги и запаса продовольствіемъ.

Въ бытность мою на ярмаркѣ путемъ разспросовъ, конечно, трудно было установить зажиточность баргинцевъ, тѣмъ не менѣе, большинство мѣстныхъ монголъ, особенно по правому нижнему теченію р. Кэрулюнъ, считаются наиболѣе богатыми и среди нихъ нерѣдко попадаются владѣльцы нѣсколькихъ сотенъ крупнаго скота, лошадей и овецъ. Привольныя пастбища, вѣроятно, скоро сократятся, такъ какъ въ это лѣто партія чиновниковъ, командированныхъ изъ Харбина, тщательно осматривала баргинскія земли вдоль южной полосы Китайской Восточной желѣзной дороги съ цѣлью отвода лучшихъ земель подъ колонизацію; распашекъ здѣсь еще нѣтъ, но среди населенія упорно держится слухъ, что китайское правительство намѣрено на удобныхъ земляхъ культивировать хлѣбные злаки, переселивъ туда бѣдныхъ южныхъ китайцевъ. Китайское переселеніе вполнѣ сознается монголами, которые убѣждены, что наступательная колонизаціонная политика лишитъ ихъ земельныхъ правъ и окончательно поработитъ монгольское населеніе.

20 Августа. Утро пасмурное, но съ восходомъ солнца нѣсколько прояснилось, мы оставили Гань-чжурь-сумэ. Характеръ мѣстности—ровная степь, безъ воды и даже какихъ бы то ни было признаковъ растительности, не нарушался

вшлотъ до самой р. Орчонъ, гдѣ изрѣдка встрѣчались сносныя пастбища. День прохладный, благодаря чему мы скоро достигли мѣста ночлега возлѣ кочевьевъ на р. Орчонъ, вытекающей изъ озера Буир-нуръ и впадающей въ озеро Далай-нуръ. Течение рѣки извилисто, берега плоски, дно твердое при ничтожной ширинѣ и глубинѣ, рѣка на всемъ протяженіи проходима въ бродъ.

21 Августа. Небо покрыто облаками и воздухъ наполненъ туманомъ, но, когда мы отправились въ дорогу, небо прояснилось и я съ восхищеніемъ любовался Алтанъ-уда, поражавшей своимъ величіемъ на разстояніи 70 слишкомъ верстъ Алтанъ-уда (Золотая гора) на плоской равнинѣ представляющей шикъ, вершина котораго сливается съ небеснымъ сводомъ. Слѣдуя далѣе, миновавъ въ сторонѣ маленькую кумирню, мы подошли къ западнымъ берегамъ озера Буир-нуръ. Далѣе къ югу нашъ путь лежалъ вдоль берега озера. Озеро Буир-нуръ немного меньше, чѣмъ озеро Далай-нуръ, и занимаетъ то же положеніе въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Ширина не болѣе 12-ти верстъ—видны противоположные берега, длина же до 45 верстъ. Грунтъ твердый, песчаный; берега доступны для пользования; вода чистая, прѣсная, съ обиліемъ рыбы (капрювъ). Ловля рыбы воспрещена. Окрестности озера—восточная сторона слегка холмистая, что же касается западной—то это совершенная равнина съ жалкими признаками подножнаго корма (въ нынѣшнее лѣто стояла засуха). Буир-нуръ принимаетъ въ себя въ с.-в. углу рѣку Халха и отдаетъ отъ себя въ с.-в. р. Орчонъ, которая на всемъ своемъ протяженіи до впаденія въ озеро Далай-нуръ протѣкаетъ по слегка волнообразной равнинѣ.

22 Августа. Утро пасмурное; небо заволочено тучами, сквозь которыя изрѣдка пробивается свѣтъ солнца. Слѣдуя по однообразной и ровной пріозерной равнинѣ, незамѣтно добрались до Даресунъ-Килинъ—травянистая граница между Халхой и Хулуньбирскимъ округомъ (Барга), гдѣ остановились для подника. Даресунъ-Килинъ—монгольская застава, взимающая небольшую пошлину съ сырья, исключительно взимаемаго китайскими купцами изъ Барги въ собственный Китай. Такъ или иначе, однако, подчиняясь таможеннымъ правиламъ, я также, съ только что прибывшими къ мѣсту моей стоянки китайцами, отправился на заставу. Начальникомъ заставы, монгольскимъ чиновникомъ Цзаланъ, я былъ принятъ первымъ со словами „пожалуйста войдите“. Войдя въ юрту, чиновникъ, поднявшись со своего мѣста, протянулъ мнѣ правую руку и въ знакъ особаго ко мнѣ, видимо, уваженія, просилъ сѣсть по лѣвую сторону юрты, ближе къ алтарю. По слѣдъ взаимнаго обмѣна обычныхъ привѣтствій—полюхалъ и покурить табаку, чиновникъ попросилъ показать

ему мой паспортъ и разрѣшеніе на провозъ вещей. Я развернулъ документы и показалъ. Чиновникъ бѣгло прочелъ монгольскій текстъ паспорта, переписавъ себѣ, кто я и куда направляюсь, и просилъ не беспокоиться относительно просмотра моего багажа—русскіе путешественники могутъ проѣзжать безъ осмотра, такъ какъ другихъ вещей, кромѣ нужныхъ въ пути, не можетъ быть. Китайскіе купеческіе обозы, однако, были тщательно досмотрѣны и за все провозимое сырье и проводимый крупный и мелкій скотъ взималась пошлина. Не лишнее будетъ отмѣтить, что согласно таможенныхъ правилъ, купцамъ-китайцамъ не разрѣшается вводить въ Монголію (Халху) кобылицъ, тѣмъ не менѣе за прещеніе китайцами нарушается—купцы вводятъ кобылицъ въ Монголію, мѣняютъ таковыхъ на лучшихъ мериновъ съ прибавкой, по уговору, еще денегъ или другихъ животныхъ, и по прибытіи же на югъ сами то и другое съ выгодой сбываютъ. Монголы охотно предлагаютъ китайцамъ-купцамъ хорошаго мерина за плохихъ статей кобылицу и этимъ путемъ яко бы улучшается ихъ конскій составъ, но это не въ расчетахъ китайскаго правительства, такъ какъ, при ежегодной обязательной и принудительной конской подати—албѣ, это можетъ повести къ тому, что монголы будутъ поставлять кобыль вмѣсто желательныхъ для строя мериновъ.

Послѣ обѣденнаго привала, мы съѣли на тѣлѣрни и вмѣстѣ съ китайскимъ обозомъ потянулись на югъ. Пройдя нѣкоторе разстояніе (застава еще была видна), на поверхности почвы стали попадаться небольшія бѣлыя раковинки. На мой вопросъ, что это значитъ, китаецъ объяснилъ, что это свидѣтельствуешь о недавнемъ положеніи этой мѣстности подъ водою близъ лежащаго озера. Весьма возможно, что это такъ и что данное мѣсто составляетъ часть воднаго бассейна оз. Буир-нуръ, дно котораго значительно отодвинулось къ с.-в. Около 1 часа дня мы, переправляясь черезъ небольшую рѣчку, называемую китайцами Эр-дэ-хе, завязли въ грязи. Ширина рѣчки, скорѣе канавы съ водой, не свыше двухъ саж., но дно ея такъ илесто, что еле перебрались на другую ея сторону. Отсюда снова также ровная и гладкая безплодная степь, но съ печальными явленіями,—по сторонамъ дороги стали попадаться мѣста павшаго скота и такъ много, какъ будто собраны для показа со всей Халхи, прилегающей къ дорогѣ; тутъ лежатъ остатки быковъ съ уцѣлѣвшими головами, бараньи лопатки, огромныя кости верблюдовъ и съ нестигнутыми кожами остовы лошадей. Хищнымъ птицамъ пришлое поживиться немногимъ,—жалкими остатками головъ и копытъ, все прочее было съѣдено самими монголами. Такая, душу раздирающая, печальная картина, какъ передавали китайцы, создалась благодаря тому, что прошла

го года зима была обильна снѣгомъ и крайне холодная; скотъ не могъ добывать изъ подъ снѣга себѣ корма и отъ безкормицы погибалъ. Отъ одной къ другой группы павшаго скота, мы двигались все дальше и дальше среди мертвой равнины; только къ закату солнца на небольшомъ холмѣ показалось „обо“,—это простая груда камней съ воткнутыми между ними тонкими жердями и хворостинами, на которыхъ вѣтромъ колыхались разныхъ цвѣтовъ лоскутки. Наличие обо указываетъ на присутствіе здѣсь живыхъ существъ, возлѣ которыхъ и предполагаю остановиться для ночлега. Окружающая мѣстность отъ бездождя и сухой погоды лишена растительности—нѣтъ ни былинки для скота. Приютившіеся тутъ монголы съ ихъ убогими юртами, одеждой, обстановкой имѣютъ самый изнуренный и крайне жалкій видъ—обитатели лишились всего богатства—скота, и теперь, ютась подлѣ дороги, поддерживаютъ свое существованіе скудными подаваніями проезжающихъ. Вечеромъ ко мнѣ пришло двѣ семьи осиротѣвшихъ монголъ якобы за новостями. Читая на голодныхъ лицахъ скромное желаніе подкрѣпить свои силы, далъ сухарей, сахару, табаку и нѣсколько чашекъ муки. Подаваніе со слезами на глазахъ было принято и, черезъ подрастающее поколѣніе, было отправлено въ юрту, откуда пришли новые просители. Собравшіеся голодные гости просили меня показать имъ интересныя русскія вещи. Хотя я не предполагалъ большимъ выборомъ вещей, которыя могли бы своимъ волшебствомъ поразить толпу, тѣмъ не менѣе любознательность монголъ была удовлетворена. Болѣе всего интересовались дѣйствіемъ индуктивной машинки и зажигательницы. По ихъ понятіямъ дѣйствія вещей были сверхъестественны, такъ какъ, при опусканіи желѣза въ воду, желѣзо воспламенялось или электрической токъ коробилъ руки. Тѣмъ или другимъ, однако я доставилъ полное удовольствіе и въ завершеніе всего предложилъ визитерамъ вмѣстѣ со мною поужинать. На лицахъ каждого возможно было видѣть необычайную радость, всѣ охотно согласились и сѣли раздѣлить со мною европейскій ужинъ. Надо оговориться, что гостямъ были предложены ложки, но таковыя примѣнялись только на половину своего назначенія: каждый званый гость черпалъ ложкой только то, что было на днѣ котла, затѣмъ, взятое ложкой складывалось на ладонь и уже съ ладони съѣдалось. Ужинъ кончился и гости съ поклонами до земли разбрелись по своимъ юртамъ.

29 Августа Утромъ, при тихой погодѣ и облачномъ небѣ, оставляемъ ночлегъ, но прежде, чѣмъ отправиться въ путь, пришлось немного задержаться: явились вчерашніе гости поблагодарить за оказанное имъ подаваніе. Почтенная старуха монголка, на память, подарила мнѣ пучокъ шерстяныхъ нитокъ, за что я въ свою очередь вознаградила вни-

мательную старуху металлическимъ изображеніемъ Далай ламы. Поѣхали. Дорога замѣтно возвышалась, природа становилась печальнѣе, кругомъ необозримая даль съ виднѣющимися далеко на югѣ силуэтами холмовъ; почва—мелкая галька, съ рѣдкими небольшими плѣшами дикаго лука—вотъ единственная здѣсь зелень и кормъ для скота. Подвигаясь впередъ, мы настигли таборъ китайскаго обоза, возлѣ котораго и остановились подкрѣпиться пищей. Послѣ чаепитія и легкаго обѣда возобновили путь и мы, втянувшись въ середину китайскихъ обозовъ, длинной вереницей со стадами крупнаго скота, овецъ и табунами лошадей, потянулись далѣе на югъ. Миновавъ нѣсколько незначительныхъ хребтиковъ, имѣющихъ с.-з. направленіе, изрѣдка покрытыхъ малопитательной степной растительностью, мы достигли песчанаго ложа съ естественными и, къ тому же, единственными водохранилищами—колодцами, выкапываемыми въ песчаныхъ ложахъ. Присутствіе колодезной хорошей воды и окружающаго сноснаго пастбища послужило поводомъ остаться здѣсь до утра слѣдующаго дня.

24 Августа. Утро тихое и небо заволочлось тучами, въ воздухѣ чувствовалось приближеніе дождя. Дорога пересѣкала слегка повышающіеся горные отроги, въ промежуточныхъ лощинахъ которыхъ виднѣлось много зелени. Далѣе, переваливъ небольшой гребень, спустились въ широкую равнину, среди которой на ровномъ мѣстѣ, еще издали, замѣтили строеніе, которое ближе оказалось кумирней Далама Бад-ма-дорджи. Небольшая кумирня тибетской архитектуры, сложена изъ кирпича, выкрашеннаго красной краской, чистенькая, чтится населеніемъ и по числу украшеній—считается довольно богатой. При кумирнѣ имѣется до десяти китайскихъ фанзъ и нѣсколько юртъ, служащихъ жилищемъ пріотившихся здѣсь до 12-ти штатныхъ ламъ. Оставивъ кумирню, немного продвинувшись впередъ, замѣтили обо съ развѣвающимися хадаками, а далѣе къ западу отъ него, какъ сообщили попутчики китайцы, должна быть и ставка князя Цзюнь-вана—старшины Кэрулюнь-барсхотоскаго сейма. Характеръ мѣстности ближе къ княжеской ставкѣ нѣсколько мѣняется: степь слегка становится волнистой, ручейки и стоячія дождевыя озерца отсутствуютъ, мѣстность понижается, а изъ за холма въ неясно обрисовавшейся низинѣ—ставка князя. Не доѣзжая до ставки 3—4 версты, показались юрты кочевниковъ, а на западномъ склонѣ высокаго холма на широкой понижающейся низинѣ, тамъ и сямъ, разбросаны юрты, среди которыхъ особнякомъ, поражая своимъ величіемъ, стояло пять кумиренъ и въ одной изъ нихъ центральной—ставка князя. Въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ хошуннаго ямыня, разразился ливень и, пока мы успѣли добраться до мѣста, предназначеннаго для пристанища,

наши костюмы не имѣли ни одной сухой нитки. Надо отдать справедливость, что монгольская възвличность не заставила насъ, однако, долго оставаться подъ открытымъ небомъ, такъ скоро явился ямынскій чиновникъ и предложилъ воспользоваться на время отдѣльной юртой, приспособленной специально для проезжающихъ гостей. Поблагодаривъ князя за предупредительность и его къ намъ расположеніе, мы воспользовались юртой. Внесли вещи и, кое-какъ устроившись для ночлега, послѣ ужина легли спать.

25 Августа. Утро дождливое. Я съ мѣста своей стоянки побоялся грандіознѣйшимъ видомъ пяти кумирень въ китайскомъ стилѣ; наружный видъ и тщательность отдѣлки монастырскихъ построекъ поражали своей красотой и богатствомъ; очевидно, на постройку храмовъ средствъ не жалѣли. Около 10 час. утра пришеи къ мнѣ ямынскій чиновникъ и да-лама мѣстнаго хошуннаго монастыря засвидѣтельствовать якобы свое почтеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли мнѣ князя спросить, не было ли сомнѣній какихъ-либо несчастій и притѣсненій со стороны населенія во время переѣзда его территоріи. За такое вниманіе князя къ иностранцу я поблагодарилъ правителя и, придерживаясь мѣстнаго обычая, послалъ черезъ посланцевъ чиновника и да-ламу кое-какіе подарки: револьверъ системы Браунинга съ 50-ю патронами, по бутылкѣ коньяку, рому и вина, душистаго мыла, флаконъ духовъ, хадакъ, металлическое изображеніе Далай-ламы и попутно съ этимъ просилъ князя разрѣшить мнѣ ближе познакомиться съ достопримѣчательностями его д-ства. Въ отвѣтъ на то, что посланные подарки князь, выражая сожалѣніе, что въ виду своей болѣзни не можетъ лично меня принять, при особой депутаціи прислалъ: барана, полбутылки архи—водки изъ молока, нѣсколько фунтовъ муки, пшена, хадакъ, кусокъ высшаго качества тибетскаго сукна и коробку китайскаго печенья. Поднесеніе подарковъ сопровождалось низкими поклонами съ шептаніемъ ламой какой-то молитвы о благополучіи и счастья моего путешествія, а старій чиновникъ приговаривалъ, что мои подарки доставили князю невыразимое удовольствіе. Принявъ подарки, я пригласилъ депутацію отвѣдать мой скромный завтракъ; съѣли и немного закусили; лама и чиновникъ изрядно подкрѣпили свои силы русской водкой и виномъ. Когда мой завтракъ близился къ концу, пришелъ еще какой-то лама, видимо приближенный моего гостя да-ламы и послѣ короткаго съ нимъ секретнаго разговора да-лама просилъ меня отвѣдать сего угощенія, послѣ чего будетъ представлена мнѣ возможность осмотрѣть монастырь. Кончили чаепітіе, пошли къ да-ламѣ; на пути къ ламской юртѣ меня почему-то снова подробно спрашивали о моемъ путешествіи и удивлялись, почему я выбралъ такое направленіе на Долонноръ. Вошли въ юрту,

заняли предложенныя мѣста, но послѣ короткой и внимательной бесѣды хозяина—да-ламы, послѣдній, извиняясь, просилъ моего позволенія отправиться ему якобы на молитву; да-лама ушелъ, отдавъ приказаніе послушникамъ оказывать намъ всяческое вниманіе. Передъ нами были поставлены большія деревянныя блюда китайскихъ бисквитовъ, священный хлѣбъ эбинъ и прочія чайныя сласти. Не успѣли еще приступить къ чаепитію, вернулся да-лама и, въ знакъ особаго къ намъ расположенія, началъ наливать въ чашки чай изъ эмалированного чайника. Чаепитіе особенно долго не длилось, приступили къ ѣдѣ, кушанья были приготовлены и подавались на китайскій ладъ. Мы ѣли палочками. На первое блюдо подали что-то похожее на вермишель изъ муки съ рубленой бараниной и супъ; на второе рисъ и нѣсколько кушаній, приготовленныхъ изъ баранины бѣлыхъ и черныхъ грибовъ и полевого лука; третьимъ блюдомъ—рисъ, заправленный масломъ и подслащенный сухаремъ, и на послѣднее, четвертое—вареная баранина и снова чай съ печеніями и сухими подслащенными фруктами. За время чая и обѣда да-лама извинялся, что случайнаго гостя не подобающе угостилъ,—принято при пышныхъ пріемахъ подавать обыкновенно далеко большее число лучшихъ блюдъ. Черезъ часъ послѣ обѣда мы посѣтили храмъ и первымъ былъ бокта хамгалчисумэ, защищающая или охраняющая кумирня. Устройство кумирни—искусственный холмъ; на южной сторонѣ, обложенной камнемъ, выступаетъ крупная фигура Будды, а по бокамъ, нѣсколько меньшихъ размѣровъ двѣ фигуры, значеніе и названіе которыхъ ламы не знаютъ. Сзади холма маленькая ограда, на юго-западномъ и восточномъ углахъ двѣ башни съ окнами и плоской крышей; въ серединѣ ограды къ сѣверной сторонѣ небольшая старая кумирня, внутренность которой поражала множествомъ лампадъ и массой курительныхъ свѣчей, горящихъ предъ бронзовыми статуями божествъ. Кумирня представляетъ своеобразное строеніе, единственное въ своемъ родѣ по архитектурѣ, но жаль, что къ этой интересной старинѣ мѣстное духовенство относится совершенно безучастно. Послѣ нѣкотораго отдыха мы отправились осматривать ближайшія ламскія постройки, среди которыхъ также находился старинный храмъ, окруженный, какъ бы кольцомъ, высокою каменною, безъ всякихъ украшеній, стѣною. Архитектура храма совершенно иная, чѣмъ обычно встрѣчаемая въ монастыряхъ: всѣ четыре фасада украшены колоннами, за ними площадка, уложенная бѣлыми овальными камнями, съ высѣченными на нихъ барельефами, свидѣтельствующими что-то изъ древней жизни; внутри храма—по тремъ сторонамъ сѣверной, западной и восточной—находятся ниши, въ которыхъ стоятъ изображенія Будды и его сподвижниковъ. Статуи сдѣланы изъ мѣди и когда-

то были покрыты позолотой, нынѣ остались только слабые признаки прежняго богатства. Далѣе меня ввели въ огромную библіотеку, одинъ видъ которой наполнилъ меня чувствомъ благоговѣнія и боязни,—всѣ книги здѣсь очень старыя съ широкими листами болѣе 2½ фут. въ длину, между драгоценными реликвіями есть книги, написанныя золотыми буквами, но, благодаря невѣжеству, ламы, повидимому, мало интересуются памятниками глубокой старины и у ламъ болѣе преклонныхъ лѣтъ осталось только воспоминаніе, что монастырь этотъ очень старый.

Нѣсколько поодаль, новый храмъ, задняя часть котораго приспособлена для жилья князя. Крыша храма поддерживается двумя рядами деревянныхъ колоннъ, на артистически сдѣланныхъ капителяхъ, на которыхъ висятъ чугунные колокольчики, щиты и прочее оружіе, защищающее религію отъ проникновенія во внутрь храма демоновъ и еретиковъ. Передняя часть храма богато обставлена статуями различной величины Буддъ, съ спускающимися съ потолка роскошными китайскими шелковыми тканями съ великолѣпно вышитыми на нихъ золотомъ и серебромъ изображеніями боговъ. Кумирня, иначе говоря, придворное сумэ князя, обставлена роскошно и на богатство ея средствами не скупилась. Преданіе гворитъ, что старый князь строилъ хошунную кумирню, но его преемникъ сынъ, нынѣшній князь, приспособилъ ее для служенія и собственнаго жилья. Старожилы передаютъ, что въ Монголіи единственный случай, чтобы князь жилъ въ самомъ зданіи кумирни. Наконецъ, при ставкѣ князя имѣется еще двѣ кумирни, когда то отстроенныя въ широкомъ масштабѣ, нынѣ старина глядитъ изо всѣхъ щелей,—интересно было бы въ нихъ заглянуть, но, къ сожалѣнію, не пришлось—настоятель ширетъ лама отсутствовалъ. На ряду съ пятью хошунными кумирнями, на небольшомъ горномъ гребешкѣ отстроена усыпальница князей—субурга-сумэ. По обѣимъ сторонамъ субурга сумэ—съ запада и востока въ одну линію установлены деревянные высокіе шести съ навѣшанными на нихъ пятицвѣтными, длинными и узкими полотнищами, испещренными тибетскими молитвами. Назначеніе вѣвѣшенныхъ полотнищъ—предохранять покойниковъ отъ беспокойства ихъ злыми духами. Послѣ краткаго осмотра хошунныхъ кумирень, я, возвращаясь домой, познакомился съ наличностью хошуннаго имущества, особенно боевыхъ припасовъ, оружія и предметовъ довольствія: оружіе старое, но есть экземпляры винтовокъ новѣйшей системы; патроновъ мало; содержаніе оружія крайне небрежное—большой процентъ съ глубокими ржавчинами и побойнами стволовъ и прицѣловъ; предметы продовольствія—буда, просо, сахаръ, чай и прочее, употребляемое населеніемъ, ввозится частью изъ Хайлара, но наблюдается въ этомъ отношеніи большое

тяготѣніе къ Ургѣ. Что-же касается мѣдныхъ и чугунныхъ издѣлій—бурхановъ и предметовъ одежды излюбленныхъ цвѣтовъ, и другихъ предметовъ, касающихся не только одежды и утвари, но и мелкихъ особенностей—украшеній, бусъ, предметовъ домашней обстановки и т. п. привозятся долонорскими и пекинскими китайцами, которыхъ осѣдлыхъ въ хошунѣ нѣтъ, а бываютъ только лѣтомъ. Княжеская ставка при наличности кумирень, окруженная юртами монголь, представляетъ населеніе болѣе 3—4 тысячъ жителей, что, по многолюдности постоянныхъ обитателей, является большой рѣдкостью въ Монголіи. Князь хошуна со степенью цзюнь ванъ является также старшиной Кэрулюн-барс-хотоскаго сейма, состоящаго изъ 23 хошуновъ.

26 Августа. Рано утромъ, когда я еще не думалъ дѣлать какія либо приготовленія для предстоящаго отъѣзда, вошелъ въ мою юрту ямыньскій чиновникъ и сказалъ: „что въ районѣ ставки появились духи, которые готовятъ гибель населенію и вотъ князь, изъ опасенія какъ бы злые духи не перенесли свое дѣло на европейца, настойчиво просилъ оставить его ставку“. Вчера долго бесѣдуя съ ламами и чиновниками ставки, во всемъ ко мнѣ ими проявлялось расположеніе, за ночь же при звѣздномъ небѣ и лунной ночи появились какія то зловѣщія предзнаменованія. Вышелъ изъ юрты, и вижу, дѣйствительно, княжеская ставка и прилегающія къ ней юрты, украсили себя флагами на длинныхъ шестахъ съ болтающимися на нихъ лоскутахъ матеріи съ тибетскими заклинаніями злого нашествія, неотступно преслѣдующаго яко бы всѣ живыя существа.

По установившемуся повѣрью при ожидаемомъ нашествіи злыхъ духовъ никому не разрѣшается выходить изъ юрты и начинать какія либо дѣла,—всѣ, при напряженномъ молчаніи совмѣстно съ духовенствомъ, творять молитвы и, только этимъ путемъ, если вѣрить этому, умиротворяютъ божества, защищающія отъ злыхъ духовъ; на самомъ дѣлѣ наблюдалось иное явленіе,—князь, при дѣятельномъ участіи приближенныхъ чиновниковъ, руководилъ дѣломъ разбивки юртъ и эта работа—религіозное приготовленіе къ предстоящему празднику, однако, не служила для участниковъ несчастьемъ, а мнѣ, какъ лукаво подмѣтилъ вѣрный княжескій слуга, надлежало почему то, по добру по здорову, скорѣе убраться. Вчера князь такъ сочувственно относился ко мнѣ, а сегодня, при неблагоприятныхъ условіяхъ ѣзды—дождь достаточно напиталъ почву, вижу обратное—просятъ удалиться. Тому причина—княжеская ставка поглощена работой къ хошувному народному празднику. Такъ или иначе, послѣ настойчивыхъ требованій ямыньскаго чиновника пришлось, въ концѣ концовъ, согласиться съ доводами правителя; мы собрались и, простившись съ чиновниками и ламами, пере-

двинувшись не болѣе какъ на полъ-версты, раскинули свое пристанище возлѣ ручейка, лежащаго южнѣе княжеской ставки. Къ вечеру на мою новую стоянку пришелъ знакомый чиновникъ спросить, что за причина, что я не двигаюсь дальше. На скромный запросъ, исходящій безусловно отъ князя, я отвѣтилъ, „что когда установится лучшая погода, поѣду дальше, а сейчасъ кормлю лошадей и исправляю телѣги.“ Дальше, до момента моего окончательнаго отъѣзда, меня уже болше не беспокоили услужливые ямынскіе чиновники.

27 Августа. Сегодня послѣдній день сѣзда духовенства, монгольской знати и народа къ празднику цамъ, который состоитъ обыкновенно изъ представленій пантоминныхъ плясокъ божествъ. Рано утромъ, къ княжеской ставкѣ спѣшили празднично разодѣтые ламы и міряне; первые—принять участіе въ религіозномъ моленіи а вторые—просто поглядѣть на торжественное годовое богослуженіе. Къ вечеру княжеская ставка совершенно превратилась въ лагерь, съ разбросанными повсюду народными юртами, тогда какъ ламскія палатки, съ прибывшими послушниками, расположились у южной стороны главнаго храма. Изъ всѣхъ наблюденій и разспросовъ, которые удалось мнѣ произвести, я могъ вынести только одно заключеніе, что завтрашній день есть первый день годового праздника, и по всему вѣроятію, дастъ много интретнаго; но вопросъ, удастся ли что либо видѣть, такъ какъ злые духи, беспокоящіе князя, принудили меня немного удалиться и заставили наблюдать картину торжества только издали. Разъ это такъ, будетъ ли смыслъ оставаться, лучше поѣду далѣе, авось еще гдѣ либо встрѣчу празднованіе цамы не имѣетъ за собой исторической подкладки и не приурочено къ опредѣленному дню, а совершается въ различныхъ мѣстахъ и въ различное время, слѣдовательно лучше ѣхать дальше и избавить князя отъ нашествія злого духа.

28 Августа. Утро ясное, дулъ легкій вѣтерокъ Дорога шла прямо на югъ, пересѣкая горные кряжи, съ возвышающимися подъемами. Если смотрѣть на окрестности и почву усѣянную мелкой галькой, то глазамъ представляется молчаливая степь съ слабыми признаками растительности. Подвигаясь дальше впередъ, видимо, благодаря недавно выпавшимъ дождямъ, въ широкихъ долинахъ кое гдѣ уже оцетинилась молодая травка. Выбравшись изъ широкой долины, мы очутились на перевалѣ кряжа, съ котораго вдали зачернѣли юрты. Мы доѣхали до кочевья и остановились на полдникъ. Мѣстные придорожные туземцы тоскливо проводили жизнь,—скотъ палъ и средствъ для питанія нѣтъ. Достаточно отдохнувъ, мы двинулись дальше по малооградной степи. Шагъ за шагомъ спускаясь на югъ, приблизились къ озерному бассейну *Гунъ Нуръ*. Въ прошлое время озеро представляло

нѣкоторую величину, нынѣ на его бывшихъ берегахъ только кустообразно растутъ дѣресунъ и въ центрѣ его имѣются небольшія высыхающія лужи воды, составляющія прежнее озеро. Озеро мелкое, съ соленой водой. Къ вечеру, переѣхавъ небольшой песчаный уваль, спустились въ лощину, на южной сторонѣ которой виднѣлось бѣлое обо. Добравшись до обо, возлѣ котораго оказался колодець съ хорошей водой, мы остановились на ночлегъ. Обо, именуемое шаньдэ-мынь, воздвигнуто на небольшомъ холмѣ, при немъ устроены двѣ фанзы съ надворными службами, въ которыхъ живутъ лама и 5 хуараковъ (послушниковъ).

29 Августа. При тихой и ясной утренней погодѣ мы возобновили путь. Дорога шла сначала по ровному мѣсту, а затѣмъ, принимая юго-восточное направленіе, проходила черезъ небольшіе кряжи, съ переваловъ которыхъ рельефно выдѣлялись очертанія горъ приближающагося Хингана. Черезъ 4 часа ѣзды мы достигли озера Нур-Килинь, являющагося границей между Халха и Силиньгольскимъ сеймомъ. Озеро, заросшее травой, мѣстами въ ростъ человѣка, совершенно изсякло, остались только ложбины, наполненныя дождевой водой. На сѣверномъ берегу озера имѣется колодець съ прѣсной водой; колодець служитъ пристанищемъ пограничнаго караула (хошуна Цзюнь-вана), юрты котораго, безъ скота, одиноко торчатъ среди необъятнаго оголеннаго степного пространства. Подкрѣпивъ себя пищей и достаточно отдохнувъ, мы двинулись дальше. Прилегающая мѣстность становилась болѣе гористой и степная растительность замѣтно улучшалась. Время стояло далеко за полдень, когда мы, спускаясь въ широкую развѣтвляющуюся долину, очерчиваемую по сторонамъ грядами невысокихъ горъ, къ вечеру достигли озера Чаганъ-хутуль-нуръ, которое и послужило мѣстомъ ночлега. Въ приозерной долинѣ, замкнутой горною грядою, группами были разбросаны монгольскія юрты, подлѣ которыхъ были стада рогатаго скота, овецъ и табуны лошадей. Лошади въ хорошихъ тѣлахъ и рослыя, въ сравненіи съ ранѣ попадавшимися, преимущественно бѣлой и сѣрой масти; рогатый скотъ—малорослый и въ плохомъ тѣлѣ, видимо послѣдствія суровой зимы и лѣтней засухи дали себя чувствовать; что же касается овецъихъ стадъ, то преобладаетъ курдючная порода. Передъ закатомъ солнца къ намъ подъѣхалъ монголь съ цѣлью продать овечью шкуру; я, отклонивъ предложеніе монгола сбыть мнѣ овчину, въ коротенькой бесѣдѣ, между прочимъ, коснулся вооруженія и комплектованія людьми сомуневъ хошуна Цзун-Хочет, представителемъ котораго и былъ навѣстившій меня монголь. Со словъ монгола, оружіе хошуна казенное, китайское, но есть винтовки, прибрѣтенныя на средства хошуна. Собственное и казенное оружіе

хошуна хранится вмѣстѣ съ небольшимъ запасомъ патроновъ въ цейхаузахъ хошуна; сомуну хошуна, числомъ пять, комплектуются людьми, обязанными военной повинностью, въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ, при чемъ каждому, вступающему въ ряды сомуну, выдаются первоначально казенная лошадь, сѣдло и одежда; предметы обмундирования обновляются черезъ каждые три года; обученіе стрѣльбѣ (подготовительныя упражненія и дѣйствительная стрѣльба боевыми патронами) производится на дистанціи не болѣе 100 шаговъ, при чемъ обращается вниманіе на стрѣльбу съ коня на аллюрѣ не выше рыси; хорошіе стрѣлки награждаются вещами, плохіе же наказываются плетью. Общій подсчетъ конныхъ всадниковъ въ хошунѣ не превышаетъ, однако, 600 человекъ, но обучающихся стрѣльбѣ не болѣе 200. Богатство хошуна, вслѣдствіе прошлогодней глубокой снѣжной зимы сильно сократилось: крупный и мелкій скотъ отъ безкормицы палъ. Виды на лучшее малоотрадны—корманѣтъ, озера высохли и обезсиленный народъ довольствуется надеждой на лучшее будущее. Время перевалило далеко за полночь, усталость клонила ко сну, я, распростившись съ словоохотливымъ монголомъ, легъ спать.

30 Августа. Утро ясное и холодное; грунтъ земли, насыщенный дождевой водой, представлялъ тяжелый путь для ѣзды, лошади, не кованы, то и дѣло скользили, замедляя движеніе. Потянуль вѣтеръ, почва отвердѣла и установилась хорошая дорога, пересѣкавшая одинъ за другимъ горные отроги. Подошли къ группѣ озеръ Цамъ-нуръ. Въ озерной долиנѣ, стиснутой вдоль дороги горными холмами, стянулись монголы со своими стадами скота для зимовки. Подлѣ озера Цамъ-нуръ, прилегающаго къ дорогѣ, противъ Чай-дунъ-ба-енъ-обо, мы остановились отдохнуть. Закончивъ утренній завтракъ, состоявшій изъ бараньяго бульона съ мучными шариками, клецками, мы отправились дальше. Дорога лежала вдоль чередующихся холмовъ, спускавшихся своими отрогами въ широкую долину, обставленную съ запада, стоящими близко къ дорогѣ, высокими горами, а къ востоку—такими же высотами, но удаляющимися отъ пути движенія. Долина богато одарена степной растительностью и въ болѣе низкихъ ея мѣстахъ, подлѣ небольшихъ неизсякаемыхъ ключей воды, разбѣяны юрты монголь, стаянувшихъ съ восточнаго нагорья для зимняго кочевья. По мѣрѣ движенія на югъ, чаще стали попадаться при дорогѣ свѣжіе трупы павшаго скота и верблюдовъ. Еще черазъ нѣсколько времени движенія впередъ, мы достигли четырехъ подъ рядъ лежащихъ колодцевъ, одинъ изъ которыхъ и послужилъ мѣстомъ ночлега вдали отъ кочующихъ монголь. Наскоро приготовили ужинъ, кое-какъ устроили изъ подвода укрытіе отъ дождя и приготовились съ охраной провести ночь.

31 Августа. Утро холодное и дождливое. Отсюда нашъ путь лежалъ по оголеннымъ горнымъ отрогамъ, пока не добрались до послѣдняго отрога, съ котораго вновь открывалась долина, среди которой у самаго южнаго обличія горъ, особнякомъ чернѣли группы строеній. Спускаясь съ послѣдняго хребта, передъ нашими глазами отчетливо обрисовались двѣ кумирни, лежащія по обѣимъ сторонамъ дороги. Ускореннымъ движеніемъ черезъ часъ ѣзды, мы уже были подлѣ первой изъ нихъ Сорчжи-лама-сумэ и возлѣ которой, проѣхавъ немного дальше на южную ея сторону, остановились отдохнуть и познакомиться съ обитателями. Прежде чѣмъ приступить къ обзору достопримѣчательностей кумирень, я черезъ остановившихся недалеко отъ насъ китайскихъ купцовъ, собралъ справки, гдѣ и за какую цѣну возможно купить барана, такъ какъ съѣстные припасы близились къ исходу. Купили барана за 2 лана (2 руб. 68 коп.), при чемъ кожа и внутренности поступили въ пользу хозяина, обязаннаго заколоть проданное имъ животное, а также сварить баранину въ котлѣ. Теперь, будучи обезпеченъ мяснымъ продовольствіемъ, я могъ познакомиться съ богатствомъ находящихся здѣсь двухъ храмовъ. Мы пошли къ кумирнѣ Сорчжи-лама-сумэ и, не доходя до монастыря, встрѣтили ламу, который былъ больше чѣмъ любезенъ: взявъ на себя обязанность показать внутренность храма и подѣлиться свѣдѣніями, касающимися обители.

Наружный видъ главнаго храма по качеству матеріала и простой отдѣлкѣ не представляетъ особеннаго интереса; что же касается внутренности, то тоже мало чѣмъ могла послѣдняя гордиться сравнительно съ раньше мною уже видѣнной въ другихъ храмахъ. Ширетъ-лама (настоятель монастыря) преклонныхъ лѣтъ и пользуется уваженіемъ среди пріотившихся здѣсь мѣстныхъ жителей. Штатные ламы съ послушниками живутъ въ глинобитныхъ фанзахъ и частью въ юртахъ. Общее впечатлѣніе—сумунный монастырь не богатъ и поддерживаетъ свое благоустройство лишь подавнiями прихожанъ. Простившись съ ламой, я вернулся къ своему пристанищу, гдѣ мои спутники заканчивали приготовленіе обѣда. Проглотивъ наскоро обѣдъ, я вновь отправился, но уже къ другому монастырю, лежащему къ востоку не далеко отъ Сорчжи-лама-сумэ, Уклихэ-сургагулакчи-сумэ, накопляющей творящій милости цзи-хуй-сы-храмъ наставляющей творить милость—благодѣяніе (или Буга-гунъ-геганъ-сумэ) или Молонъ-лама-сумэ. Наружный видъ монастыря съ четырьмя своими храмами, окрашенными въ зеленый и синій цвѣта, поражалъ своимъ величіемъ. Главный и второстепенные храмы, видимо, недавно отремонтированы и по богатству бронзированныхъ съ живописью колоннъ съ рѣзными украшениями, картинъ, изображавшихъ разныя процес-

сія божествъ, достоенъ вниманія. Какъ вездѣ, такъ равно и здѣсь, уговорили любезнаго ламу доложить кому слѣдуетъ и испросить мнѣ разрѣшеніе осмотрѣть внутренность монастыря. Знакомецъ лама довольно скоро принесъ извѣстіе, что со стороны начальствующаго духовнаго лица не встрѣчается препятствій осмотрѣть монастырь, но только нижніе этажи. Прошли маленькую комнату и передъ нами главный храмъ тибетской архитектуры; вошли въ середину, гдѣ отдѣлка колоннъ, балокъ, развѣшанныя шелковыя картины божествъ—были самыя чарующія изъ всѣхъ, которыя мнѣ пришлось видѣть раньше; все видѣнное здѣсь такъ плѣнило меня, что я и теперь не нахожу подходящихъ словъ для вѣрнаго ихъ описанія. Между разными статуями и статуэтками разныхъ божествъ, сдѣланныхъ изъ позолоченной мѣди, нѣкоторыя статуи на алтарѣ и въ нишахъ по сторонамъ храма, въ восточной и западной стѣнахъ,—отличались своей тонкой работой и передъ ними красиво были разложены жертвы, освѣщаемыя лампадками и курительными свѣчами. Богатство и порядокъ въ храмѣ оставили пріятное воспоминаніе. Другіе храмы также красиво отдѣланы и убраны и разнятся отъ главнаго храма только своими меньшими размѣрами. При монастырѣ имѣется (чего при другихъ храмахъ не замѣтилъ) школа для обученія дѣтей тибетскому языку. Монашескій персоналъ, обслуживающій требы населенія, весьма великъ: насчитывается 6 ширетуевъ, около 200 ламъ штатныхъ и до 800 человекъ послушниковъ, которые, сообразно ихъ духовному рангу, живутъ въ глинобитныхъ фанзахъ и весьма рѣдко въ юртахъ. Во главѣ высшаго управленія монастыремъ состоитъ молодой 18 лѣтній гэгэн-хутукта, пользующійся большой популярностью среди прихожанъ. Благосостояніе монастыря поддерживается собственными стадами крупнаго и мелкаго скота и табунами лошадей и верблюдовъ. Послѣ четырехчасоваго осмотра монастыря, побывавъ во всѣхъ храмахъ, или точнѣе—монашескихъ обителяхъ, представляющихъ изъ себя маленькое, но богатое духовное помѣстье, я, поблагодаривъ ламу за оказанное мнѣ удовольствіе, возвратился къ своей палаткѣ. Невдалекѣ отъ монастыря, особымъ лагернымъ порядкомъ, расположились китайцы купцы, доставляющіе монастырю предметы одежды, что же касается предметовъ питанія, то просо-буда, кирпичный чай и прочее для нуждъ монастыря покупается монастырскими особо уполномоченными лицами и доставляется монастырскими средствами непосредственно изъ крупныхъ торговыхъ центровъ Китая. Послѣ вечерняго чая, я вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, переводчикомъ, отправился въ юрту сосѣдняго монгола съ цѣлью познакомиться съ условіями его пастушеской жизни. Добродушный хозяинъ, весьма болтливый лама, подтвердилъ, что цвѣтущее

положеніе находящагося здѣсь монастыря нужно всецѣло отнести къ труду и матеріальной помощи гэгэнскихъ шабинаровъ. Шабинары, являясь крѣпостными людьми, обязаны содержать своего гэгэна и ему принадлежащій храмъ, въ силу чего подданные шабинары трудятся всецѣло для созданія благосостоянія обителѣ и жизни владыки. Насколько пришлось подмѣтить, обслуживающіе монастырь шабинары не поражаютъ своимъ богатствомъ—юрты, внутренняя обстановка, одежда и видъ данника крайне жалки.

1 Сентября. Рано утромъ, оставляя гэгэновскій монастырь, свое первоначальное южное направленіе мы измѣнили на востокъ и юго-востокъ къ ставкѣ князя Ихэ Учжумуцинь. Песчаная дорога съ глубокими ямами, мѣстами съ дождевыми лужами, замедля движеніе, на каждомъ шагу, грозила несчастьемъ или опрокинуться, или сломать ось. Такъ и случилось. Не успѣли мы удалиться отъ монастыря, какъ колесо подводы, попавъ въ глубокую яму, отъ тяжести груза и сотрясенія сломалось. Не взирая, однако, на постигшее несчастье, кое-какъ дотащились до близъ стоящаго Бакши-обо, возлѣ котораго, въ заново отдѣланной фанзѣ, поневолѣ остановился привести въ порядокъ колесо. Подручный плотничій инструментъ и подходящій матеріалъ были налицо и, казалось, исправленіе колеса—дѣло времени, но самохвалы плотники затаили работу и совершенно испортили колесо. Сварили пищу, подкрѣпились и пошли на розыски колеса, т. е. по слѣдамъ своего пути въ только что оставленный нами монастырь. Недавнее знакомство еще не угасло, знакомый лама уступилъ намъ запасное колесо, которое мы и притащили къ своему бивуаку. Телѣгу исправили, но двигаться уже было поздно, да къ тому же надвигались тучи, почему пришлось здѣсь заночевать. Прилегающая болотистая, съ высокою травой, долина, замкнутая со всѣхъ сторонъ невысокими горами, должна была служить пристанищемъ на зиму монголь, но таковыя, за исключеніемъ только Зюртъ, отсутствовали,—богачи и бѣдняки подтянулись ближе къ монастырю. Настала ночь и причина безлюдія сказалась воочію—жадные волки, стаями расхаживая, какъ собаки, назойливо подкрадывались къ добычѣ, но предупредительные ружейные выстрѣлы разсѣивали ихъ.

2 Сентября. Сегодня, при пасмурной погодѣ, мы оставили невольную дневку и поѣхали дальше. Дорога сначала шла вдоль горной цѣпи, разъединенной болотистой долиной, подъ конецъ долина стала широко расходиться, южный берегъ ея закончился холмомъ, покрытымъ огромными пластами чернаго камня; сѣверный—принялъ сѣверо-восточное направленіе. Впереди же открывалась песчаная равнина, очерчиваемая вдали темными линіями холмовъ. Вошли въ долину, познакомились съ болотными трясинами; приблизились

къ грядѣ холмовъ, гдѣ и раскинули палатку, среди глухой степи, для полдника. Окружающая мѣстность съ хорошими видами степной растительности, при наличности гучжирныхъ озеръ (сода), представляетъ дивныя пастбищныя мѣста, но скотоводы отсутствуютъ. Подкрѣпились силами, поѣхали дальше по ровной долинѣ. Солнце склонялось уже къ западу, а мы продолжали путь по слегка возвышающимся лощинкамъ, въ надеждѣ, что къ ночи доберемся до жилья. Но мечта эта не увѣнчалась успѣхомъ и мы въ сумеркахъ остановились у развѣтвленія дорогъ, недалеко отъ Уланъ-худунъ-шидэ—граница хошуновъ Бага Учжумуцинъ и Ихэ-Учжумуцинъ. Топливо (аргалъ) было мокрое и нельзя было приготовить пищи, почему, устроивъ ужинъ изъ сухарей и варенаго мяса, мы легли спать.

3 Сентября. Утро, послѣ ночного дождя, прохладное. Оставили мѣсто ночлега довольно поздно. Переваливъ два горныхъ холма и вѣхавъ на небольшую песчаную полосу, мы спустились въ замѣтно пониженную долину, окруженную съ запада, востока и юга цѣпью горныхъ кряжей; среди долины, ближе къ южной ея окраинѣ, блистали на солнцѣ воды соляныхъ озеръ. Небо затянулось тучами и съ полудня пошелъ дождь. Колеса и ноги лошадей вязли въ мягкой почвѣ и мы, съѣхавъ со ската увала, остановились. Изъ дождевой воды, собранной изъ дорожныхъ лужъ, приготовили пищу. Подлѣ соляныхъ озеръ въ одиночку стояли монгольскія юрты съ небольшими стадами рогатаго и мелкаго скота. Долина, замкнутая горными грядками, богата зеленью. Небо прояснилось, почва слегка провѣтрилась и мы возобновили путь. Дорога, вслѣдствіе недавняго дождя, была очень тяжела и шла параллельно западнаго горнаго увала. Прилегающей къ дорогѣ кряжъ, мѣстами съ грудками бѣлаго камня, тянулся далеко на югъ, разсѣкая почти на двѣ половины широкую озерную долину. Къ вечеру подтянулись къ центру долины и на цѣпи озеръ, когда то составлявшихъ сплошную рѣку, нынѣ совершенно изсякшую, остановились на ночлегъ. Среди огромной долины, съ хорошей растительностью, кочевники отсутствовали и только признакомъ живого существа наблюдались стаи волковъ, распѣвавшихъ свои заунывные пѣсни.

4 Сентября Утро свѣжее, вѣтеръ морозилъ лицо. Наскоро приготовили чай, согрѣлись и поѣхали дальше по однообразной долинѣ, мѣстами переѣзжая небольшія площади песка; горныя возвышенія изрѣдка покрыты снѣгомъ и, прилегающая къ дорогѣ, растительность пожелтѣла, холодный вѣтеръ съ невѣроятной силою поднималъ облака песчаной пыли. Къ полудню вѣтеръ нѣсколько стихъ и стало теплѣе. Преодоливъ песчаная ложа, я вѣхалъ на кочковатую съ ключами подяну, подлѣ которой ютились монгольскія стой-

бища, которыя и послужили для меня мѣстомъ остановки на ночь. До заката солнца оставалось времени еще достаточно и я, ради бездѣлья, взялъ винчестеръ и отправился поохотиться на бродившихъ здѣсь большими стадами дрофъ. Застрѣливъ одну дрофу я, возвратившись къ своей телѣгѣ, засталъ 3 человѣкъ монголь, ожидавшихъ меня съ приглашеніемъ къ себѣ отвѣдать ихъ пищу и понутно съ этимъ собрать свѣдѣнія объ иностранцѣ. Принявъ охотно предложеніе, я отправился къ одному изъ нихъ по имени Сэдхэй-базаръ. Когда я занялъ подобающее мѣсто—сидѣніе изъ войлока, покрытое небольшимъ коврикомъ, предо мною поставили маленькій столикъ. Первоначально, обмѣнявшись мѣстными этикетками привѣтствія, пили чай, которымъ угощала любезная хозяйка изъ фарфоровой чашки. Такая форма учтивости соблюдается монголами лишь по отношенію къ людямъ высшаго класса, лица же равнаго или низшаго общественнаго положенія по сравненію съ хозяиномъ употребляютъ деревянныя чашки, которыя каждый носитъ у себя за пазухой. Во время чаепитія гостепріимный хозяинъ, предлагая массу вопросовъ, удивляясь умѣнію иностранцевъ фабриковать хорошія ружья, умолялъ меня показать ему европейское ружье. Снизойдя къ просьбѣ хозяина, я послалъ принести винчестеръ и кое какія другія вещи, дабы удовлетворить любознательность пастуха. Какъ ни старался я обратить вниманіе хозяевъ и собравшихся сосѣдей на другія вещи, однако ружье занимало ихъ больше всего, при чемъ многіе изъ посѣтителей подтверждали, что русскіе люди хорошіе и имѣютъ вещи, достойныя вниманія. Насколько умѣлъ познакомилъ монголь съ лучшими своими вещами, я въ свою очередь уяснилъ, что собравшіеся монголы, какъ одинъ, особенно интересуются современнымъ ружьемъ, игнорируя свое казенное—китайское оружіе. Весьма возможно, что съ словоохотливыми хозяевами просидѣлъ-бы до утра, но помня, что завтра я долженъ быть уже при княжеской ставкѣ, поблагодаривъ хозяевъ за оказанную мнѣ честь, я вышелъ изъ юрты и, прощаясь съ хозяевами, изъявившими желаніе и завтра посѣтить меня съ цѣлью пожелать мнѣ счастливаго пути, ушелъ къ своей телѣгѣ. Поужинали и, будучи освѣдомленъ, что конокрадовъ и вообще промышленяющихъ за чужими вещами и животными здѣсь нѣтъ, всѣ легли спать.

5 Сентября. Мрачное утро предвѣщало дождь,—небо обложилось тучами. Пока собрались и выѣхали на дорогу, сталъ накрапывать мелкій, но холодный дождикъ. Твердо убитая дорога, уклоняясь отъ южнаго направленія въ ту и другую сторону, мѣстами пересѣкалась песчаными грядами, изрытыми глубокими ямами. Впереди дороги—къ юго-востоку чернѣлись горы, а юго-западу—рыжѣли довольно значительные

голые песчаные холмы, которые въ направленіи пути движенія, какъ бы смыкаясь, казались издали маленькимъ ущельемъ. Дѣйствительно, когда мы подъѣзжали ближе къ княжеской ставкѣ, то горныя и песчаныя цѣпи сомкнулись, оставивъ не болѣе $\frac{1}{2}$ версты проходъ, за которымъ горы и пески вновь расходятся, окаймляя, такимъ образомъ, громаднѣйшую долину. Переѣхали горную небольшую рѣчку Халагуръ, имѣющую извилистое теченіе на сѣверъ; по обоимъ ея берегамъ показались юрты, китайскія торговыя палатки, а по западному краю горъ кучка обособленныхъ юртъ, которыя, какъ выяснилось изъ разспросовъ, представляли изъ себя хошунный княжескій ямынь, куда мы и направились для остановки. Не доѣзжая нѣсколько сотъ шаговъ до хошуннаго ямыня (всего три юрты) вышелъ на встрѣчу ямыньскій чиновникъ, который указалъ мнѣ мѣсто для ночлега. Разбили палатку, сложили вещи по крайней мѣрѣ, для двухдневнаго отдыха, но мое желаніе не осуществилось: прибывшій изъ княжеской ставки замѣститель тусалакчи—мэйренъ сообщилъ, что княгиня, ввиду отсутствія князя, изъ за боязни иностранца, убѣдительно проситъ меня отъѣхать возможно дальше—отъ ямыня и княжеской ставки и тамъ расположиться. Какъ ни странно, однако, съ желаніемъ княгини пришлось согласиться и отъѣхать на вновь указанное мѣсто. Впрочемъ, перемѣна мѣста ничуть не вліяла на положеніе дѣла—была бы только недалеко отъ стоянки княжеская ставка. Къ вечеру отношенія измѣнились,—ко мнѣ на стоянку пришли два ямыньскихъ чиновника засвидѣтельствовать свое расположеніе и узнать не было ли причинено мнѣ въ дорогѣ какихъ либо обидъ со стороны жителей хошуна, не устали ли у меня лошади,—въ противномъ случаѣ предложили замѣнить ихъ свѣжими и спросили, имѣемъ ли мы достаточно продовольствія. За столь любезное вниманіе и заботливость, я, выражая свою безграничную благодарность, просилъ только посодѣйствовать пріобрѣсти барана, во всемъ же остальномъ завѣрилъ, что я не испыталъ на пути хошуна никакихъ трудностей и опасностей. Вѣрные слуги не замедлили привести изъ ближайшаго стада хорошаго барана, за котораго я заплатилъ 3 рубля серебряной русской монетой. Когда я расчитался за барана чиновники, оставляя мой бивуакъ, предложили мнѣ свои услуги купить для меня все, что требуется для дороги и, кромѣ того, пообѣщали прислать мнѣ слугу. Простившись съ чиновниками, мы закололи барана и начали готовить пищу. На закатѣ солнца пришелъ ямыньскій слуга просить чтобы я пришелъ въ ямынь показать свой паспортъ, а также повидаться съ чиновниками. Требованіе законное, почему я поторопился пойти въ ямынь. При моемъ появленіи возлѣ ямыня, мелкіе чиновники отъ имени старшаго просили войти въ ямыньскую юрту.

Когда я вошелъ въ юрту, присутствующіе чиновники, сидя въ шапкахъ, встали съ своихъ мѣстъ и просили меня занять правое мѣсто ближе къ старшему. Послѣ того, какъ я занялъ указанное мѣсто, старшій чиновникъ—тусалакчи предложилъ освѣжиться чаемъ. Подали чай и лишь только я успѣвалъ немного отпить, тотчасъ же снова подливали до краевъ деревянной чашки съ серебряными ободками изъ мѣднаго съ серебряными обручами чайника. Послѣ чая чиновники, снявъ съ себя шапки, просили показать билетъ, который прочли и сдѣлали нѣкоторыя, нужныя для себя, выписки. Во время чаепитія бесѣдовали и о порядкѣ управленія хошуномъ, о богатствѣ вооруженій и проч. Въ разговорѣ, между прочимъ, выяснилось, что князя дѣйствительно нѣтъ при ставкѣ,—вызванъ въ городъ Долонноръ и къ сеймовому старшинѣ по солянному дѣлу. Къ концу моего пребывания въ ямынской юртѣ, тусалакчи предложилъ, въ виду предстоящей холодной ночи, переночевать въ его юртѣ, но такъ какъ эта любезность устраивала только меня одного, а не всю мою братію, я, поблагодаривъ за предложенную честь, возвратился домой, гдѣ подъ открытымъ небомъ провели ночь.

6 Сентября. Ночью выпалъ небольшой снѣгъ; къ утру—морозъ, слегка сковавшій поверхность дождевой воды; небо покрыто снѣжными тучами. Припоминая вчерашнее предложение княгини держаться возможно дальше отъ ея жилища; князя—дэд-да—помощника сеймаго старшины Силиньгольскаго сейма нѣтъ дома, оставалось одно, оставить княжескую ставку и направиться въ юго-западномъ направленіи, гдѣ должно быть теплѣе, чѣмъ здѣсь въ горахъ Хингана. Рѣшивъ ѣхать, я, прежде чѣмъ бросить стоянку, предупредивъ своихъ людей готовиться къ отъѣзду, пошелъ въ ямынскую юрту проститься съ чиновниками и попутно взглянуть, хотя бы издали, на княжескій станъ. Чиновниковъ въ ямынѣ не оказалось и я, набравшись храбрости, направился къ княжеской ставкѣ; поднялся на гору и предъ моими глазами, какъ на ладони, виднѣлась ставка князя Цинь-вана. Ставка князя крошечный хуторокъ, представляетъ собою 4 китайскихъ фанзы, построенныхъ изъ сѣраго кириича, и 5 большихъ юртъ. Поодаль отъ княжеской ставки, красиво устроена небольшая кумирня—домовый храмъ Цинь-ванъ-цзя-сумэ и возлѣ нея имѣются фанзы и юрты придворнаго духовенства. По другую сторону ставки, къ сѣверу, устроено два глинобитныхъ сарая, видимо, цейхаузы для храненія жизненныхъ припасовъ и другихъ предметовъ, необходимыхъ для нуждъ хошуна. Княжеская ставка въ отношеніи солидности сооружений и по числу построекъ казалась довольно бѣдной. Нужды хошуна, и вообще ставки, обслуживаютъ китайскіе купцы: харбинскіе, прибывая весной, уѣзжая въ началѣ августа,

продаютъ исключительно просо-буду, листовый табакъ, сухо и цвѣтныя матеріи и, въ свою очередь, покупаютъ крупный рогатый скотъ для убоя; долоннорскіе—также сбывая чай, сапоги, сѣдла, шапки, домашнюю и религиозную утварь, кораллы, одежду, шелковыя и бумажныя матеріи, японскія спички, зеркала, поютенца и проч., увозятъ шерсть, кожи всѣхъ видовъ и гонятъ рогатый скотъ, овецъ и лошадей. Нужно отмѣтить, что лошади хошуна Ихэ Учжумуцинь, преимущественно бѣлой или свѣтло сѣрой мастей, славятся отмѣннымъ аллюромъ-иноходью. Цѣны на лошадей колеблются, въ зависимости отъ силы аллюра, отъ 50 до нѣсколькихъ сотъ ланъ серебра. Китайскіе купцы продаютъ свои товары преимущественно бѣдному и средняго достатка населенію. Что же касается богатыхъ монголъ и особенно князя, то таковыя, по большинству, въ концѣ августа мѣсяца сами организуютъ партіи обозовъ съ сырьемъ и скотомъ въ Долоннорь, гдѣ, привезенное сырье—кожи и шерсть пригнанный рогатый скотъ и лошадей, продаютъ и на выручку приобрѣтаютъ себѣ необходимые предметы домашняго обихода, а также кирпичный чай, обувь и одежду. Насколько пришлось подмѣтить, подвижная китайская торговля, особенно возлѣ княжескихъ ставокъ и центральныхъ кумирень, имѣетъ постоянный характеръ. Такое положеніе дѣла создается въ силу естественныхъ причинъ,—не распроданные товары свозятся къ осѣдлому пункту и оставляются на зиму, при чемъ на случай спроса, представитель торговаго дѣла—китаецъ удовлетворяетъ нуждающагося въ томъ монгола, забираетъ у него и послѣднее сырье. Неутомимыя старанія китайскаго купца къ распространенію товаровъ среди монголовъ въ послѣдніе дни стали не нравиться монголамъ, которые убѣждены, что за осѣдлымъ торговцемъ приползутъ и другіе ихъ собратья, потомъ незамѣтно окажется распаханное поле и въ ближайшемъ вырастетъ китайское селеніе, а далѣе прилегающія къ поселенію свободныя земли естественнымъ путемъ отойдутъ уже подъ колонизацію, которую правительство не замедлитъ узаконить.

Возвратясь къ своей телѣгѣ, гдѣ все уже было готово, мы оставили княжескую ставку; прежде чѣмъ успѣли выѣхать на кратчайшую дорогу, прискакали отъ ямына курьеръ съ порученіемъ указать мнѣ кратчайшій путь на ближайшую торговую дорогу. Послѣ нѣсколькихъ сотъ шаговъ ѣзды, оставляя за собой вывѣтренныя—песчанныя амы, проводникъ насъ бросилъ и мы дальнѣйшее движеніе съ горы на гору, безъ дороги, продолжали сами, безъ посторонней помощи. Проводникъ категорически заявилъ, что ему приказано проводить меня не болѣе 2—3 верстъ, послѣ чего вернуться обратно. Не знаю, насколько это вѣрно, но охотно соглашаюсь съ тѣмъ, что проводникъ искалъ случая воз-

можно скорѣе отъ меня избавиться и вернуться не къ ямыню, а къ себѣ домой. Бездорожное движеніе, частью прямо черезъ горные увалы, а далѣе по изрытымъ вывѣтреннымъ песчанымъ мѣстамъ, привело насъ къ тому, что хотѣли даже прекратить путь, но, неожиданно встрѣтивъ монгола, мы имѣли случай исправить ошибочное наше направленіе и вышли на истинный путь. Двигаясь то на западъ, то на юго-западъ, все таки къ вечеру подошли къ монгольскимъ стойбищамъ и подлѣ одной изъ юртъ остановились на ночлегъ.

7 Сентября. Холодная ночь, а къ вечеру морозъ, заставили еще до разсвѣта быть на ногахъ. По утру пришлось познакомиться съ монголомъ сосѣдней юрты, который предложилъ войти въ его юрту и обогрѣться. Охотно согласившись на предложеніе вошли въ юрту; заботливый хозяинъ не замедлилъ угостить чаемъ и овечьимъ сыромъ. Въ короткомъ разговорѣ выяснилось, что прошлая зима положительно разорила монголъ и, какъ примѣръ, мой хозяинъ сказалъ, что изъ 100 головъ крупнаго скота у него въ данное время осталось только три коровы, все же остальное отъ безкормицы пало. Многіе монголы оставлены на произволъ судьбы и поддерживаютъ свое существованіе крохами отъ своихъ собратьевъ. Достаточно обогрѣвшись и, что нужно, высушивъ, мы поѣхали далѣе къ Цзунъ-Хочетъ-сумѣ. Грунтъ дороги твердый, а пронзительный холодный вѣтеръ къ тому же содѣйствовалъ скорости движенія. Прилегающая холмистая и мѣстами песчаная мѣстность, съ хорошей травой, измѣнила свой гористый характеръ и, чѣмъ далѣе уклонялись къ западу, тѣмъ чаще мы стали проходить большія ровныя поляны. Около 9 часовъ утра, насъ обогнали два монгольскихъ чиновника, спѣшившихъ навстрѣчу князя; я просилъ ихъ указать мнѣ дорогу на хошунную кумирню, но чиновники, показавъ рукой направленіе дороги, лихо ускакали впередъ. Придерживаясь указаннаго направленія, я выѣхалъ на большую торговую дорогу, которая поддерживаетъ сообщеніе между Харбиномъ и Цикаромъ съ гор. Долонноръ. Продвинувшись еще нѣсколько впередъ, приблизившись къ одиноко стоящей юртѣ, я остановился на отдыхъ. Въ монгольской юртѣ сварили себѣ пищу и со словъ болтливаго хозяина узнали, что сегодня къ вечеру долженъ пріѣхать князь, намѣревающийся заночевать среди степи, недалеко отъ Цзунъ-Хочетъ-сумѣ. Какъ только возстановили свои силы и достаточно накормили лошадей, мы, простившись съ хозяиномъ юрты, поѣхали далѣе, оставивъ въ сторонѣ отъ себя къ югу видѣющуюся кумирню Сорджи-лама. Дорога пролегла по широкой долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ небольшими горными увалами. Черезъ ничтожный переходъ обозначилась впе-

реди насъ обитель, а подъѣхавъ ближе, рельефно обрисовались три храма, лежащіе на сѣверной сторонѣ дороги. Подъѣзжая къ кумирнѣ, въ надеждѣ быть очевидцемъ княжескаго кортежа, я предпочелъ заночевать здѣсь, подлѣ дороги, у монастырскаго колодца, вырытаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кумирни. Распрягли лошадей и приступили къ розыску топлива, при наличности котораго и возможно было питать надежду быть сытымъ. Возлѣ кумирни хотя и были большія кучи высушеннаго конскаго помета, но купить было невозможно,—завѣдывающій тошнивомъ отказался продать подъ предлогомъ, что топливо вѣдѣнію монастыря не принадлежитъ. Сварили пищу, вторично позавтракали и, въ ожиданіи проѣзда князя, мы пошли осмотрѣть монастырь. Войдя въ одинъ изъ маленькихъ храмовъ, я имѣлъ возможность наблюдать порядокъ богослуженія, совершаемаго въ честь счастливаго возвращенія князя. Напротивъ входа внутри храма, на сѣверной его сторонѣ, возвышался тронъ покойнаго святителя—гэгэна; за трономъ гэгэна, вдоль сѣверной стороны храма, были разставлены статуи божествъ съ зажженными передъ ними лампадками. Отъ алтаря къ южнымъ дверямъ между внутренними храмовыми колоннами устроены досчатая, длинная и узкая скамейки, покрытая темно-коричневымъ тибетскимъ сукномъ, при чемъ въ концѣ скамеекъ, ближе къ алтарю, въ одномъ изъ креселъ, вышиною до 3 ф., возсѣдалъ во время богослуженія главный лама монастыря, остальные же ламы, въ порядкѣ старшинства, сидѣли на такихъ же скамейкахъ, имѣя впереди себя, расположившихся на полу, подростковъ—пѣвчихъ хувараковъ, а сзади музыкантовъ, также принимающихъ участіе въ богослуженіи. Въ общемъ ламы и участвующіе въ богослуженіи монахи нараспѣвъ читаютъ молитвы, а музыканты, отъ времени до времени ударяя въ барабаны, тазы, играютъ гимны на звучныхъ трубкахъ, кларнетахъ и раковинахъ.

Ознакомившись съ порядкомъ размѣщенія участниковъ въ храмѣ при богослуженіи, я вышелъ изъ храма съ цѣлью посмотреть еще другіе сосѣдніе храмы, но, къ сожалѣнію, на входныхъ дверяхъ обителей были навѣшены замки. Не имѣя возможности проникнуть во внутрь храма, я вернулся обратно, но и здѣсь все было заперто и меня больше въ храмъ не пустили. Архитектура храмовъ и монастырскихъ построекъ представляли копіи раньше-видѣнныхъ мною монастырей, но только отдѣлка колоннъ, карнизовъ и проч. была выполнена менѣе художественно. Судя по наружному виду, монастырь не отличается богатствомъ. Монахи, состоящіе при монастырѣ, живутъ въ глинобитныхъ фанзахъ, расположенныхъ на восточной сторонѣ обители.

Солнце склонялось уже къ закату, а князь все еще не

подъѣзжалъ. За вечернимъ чаемъ, кстати отмѣчу, весьма болтливый монастырскій послушникъ разсказалъ мнѣ, что князь прослѣдуетъ мимо кумирни на закатѣ солнца и остановится почевать не при кумирнѣ, какъ предполагалось, а въ степи, поодаль отъ монастыря. Дѣйствительно, на закатѣ солнца собравшіеся здѣсь, при кумирнѣ, чиновники и народъ, первые съ цѣлью привѣтствовать князя, а вторые полюбоваться его проѣздомъ,—засуетились, по началу въ одиночку, а затѣмъ группами, стали подходить къ дорогѣ и съ нетерпѣніемъ ожидали передовыхъ гонцовъ, предупреждающихъ скорее приближеніе князя. Когда солнце скрылось за горизонтомъ, то издалека показались курьеры; далѣе небольшая группа всадниковъ, за ними обозъ и въ хвостѣ княжескій кортежъ. Какъ только отчетливо обозначилось направленіе пути князя, собравшіеся здѣсь чиновники и ламы усиленнымъ аллюромъ поскакали навстрѣчу. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, кортежъ князя ускореннымъ движеніемъ приблизился къ кумирнѣ и, подойдя на нѣсколько сотъ шаговъ до монастыря, замедлилъ движеніе. Я подошелъ къ дорогѣ, остановившись въ 10—12 шагахъ отъ нея, съ цѣлью пропустить мимо себя путешествующаго князя. Порядокъ кортежа слѣдующій: въ головѣ колонны три всадника, вооруженные ружьями Маньлихера, непосредственно за ними три двухколесныхъ телѣги съ водой, топливомъ и кухонными принадлежностями; кухонный обозъ замыкался въ хвостѣ еще двумя коровами и 11 баранами; въ нѣкоторомъ разстояніи сзади продовольственнаго обоза тянулись одна за одной десять телѣгъ съ юртами, постельными принадлежностями и денежной повозкой; при каждой повозкѣ, кромѣ вожатаго, было по одному конвойному всаднику, подъ командой офицера. Какъ только княжескій обозъ прослѣдовалъ, то на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, сзади, слѣдовала двухколесная, массивная телѣга съ красными колесами, снабженными зубчатыми ободами, съ желтымъ кузовомъ, на крышѣ котораго былъ установленъ красный шаръ.

Княжескую телѣгу везли не лошади, запряженные въ телѣгу, а четыре конныхъ всадника, которые, имѣя впереди сѣдельныхъ лукъ одну длинную жердь, прикрѣпленную къ оглоблямъ повозки, своими лошадьми тащили княжескую двухколеску. Князя окружали кольцомъ вооруженные тѣлохранители; по сторонамъ телѣги ѣхало по три чиновника, а сзади въ одну шеренгу—представители ямыня и въ затылокъ имъ три приближенныхъ ламы. Чиновники и слуги, одѣтыя въ форменныя роскошныя, а ламы въ желтыя одежды, гордясь своимъ положеніемъ, съ презрѣніемъ смотрѣли на собравшуюся толпу ротозѣевъ. Когда князь поравнялся со мною, я снялъ шапку и поклонился; въ отвѣтъ на это

князь удостоилъ меня двоекратнымъ поклономъ, при чемъ каждый разъ, снимая свою шапку и нагибаясь, прикладывалъ руку къ сердцу. Простившись съ княземъ, я возвратился къ своему пристанищу и, приготовившись къ завтрашнему отъѣзду, легъ спать; успѣлъ довольно изрядно вздремнуть, какъ мой сладкій сонъ былъ нарушенъ. Около 12 часовъ ночи ко мнѣ прѣехали два княжескихъ чиновника, которые освѣдомились отъ имени князя, какъ мое здоровье, не испыталъ ли я какихъ либо обидъ со стороны его подданныхъ, не изнурены ли у меня лошади и проч., и поднесли мнѣ: священный хадакъ, кусокъ тибетскаго сукна, коричневаго цвѣта, нѣсколько фунтовъ риса, $\frac{1}{2}$ бутылки архимѣстной водки, немного муки и, въ завершение всего этого, передали, что князь крайне сожалѣетъ, что наступившая темнота лишила его возможности лично видѣть меня у себя. Отъ глубины души кланаясь за столь сердечное и отзывчивое ко мнѣ вниманіе властелина кочевій, я подарилъ князю револьверъ системы Браунингъ съ двумя пачками къ нему патроновъ, 2 бутылки кахетинскаго вина и шустовскаго коньяку, шелковый платокъ, металлическое изображеніе Будды и его фотографическій снимокъ. Посланцы, съ поклономъ принявъ мой скромный отвѣтный подарокъ, сѣли на лошадей и уѣхали обратно. Не прошло и часу времени съ момента отъѣзда княжескихъ депутатовъ, какъ таковые опять возвратились ко мнѣ и просили меня пожаловать къ князю. Не желая выказать свое невниманіе, я наскоро одѣлся и, отказавшись отъ предложенной мнѣ лошади ѣхать верхомъ, вмѣстѣ съ прибывшими чиновниками отправился къ князю. Когда я очутился подлѣ княжескаго бивуака, то меня прежде просили зайти въ одну изъ юртъ, гдѣ немного, обождавъ, я буду представленъ князю. Когда я сдѣлалъ это, войдя въ юрту, чиновники забросали меня вопросами, интересуюсь узнать, какія вещи я подарилъ князю и нѣтъ ли у меня еще такихъ же вещей. Спустя немного времени, когда, видимо, князь приготовился къ приему, въ юрту вошелъ его приближенный, который и провелъ меня къ князю. Перешагнувъ порогъ юрты, я увидѣлъ князя, воссѣдавшаго на походномъ тронѣ, а по сторонамъ его стояли вѣрные тѣлохранители. Въ отвѣтъ на мое привѣтствіе князь не замедлилъ подать мнѣ руку и просилъ присѣсть на коверъ, приготовленный по правую его сторону.

Подали чай, князь снялъ съ своей головы шапку (въ знакъ окончанія официального приема), расспрашивалъ меня, достаточно ли хорошо обходилось со мной кочующее население его хошуна. Далѣе князь предложилъ мнѣ нѣсколько любезныхъ вопросовъ касательно моей поѣздки. Я, вкратцѣ, познакомивъ князя о пути движенія, добавилъ, что поѣздка доставляетъ мнѣ много удовольствій,—познакомился съ

жизнью обывателя, быть свидетелемъ праздниковъ, видѣть храмы и проч., и что все это оставило по себѣ пріятное воспоминаніе. Было уже далеко за полночь, когда я, поблагодаривъ князя за горячее участіе, любезность и особенное ко мнѣ расположеніе, началъ прощаться. Князь, вставъ со своего мѣста, подаль мнѣ руку и, въ моментъ разставанія со мною, приказалъ подать мнѣ его смирную лошадь, а конвойнымъ его 5 всадникамъ—сопровождать меня до моего пристанища. Судя по разговорамъ, китайская колонизаціонная политика ясно понимается княземъ и князь убѣжденъ, что разъ окажется на его территоріи хотя одно распаханное китайцемъ поле, то незамѣтно приползутъ и другіе ихъ собратья и въ итогѣ получится китайское осѣдлое гнѣздо.

8 Сентября. Рано утромъ при холодномъ вѣтеркѣ мы поѣхали дальше. Дорога, имѣя направленіе прямо на западъ, пересѣкала небольшіе горные холмы, между которыми залегали широкія долины съ хорошими признаками степной растительности. Около 10 часовъ утра, догнали китайскій обозъ, тянувшійся изъ Гань-чжурь-сумэ въ Долонноръ. Время приближалось къ положенному часу остановки на полдникъ и мы среди ровной долины остановились. Приготовили пищу, накормили лошадей и поѣхали дальше. Двигаясь въ хвостѣ китайскаго обоза, я, въ разговорѣ съ китайцами, выяснилъ, что недалеко отъ дороги къ сѣверу на границѣ Ихэ-Учжуму-цинъ и Цзунъ-Хочетъ имѣется большое соляное озеро Ихэ-дабусунъ-нуръ. Соляное озеро, имѣя въ ширину 7—8 верстъ, а въ длину немного болѣе, когда то принадлежало Ихэ-Учжуму-цинъ, но князь послѣдняго продалъ его князю хошуна Цзунъ-Хочетъ при условіи, чтобы населеніе обоихъ хошуновъ пользовалось солью бесплатно. Добыча соли производится самими монголами, при чемъ какихъ либо усовершенствованныхъ орудій, хотя бы даже примитивнаго устройства солеварень, нѣтъ; соляную кору разрыхляютъ кирками и мотыгами. Добыча соли велика. Соль въ кускахъ различной величины, обслуживая потребленіе мѣстнаго населенія ближайшихъ хошуновъ, проникаетъ большими партіями въ гор. Гуй-Хуа-чэнъ, Калганъ, Долонноръ, Чэнъ-дэ и даже Цицикаръ. Стоимость соли на соляныхъ складахъ, особо устроенныхъ вдали отъ озера, колеблется, въ зависимости отъ величины кусковъ соли (мелкая или крупная); покупатели—китайскіе купцы—приобрѣтаютъ соль или подводами, или на мѣру, при чемъ бычья или конская подвода, при запряжкѣ одного какого либо животнаго, оцѣнивается въ 1 л. 2 цян. (около 1 р. 50 к.—1 р. 60 к.), если на мѣру, то одна большая китайская мѣра доу оплачивается 2 цянями (26—28 коп.).

Богатство солью озера не изсякаемо. Носятся упорные слухи, что китайцы намѣрены на доходныя статьи озера на-

ложить свою руку. Въ данное время уже возникло какое то недоразумѣніе между владѣльцами озера и заинтересованныя стороны вызваны въ гор. Сюань-хуа-фу для разслѣдованія дѣла и выясненія притязаній монголь на озеро.

Двигаясь дальше по однообразной, слегка вздутой горными кряжами мѣстности, мы достигли дороги, идущей изъ Хайлара въ Долоннорь, и, немного продвинувшись еще впередъ, среди холмистой степи остановились на ночлегъ.

9 Сентября. Ночь прошла спокойно. Утро холодное, морозъ сковалъ земную поверхность. Подкрѣпились пищей и поѣхали дальше. Мѣстность, покрытая невысокими грядами холмовъ, по прежнему сохраняла свой однообразный степной характеръ; травянистая же сухая растительность, по мѣрѣ нашего движенія на юго-западъ, казалась лучше и могла съ выгодой пріютить на зиму кочевниковъ, но такковыя стаянулись къ болѣе низкимъ пріозернымъ мѣстамъ. Къ полдню мы подтянулись къ Модонь-худукъ (деревянный колодець, на самомъ же дѣлѣ это была небольшая яма, обложенная камнемъ), который лежитъ при маленькомъ ручейкѣ, окруженномъ, особенно съ востока, переплетающимися грядами горъ. Не доѣзжая къ Модонь-худукъ, въ направленіи къ кумирнѣ Бангинъ-гэгэнъ-сумэ, отдѣлилась дорога въ юго-западномъ направленіи, взамѣтъ же отдѣлившейся въ сторону дороги, присоединялась другая, но уже съ сѣвера изъ Гань-чжурь-сумэ. Къ полдню погода нѣсколько измѣнилась—вѣтеръ утихъ, небо прояснилось и стало теплѣе. Двигаясь особнякомъ по однообразной мѣстности, къ вечеру достигли песчаной гряды, которая и служила мѣстомъ ночлега.

10 Сентября. Утро холодное, окрестныя горы покрылись тонкимъ покровомъ снѣга. Дорога, взвиваясь на перевалы со спусками въ долину, пролегла по безлюдной степи. За весь день ѣзды возможно только отмѣтить, что изрѣдка въ сторонѣ на горныхъ вершинахъ попадались обо, да отдѣлилась дорога на Цзинь-пын-чэнъ, китайскій городокъ, лежащій въ предѣлахъ хошуна Барунъ-Баронъ. Къ вечеру, когда мы добрались до широкой долины, при дорогѣ оказался колодець, гдѣ и остановились ночевать.

11 Сентября. Ночь холодная, утро вѣтренное и пасмурное. Съ мѣста ночлега мы, продолжая нашъ путь то къ югу, то къ юго-западу, переваливъ небольшой горный гребень, вступили въ широкую покатую долину. Передъ нами къ западу слегка волнообразная степная мѣстность, а къ востоку горная цѣпь, уклоняющаяся своимъ направленіемъ къ югу. Нѣсколько времени движенія и мы достигли рѣчки, именуемой Силинь-хэ (Силинголь), возлѣ которой, на лѣвомъ ея берегу, остановились. Небольшая рѣка, проходящая вбродъ, имѣетъ теченіе на сѣверо-западъ и на своемъ

дальнѣйшемъ протяженіи теряется въ пескахъ. При рѣкѣ имѣется заново отстроенная въ китайскомъ стилѣ кумирня Эртай-мяо. При кумирнѣ учреждена китайская соляная застава, взимающая пошлину за монгольскую соль, вывозимую китайцами. Продавцы, конечно, монголы и покупатели китайцы одинаково облагаются соляными сборами, но въ какомъ именно размѣрѣ не пришлось установить, такъ какъ чины заставы только считаютъ число соляныхъ подводъ, которыя направляются большими партіями къ Долоннору и далѣе на Гуй-хуа-ченъ. Цѣна на соль—свѣтлую и мелкую отъ 1½ до 2 ланъ за 350 цинювъ (немного болѣе 2 коп. за русскій фунтъ), что же касается соли въ плиткахъ и съ большимъ % примѣси осадочной грязи, то таковая разцѣнивается дешевле. Подлѣ соляной заставы и крошечной кумирни пріютились китайскіе купцы, ремесленники и къ нимъ подтянулись монгольскія юрты, которыя въ совокупности съ соляными обозами и при наличіи соляныхъ складовъ, составляютъ зародышъ будущаго торговаго пункта. Оставивъ за собой рѣку Силинь-хэ, мы поѣхали дальше по долинѣ къ близъ лежащему горному хребту на переваль Уланъ-даба. Подъемъ на переваль, мѣстами по песчаной дорогѣ, довольно тяжелъ. Непосредственно за переваломъ глубокая и узкая, лежащая перпендикулярно къ дорогѣ, долина съ двумя колодцами хорошей воды. Долина является линіей разграниченія владѣній хошуновъ Абханаръ-бэйсэ и Абага-цзюньванъ.

Характеръ мѣстности слегка волнистый; по дорогѣ часто стали попадаться глыбы камня, лежащія на поверхности земли; впереди особнякомъ торчали горы, представлявшія изъ себя конусообразныя формы. Растительность отсутствовала; мѣстами песчаная почва, съ примѣсью мелкой гальки, напоминала пустыню. Солнце склонялось къ закату и я, приблизившись къ одной изъ сопокъ, гдѣ имѣлся подножный кормъ, остановился на ночлегъ.

12 Сентября. Ночь холодная и дождливая. Рано по утру, соединившись съ проходившимъ китайскимъ обозомъ, поѣхали дальше. Дорога съ узкой глубокой колеей, прорѣзанной китайскими узкоходными телѣгами, на каждомъ шагу предупреждала о могущемъ быть несчастіи,—такъ какъ мои баргинскія телѣги на высокихъ колесахъ то и дѣло трещали, попадая изъ одной въ другую колею. Возшло солнышко и, какъ будто, стало теплѣе и отраднѣе. Идя отъ одной горы къ другой, мы вошли въ обширную покатую долину, гдѣ на западной сторонѣ, вшотную къ дорогѣ, стояла отдѣльная возвышенность, называемая Ханъ-Ула. Гора Ханъ-Ула послужила мѣстомъ утренняго привала. Имя горы Ханъ-Ула никому нельзя произносить,—гора считается священной и глубоко чтится всѣми проезжающими монголами и китай-

цами. Китайскіе купцы, направляясь въ Монголію или возвращаясь обратно домой, считаютъ священнымъ долгомъ принести на этой горѣ жертву богу.

Преданіе передаетъ, что когда-то богатый китайскій купецъ, торговавшій въ Монголіи, въ одинъ прекрасный день недалеко отъ этой горы Хань-Ула сдѣлался нищимъ,—скотъ заболѣлъ чумой и весь погибъ. Постигшее несчастье привело купца—китаецъ къ тому, чтобы покончить съ собой и накануне дня своего самоубійства онъ, помолясь богу, легъ спать. Во время сна китаецъ увидѣлъ сновидѣніе: „надлежитъ на горѣ, именуемой Хань-Ула, принести кровную жертву и послѣ принесенія жертвы въ слѣдующій сонъ будетъ указано мѣсто, гдѣ возможно найти деньги“. Китаецъ такъ и поступилъ; принесъ жертву и нашелъ массу денегъ. Во имя такого преданія китаецъ и монголы, направляясь въ Китай, въ Монголію или обратно, проѣзжая мимо названной горы, при богато отдѣланномъ на ея вершинѣ обо совершаютъ моленія въ надеждѣ въ будущемъ обогатиться деньгами, или получить исцѣленіе отъ болѣзни. Мои спутники тоже вознесли должныя молитвы на горѣ Хань-Ула, но денегъ имъ нигдѣ не пришлось найти, хотя они и избороздили изрядный путь по Монголіи. Достаточно отдохнувъ, мы оставили Хань-Ула и поѣхали дальше. Предъ нами открывалась обширнѣйшая покатая долина, къ западу и югу виднѣлись отдѣльныя горы; къ юго-востоку на солнцѣ искрились воды ближайшихъ озеръ, а къ востоку тянулась горная цѣпь, переплетаемая песчаными холмами. По сторонамъ дороги, на мѣстахъ сносной сухой растительности, стали попадаться пастухи со стадами скота, овецъ и лошадей. Мы подошли къ струившемуся ручейку Хуйтунъ-голь, вытекающему изъ озера Пай-шу-нуръ, лежащаго недалеко къ востоку отъ дороги. Пройдя ручеекъ, пріютившій подлѣ себя нѣсколько монгольскихъ юртъ, мы достигли области песковъ. Когда мы вѣхали въ пески, мѣстами заросшіе мелкими кустарниками изъ мягкой породы деревьевъ, дорога сразу дала себя чувствовать—лошади то и дѣло останавливались, преодолевая песчаные бугры. Солнце склонялось уже къ закату и мы, прекративъ до слѣдующаго дня затруднительное движеніе, остановились.

13 Сентября. Ночь холодная. Рано поутру, присоединившись къ китайскому обозу, поѣхали дальше, пересѣкая сплошныя полосы песчаныхъ бархановъ, раздѣлявшихъ узкія долины, заросшія сочной травой. Почти въ каждой долинѣ, благодаря близости озерной воды, въ мѣстахъ, хорошо закрытыхъ отъ вѣтровъ, встрѣчались монгольскія стойбища, оборудованныя нѣсколько лучше, чѣмъ приходилось встрѣчать въ пройденныхъ мною хошунахъ. Зимовники, приспособленные къ мѣстности, имѣютъ даже укрѣпленія для скота въ періодъ

зимнихъ холодовъ. Поминутно останавливаясь, давая отдохнуть усталымъ лошадямъ, мы достигли обширной равнины Урта-тала, служащей границей Чаларскихъ земель съ владѣніями Абага-да-вана. Лошади совершенно измучились и, потерявъ надежду двигаться дальше, мы остановились покормить лошадей. Послѣ обѣденнаго времени, хотя и поѣхали дальше, но частые песчаные бугры, положительно обезсиливъ лошадей, вынудили насъ остановиться на ночь.

14 Сентября. Утро пасмурное; тучи, обложившія небо-склонъ, предвѣщали что-то недоброе. Какъ слѣдуетъ накормивъ лошадей, мы снова стали прокладывать себѣ дальнѣйшій путь въ предѣлы хошуна Гулу-хуху. Прилегающіе пески и чередующіяся песчанья гряды по прежнему замедляли движеніе, но мы кое-какъ двигались впередъ. Несмотря на обиліе псковъ, мы все-таки, шагъ за шагомъ, оставляли за собой песчанья пространства. Отдохнули и снова поѣхали. Движеніе было затруднительно, но, переваливъ песчанья горы, именуемая Шурунь-гэн-тэй, Бага и Хулу-сутай, стало какъ то легче: передъ нами лежала относительно широкая долина, среди которой видѣлись строенія; твердая дорога, мѣстами хотя и песчаная, ускорила движеніе, мы подѣхали къ кумирнѣ, называемой Шабартай-сумэ. Кумирня Шабартай почти пустуетъ; горсть штатныхъ ламъ, предпочитаая жить въ фанзахъ, жалуются на убожество ихъ обители. Дѣйствительно, кумирня съ близъ построенными зданіями для жилья ламъ, напоминаетъ жалкія лачуги, котыря ступеваются среди богатыхъ юртъ степныхъ монголь, осѣвшихъ при монастырѣ на зимовку.

15 Сентября. Ночь вѣтренная и холодная, отсутствіе теплой одежды замѣтно чувствовалось и единственнымъ спасеніемъ, какъ и раньше, являлся только костеръ, который поддерживали среди открытаго поля всю ночь. Съ восходомъ солнца мы простились съ кумирней. Зигзагообразное движеніе по пескамъ, наконецъ, привело насъ къ группѣ озеръ Олонъ-нуръ, изобилующихъ рыбою и стаями дикихъ гусей, утокъ и лебедей. Оставивъ эти озера, мы ѣхали по небольшой равнинѣ, заросшей мелкимъ и замѣчательно крѣпкимъ камышемъ. По сторонамъ дороги холмистый характеръ мѣстности съ твердымъ грунтомъ; пески замѣтно исчезали и дорога становилась лучше. По мѣрѣ движенія, проѣхавъ верховья ничтожныхъ рѣчекъ Арган-ту-голь, Хубчик-голь и Халютай-голь, быстро несущихъ свои воды на востокъ, мы вошли въ широкую долину. Населеніе здѣсь отсутствовало; на хорошемъ подножномъ корму табунами гуляли лошади и стада скота. Характерною особенностью долины рѣки Халютай-голь являются стадные зимовники съ запасами сѣна. Зимнія стойбища, своеобразно оборудованныя, по большинству принадлежатъ мѣстнымъ хутухтамъ,

владѣющимъ нѣсколькими тысячами овецъ, немного меньше лошадей и сотнями крупнаго скота и верблюдовъ, а также китайскимъ скотопромышленникамъ, которые выдеживаютъ на Чахарскихъ земляхъ свой продажный скотъ. Послѣ завтрака мы отправились въ дальнѣйшій путь, — хотѣлось сегодня или рано завтра достигнуть города Долонноръ. Однако, даже ускоренное движеніе повело къ тому, что, переваливъ горный кряжъ мѣстами съ сыпучими песками, къ вечеру достигли только долины рѣки Шань-дянь-голь. Просторная рѣчная долина, хорошо закрытая отъ вѣтровъ, съ запасами сѣна и аргала на зиму, представляетъ сплошные поселки монголь.

16 Сентября. Всю ночь свирѣжствовали вѣтеръ съ снѣжнымъ бураномъ. Рано утромъ, покинувъ свой степной почлегъ, мы поѣхали. Оставивъ за собою долину рѣки Шань-дянь-голь, окруженную множествомъ обо, мы, вскарабкавшись на переваль послѣдняго горнаго кряжа, вдаль замѣтили строения, кровли которыхъ сияли при лучахъ солнца. Стало тепло, обиліе песковъ закончилось и мое давно лелѣянное желаніе близилось къ исполненію: городъ Долонноръ съ чтимыми кумирнями былъ передо мною. Проѣхавъ между богдоханскими храмами, лежащими по обѣ стороны дороги, переѣхавъ подлѣ самаго города небольшую рѣчку, протекающую на сѣверной окраинѣ по песчано-болотистой равнинѣ, я вступилъ въ городъ и по грязнымъ, обычно узкимъ улицамъ, наконецъ, добрался до фу-шан-цзе, гдѣ въ помѣщеніяхъ торговой фирмы Ли временно остановился. Физическія лишенія, хотя на первый взглядъ переживались и забывались легко и быстро, но это только такъ казалось, въ дѣйствительности же было иначе: намъ приходилось за все время пути оставаться подъ открытымъ небомъ и въ лѣтнемъ платьѣ, наступившіе холода съ снѣжными буранами дали себя чувствовать; состояніе моего здоровья ухудшилось, чувствовались приступы озноба во всемъ тѣлѣ и ревматическое состояніе правой руки и ноги. Первая ночь въ городѣ Долоннорѣ прошла весьма дурно. На слѣдующее утро я чувствовалъ себя ничуть не лучше, почему обратился къ врачевателямъ. Мѣстный искусный врачъ, путемъ долгаго подсчета біеній пульса, распозналъ, что признаки болѣзни серьезны и лучше было бы мнѣ временно отказаться отъ продолженія пути. Условившись съ лѣкаремъ на счетъ платы, я рѣшилъ послѣдовать его совѣту: придерживаться діеты и глотать пилюли. Внимательное отношеніе доктора не давало надеждъ на улучшеніе моего здоровья и испробованныя лѣкарства также не помогали. Такъ или иначе, пользуясь своими лѣкарствами и указаніями врача, я пролежалъ двѣ недѣли и только послѣ этого въ состояніи моего здоровья произошла перемѣна — ревматическія боли

какъ то притупились и я могъ дѣйствовать рукой и ногой. Чувствуя облегченіе, я занялся приготовленіемъ къ дальнѣйшему путешествію.

1 Октября. Сегодня пригласилъ управляющаго одной фирмы, занимающей перевозкой пассажировъ изъ Долоннора въ Калганъ. Договорилъ подводу, собралъ свои вещи, запасся провизіей и завтра поутру предположилъ оставить на время Долонноръ. Прежде чѣмъ выѣхать, пристроилъ на своей квартирѣ своихъ спутниковъ, которые тутъ же на дворѣ въ китайской гостинницѣ будутъ получать пищу, чай и, при нуждѣ, небольшія суммы денегъ за мой счетъ.

2 Октября. Утро пасмурное, небо заволочено тучами и холодный вѣтеръ подымалъ метель. Непосредственно за городомъ, на южной его окраинѣ, мнѣ пришлось переѣхать три подъ рядъ неглубокія рѣчки, стиснутыя песчаными увалами. Двигаясь далѣе, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Долоннора, стали встрѣчаться китайскія деревни, группами разбросанныя по обширной долинѣ. Китайцы-колонисты, уютно расположившись, воздѣлываютъ Чахарскія пустоши. Переселенцы заняли земли, въ зависимости отъ достатка капитала: богатые отдѣльными хуторами, бѣдные же небольшими селеніями. Поселенія часты; земли Чахаръ, откочевавшихъ далѣе на сѣверо-западъ, аккуратно размежеваны и усадебныя постройки, обнесенныя основательными глинобитными стѣнами, сплошь и рядомъ свидѣтельствуютъ, что китайцы прочно осѣли на колонизаціонныхъ мѣстахъ. Китайцы-переселенцы заарендовали Чахарскія пустоши—лучшія земли для воздѣлыванія хлѣбныхъ злаковъ при посредствѣ переселенческаго бюро, при чемъ срокъ аренды двоякій—20 и 34 года. Условія аренды—по истеченіи аренднаго срока вмѣняется монголамъ и китайцамъ въ обязанность возобновить земельные контракты и на тѣ же сроки, и при истощеніи земли понизить арендную цѣну по соглашенію; монголы не имѣютъ права повысить арендную плату и обязаны отдавать свои земли въ аренду только однимъ китайцамъ. Годовая арендная плата только за дѣвственные и лучшіе участки земли, въ размѣрѣ 5 дяо за 1 шанъ земли (1 шанъ=1411,75 кв. саж., 1 дяо=100 тун-цзы-эръ, 1 тун-цзы-эръ=0,78 коп.) вносится арендаторами въ началѣ каждаго года въ китайскія присутственныя мѣста, которыя въ свою очередь передаютъ собранныя деньги въ центральныя колонизаціонныя учрежденія для разчета, якобы, съ владельцами земли—Чахарами; на самомъ же дѣлѣ Чахары никакой арендной платы за свои земли не получаютъ,—арендные деньги цѣликомъ поступаютъ въ китайскую казну на погашеніе старыхъ княжескихъ долговъ. Хотя Чахарскія земли въ пройденномъ направленіи и заколонизированы, но между чиновниками чахарами есть увѣренность, что ки-

тайцы возвратятъ имъ земли обратно, какъ только будутъ погашены окончательно ихъ долговья обязательства предъ правительствомъ. Укрѣпившіеся на Чахарскихъ земляхъ поселенцы,—выходцы изъ провинцій: Чжи-ли, Шань-си и Шань-дунь, съ усовершенствованными земледѣльческими орудіями, при обилии рабочей силы, состоящей изъ скота и лошадей, воздѣлываютъ пашни подъ яровую пшеницу, горчицу, коноплю, ячмень, просо и особенно овесъ. Урожай хлѣбныхъ злаковъ хорошъ; излишекъ земледѣльческихъ продуктовъ частью продается въ Долоннорѣ, маслянистое же зерно направляется въ г. Ду-ши-коу и Чэн-дэ.

Характеръ мѣстности по сторонамъ—горы, примыкающія своими отрогами къ широкой долинѣ, пересѣкаемой небольшими сѣдловинами.

3 Октября. Переночевавъ въ сел. Хэбусэръ, я до разсвѣта выѣхалъ. Горные края стали удаляться отъ дороги; къ восходу солнца я поднялся на гору и увидѣлъ передъ собою понижающуюся долину праваго берега рѣки Шань-дянь-хэ (голь). Колонизаторскія селенія стали рѣдѣть, а даѣе совершенно отсутствовали. Горы съ мягкими контурами приближались только къ лѣвому берегу р. Шань-дянь-хэ, тогда какъ правый берегъ былъ открытъ и былъ богатъ сухимъ подножнымъ кормомъ. При взглядѣ на сносное по сторонамъ дороги пастбище и наличность скота, невольно зарождается вопросъ: что за причина, вмѣсто пашень—бродятъ табуны лошадей, стада овецъ и торчатъ копы сѣна?... Оказывается площадь земли отъ дер. Да-лян-ди черезъ Чингисхановскій валъ вдоль праваго берега рѣки отведена для казеннаго коневодства и скотоводства. Двигаясь по наклонной плоскости рѣчной долины, къ вечеру, не доѣзжая нѣсколькихъ сотъ шаговъ до рѣки, я остановился въ разрушенномъ городѣ Улань-хото. Данный пунктъ, называя иначе Ся-дянь-ма-чжэн-цзюй—правительственное учрежденіе коннозаводства; развалины города приспособлены для ночного стойбища скота и лошадей, а во вновь отстроенныхъ, немного южнѣе стараго города, фанзахъ размѣщены начальствующія лица и служебный персоналъ. Казенное коневодство, нельзя признать рациональнымъ; статьи матокъ и производителей, хотя и улучшаются подборомъ лучшихъ экземпляровъ изъ мѣстныхъ и выведенныхъ изъ Ордоса кобылицъ, а жеребцовъ изъ Илійскаго округа, но еще далеко до того, чтобы можно было видѣть замѣтное улучшение. Случка и жеребленіе табуныя. Содержаніе лошадей—лѣтомъ и зимой на подножномъ корму; болѣе захудалыя и большыя поддерживаются до лучшаго состоянія сѣномъ и овсомъ. Выращиваніе молодняка,—по наступленіи года всѣхъ жеребятъ однолѣтокъ отдѣляютъ отъ матокъ и выпасываютъ отдѣльными табунами; послѣ же ка-

страціи, не ранѣе 3-го года, мерины сводятся въ табуны, а лучшія по экстерьеру кобылицы опредѣляются въ матки.

Селеніе Сядянь-ма-чжань-цзюй, кромѣ конеразведенія, имѣетъ еще назначеніе ремонтнаго пункта, куда стягиваются ремонтныя лошади съ ближайшихъ казенныхъ табуновъ, разбросанныхъ всюду на Чахарскихъ восточныхъ земляхъ и сосѣднихъ монгольскихъ хошуновъ.

Ремонтныя лошади, какъ и табунныя, исключительно караковой масти, на короткихъ и крѣпкихъ ногахъ, съ глубокимъ ребромъ, хорошо развитыми бабками, короткой почкой и ничтожнымъ пахомъ, роста не свыше 1 арш 14—15 вершковъ; по способу употребленія—легкія упряжныя. Лошади, предназначаемыя въ ремонтъ, слегка оповаживаются, системы же правильной ихъ выѣздки не существуетъ.

4 Октября. Еще до восхода отправились дальше по едва замѣтной дорогѣ. Переправившись черезъ рѣку Шаньдянь-хэ, снова стали попадаться поля, засѣянные озимыми хлѣбками. Поднявшись на гору—опять хорошо воздѣланная долина, въ концѣ которой вправо отъ насъ большая деревня Хэтува съ миссіонерской станціей и далѣе отъ нея къ сѣверу возлѣ кумирни Укэхунъ пріютилось нѣсколько группъ монгольскихъ юрть. Пройдя еще далѣе—рѣка Бай-шэ-сянцзы-хэ, пробивающая себѣ направленіе съ юга на сѣверъ. Долина рѣчки представляетъ сплошное воздѣланное поле съ разбросанными всюду небольшими деревнями. На ряду съ другими хлѣбными злаками культивируются: овесъ, масляничныя растенія и даже ленъ. Миновавъ обширную долину, поднявшись на два перевала, мы вѣхали въ глубокую, защищенную съ сѣвера горами, долину, въ глубинѣ которой группировались китайскія деревни. Прилегающія горы, въ мѣстахъ болѣе доступныхъ для приложенія земледѣльческаго труда, также были распаханы; менѣе же удобные для земледѣлія—горные скаты, представляли сѣнокосные луга. Уборка хлѣбныхъ растеній—жнуть и связываютъ въ снопы, траву же косятъ небольшими косами и складываютъ, не связывая въ пучки, въ копны. Дружную колонизацію Чахарскихъ земель можно считать вполне законченной—при деревняхъ попадаются кладбища, кумирни, школы и проч.

5 Октября. Переночевавъ при Чжан-ма-цзы-цзиньъ уромъ поднялись на небольшой перевалъ и мимо Эр-ши-ли-обо вышли въ долину, окруженную невысокими горами. Среди долины замѣчалась рѣдкость селеній. Отсутствіе колонизаторовъ, перекочевавшихъ на лучшія мѣста къ Долоннору, объясняется малой пригодностью грунта земли съ примѣсью гравія для земледѣлія. Доѣхали до деревни Дэн-лу-шуй—мѣста ночлега; впереди и по сторонамъ деревни торчатъ невысокія горы, между которыми удобные участки земли были воздѣланы, все-же остальное свободное между ними про-

странство представляло луга съ хорошою травяною растительностью.

6 Октября. Съ восходомъ солнца мы двинулись дальше и черезъ часть фзды, переваливъ небольшую сѣдловину, стали встрѣчаться, повсюду тѣ же китайскія деревни. Придорожныя селенія, зачастую, обнесенныя глинобитными стѣнами, благодаря богатству надворныхъ построекъ, весьма зажиточны. Возчикъ пояснилъ, что здѣсь преимущественно колонисты люди богатые и помимо земледѣлія занимаются еще скотоводствомъ. Миновавъ нѣсколько невысокихъ переваловъ, передъ нами открылась громаднѣйшая населенная долина. Густота населенія вознаграждается качествомъ почвы и близостью подпочвенной воды. На поляхъ стояли копны пшеницы, овса, гречихи, проса, кромѣ того, здѣсь можно было видѣть массу огородовъ съ рѣдической, картофелемъ и арбузами. Къ позднему полдню достигли мѣста ночлега—деревни Бай-мяо-цзы-тань.

Деревня Бай-мяо-цзы-тань, съ примкнувшими къ ней другими селеніями, правильно распланирована и наличностью лавокъ, заѣзжихъ дворовъ, хорошо построенной кумирни, школы и присутствія полицейскихъ казармъ, представляетъ зародышъ будущаго города.

7 Октября. Пройдя Бай-мяо-цзы-танскую долину, мы, переваливъ нѣсколько невысокихъ переваловъ, вошли въ такую же широкую долину, пересѣкаемую небольшими рѣчками, скорѣе ручейками. Долина нѣсколько мѣняетъ свою фizioномію,—по сторонамъ тянутся оголенные цѣпи горъ, деревни совершенно заброшены, а окружающія пашни, по склонамъ горъ и вдоль ручья, казались очень истощенными. Такого рода поселенія и прилегающія пашни тянулись почти до деревни Шабаэртаи. Деревня Шабаэртаи когда то имѣла цвѣтущее положеніе, нынѣ, утративъ свое значеніе пункта перегрузки чайныхъ транспортовъ, направлявшихся сухимъ путемъ черезъ Монголію, является только пунктомъ ночлега снующихъ черезъ нее купеческихъ обозовъ, приравливающихся свои ночевки въ приспособленныхъ для того гостинныхъ дворахъ. Деревня насчитываетъ въ числѣ постоянныхъ обывателей еще нѣсколько предпринимателей и мастеровыхъ—которые имѣютъ здѣсь свои лавки, кузницы и мелкія мастерскія по изготовленію предметовъ первой необходимости для монголь. Въ ряду деревенскихъ построекъ имѣется китайскій ямынь и особо заѣзжій дворъ для монгольской знати, направляющейся въ Пекинъ или возвращающейся въ свои родныя мѣста. Немного поодаль, къ сѣверу отъ деревни задержалось нѣсколько монгольскихъ юртъ, все остальное кочевое Чахарское населеніе потянулось далѣе на сѣверъ.

8 Октября. Сегодня поутру поднялась снѣжная метель. Какъ только установилась сносная погода, мы возобновили путь. Подлѣ самой деревни красиво сложенные изъ камня нѣсколько обо, за ними потянулись одинъ за другимъ небольшие перевалы съ доступными для движенія подъемами и спусками. Дорога мѣстами, уклоняясь въ ту или другую сторону юго-западнаго направленія, камениста и тяжела для движенія. Прилегающія горы, особенно съ востока, казались совершенно голыми, деревни попадались довольно рѣдко и расположеніе ихъ указывало на недавнее ихъ основаніе: пашни—небольшія полоски разрыхленной земли, попадались много рѣже, чѣмъ приходилось видѣть то ближе къ Долоннору. Минозавъ нѣсколько переваловъ, мы подѣхали, къ такъ называемому, перевалу Даба. Переваль Даба представляетъ небольшое плато съ двумя небольшими озерами, подлѣ которыхъ начинается изъ мелкихъ камней, а далѣе переходитъ въ капитальное сооруженіе, великая стѣна, защищавшая во времена прошлаго подступы къ Калгану и далѣе во внутрь Китая.

Переступивъ за рубежъ великой стѣны, мы сразу очутились среди оживленнаго колеснаго и вьючнаго движенія,—тяжелыя тележки, груженыя шерстью, овчинами, солью и содой изъ внутренней Монголіи и города Гуй-хуа-ченъ спѣшили вытянуться по извилистому оврагу, часто мѣняющему свое направленіе; навстрѣчу шли пустыя обозы, караваны верблюдовъ съ чаями, мануфактурой или просто безъ груза. Вся такая подвижная караванная масса гуськомъ, то двигаясь, то останавливаясь, пропускала мимо себя встрѣчный колесный обозъ или вьючныхъ верблюдовъ. Столь ничтожное разстояніе до мѣста ночевки—кумирни Лао-ѣ-мяо, меньше 5 верстъ, пришлось пройти спускаясь внизъ чуть-ли не въ теченіе 2 часовъ. Кумирня Лао-ѣ-мяо, расположенная у самой дороги—китайской архитектуры. Проѣхавъ кумирню, мы вошли въ ущелье, по извилистому дну котораго струилась вода небольшого ручейка, вдоль котораго одинъ за другимъ, обосновались заѣзжіе двory и мы въ одномъ изъ нихъ, ранѣе намѣченномъ моимъ подводчикомъ, остановились переночевать.

9 Октября. Сегодня мой возчикъ выѣхалъ довольно поздно, имѣя въ виду прибыть въ Калганъ не ранѣе обѣденной поры, прибытіе же ранѣе почему то мало его устраивало. Калганское ущелье, являющееся ближайшимъ подступомъ къ Калгану, стиснуто разнообразнымъ очертаніемъ горъ, покрытыхъ мѣстами китайскими пашнями. Вдоль западной стороны ущелья черезъ горныя вершины и прилегающія къ нимъ долины, извивается великая стѣна, совершенно утратившая свое историческое значеніе,—сторожевыя башни и прочія зданія представляютъ только груды развалинъ.

Устье ущелья, мѣняя на каждомъ шагу свое направленіе, то расширяясь, то суживаясь прилегающими къ нему отвѣсными скалами оголенныхъ горъ, усѣяно сплошь камнями, а также изборозжено рывтинами протекающаго по ущелью ручейка. Ущелье на всемъ своемъ протяженіи съ однообразнымъ видомъ отвѣсныхъ скалъ, пересѣкаемыхъ оврагами, какъ единственный доступъ къ Китайской столицѣ въ прежнія времена представляло серьезную важность въ военномъ отношеніи; въ самомъ дѣлѣ и теперь ущелье является ключемъ къ Калгану и отъ природы расположено столь благоприятно, что небольшой отрядъ можетъ противостоять значительнымъ силамъ. Оставляя за собой одну за другой деревни, расположенныя въ ущельѣ, мы достигли предмѣстья города Калгана—Юань-бао-шань, гдѣ на сѣверномъ склонѣ горы сохранились жалкія остатки русской православной церкви, пострадавшей во время боксерскаго возстанія, на южномъ же расположились китайскія и русскія Коковинъ-Басовъ торговыя фирмы. Немного поодаль, здѣсь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ русской фирмы, красовалось еще одно европейское зданіе—русская почта. Первой и, кажется, главной задачей моего приѣзда въ Калганъ было въ мѣстномъ почтамтѣ получить, ожидаемыя по переводу деньги; я, оставивъ свою подводку среди уличнаго шума и стука груженыхъ телегъ, отправился на почту. Въ короткой бесѣдѣ съ начальникомъ почты выяснилось, что на мое имя никакихъ денежныхъ писемъ не поступало. Разочарованный надеждой получить деньги, я рѣшилъ ѣхать въ Пекинъ; но прежде, чѣмъ осуществить свою новую поѣздку, я предпочелъ позаимствовать необходимую мнѣ сумму денегъ среди мѣстныхъ соотечественниковъ. Съ перваго дня моего приѣзда я остановился при Русско-Китайскомъ Банкѣ. Калганская русская колонія, въ составѣ четырехъ ея представителей, начала баловать меня подлѣ всевозможными предлогами завтраками и ужинами. Радужный пріемъ калганскихъ старожилъ, за исключеніемъ нѣкогого уклонившагося по коммерческимъ соображеніямъ, оставилъ лучшія воспоминанія и не знаю только буду ли я когда-либо въ состояніи отблагодарить ихъ за сердечное ко мнѣ отношеніе и гостепримство.

Дни за днями незамѣтно смѣнялись, поиски же позаимствовать денегъ обѣщали лучшія надежды только въ будущемъ. Достаточно отдохнуть, я оставилъ Калганъ и поѣхалъ на югъ, въ Пекинъ, частью на наемной подводѣ, а съ половины пути по желѣзной дорогѣ и на третій день пути достигъ столицы. На слѣдующее утро я представился, подѣлился дорожными впечатлѣніями, навѣстилъ старыхъ знакомыхъ и послѣ семидневнаго пребыванія рѣшилъ направиться обратно въ Долонноръ, имѣя въ карманѣ слишкомъ мало денегъ даже для житія впроголодь, не говоря уже объ

окончательномъ разчетѣ съ людьми, помогавшими мнѣ колесить по Монголіи. Обратный путь изъ Пекина въ Калганъ совершилъ тѣмъ же путемъ и, приблизительно, въ тотъ же промежутокъ времени. Вернувшись снова въ городъ Калганъ, я на этотъ разъ остановился уже при русской торговой фирмѣ, гдѣ временно числился другой постоялецъ студентъ Фрозе. Насталъ день моего выѣзда, простился съ русской колоніей, заплатилъ за простой представителю торговой фирмы только семь долларовъ, хотя желательно было ему взять съ меня и больше, наравнѣ съ яко бы благоустроенными въ другихъ городахъ заграничными гостинницами, я поѣхалъ обратно въ Долонноръ. Прощаясь съ Калганомъ, считаю долгомъ присовокупить, что городъ, по моимъ личнымъ наблюдениямъ, независимо отъ своего назначенія складочнаго и распредѣлительнаго пункта по ввозной и вывозной торговлѣ, благодаря своему географическому положенію на границѣ Монголіи и населенныхъ областей Китая, является пунктомъ сбора всего сырья, привозимаго изъ разныхъ мѣстъ Монголіи, и, мнѣ кажется, что съ проведеніемъ желѣзной дороги городъ еще болѣе расширитъ свою торговую дѣятельность. Вообще городъ, благодаря своему счастливому положенію, въ недалекомъ будущемъ измѣнитъ свою фیزیомію и привлечетъ къ себѣ должное вниманіе иностранныхъ капиталовъ, такъ какъ желѣзная дорога Пекинъ—Калганъ осенью 1909 года уже открыта для правильнаго товаро-пассажирскаго сообщенія. Прежде чѣмъ отправиться въ Долонноръ, я тутъ же, въ Калганѣ, собралъ кое-какія свѣдѣнія относительно казеннаго коневодства, поддерживаемаго правительствомъ на Чахарскихъ земляхъ. Чахарскія земли, обнимая собою 8 хошуновъ (знаменъ) (Гулу-хуху, Гулу-Цаганъ, Гулу-Уланъ, Гулу-Шара, Хубо-Цаганъ, Хубо-Шара, Хубо-Уланъ и Хубо-Хуху), въ военно-административномъ отношеніи управляются не наследственными князьями, какъ то имѣетъ мѣсто въ другихъ хошунахъ Монголіи, а монгольскими знатными чиновниками, которые по представленію Калганскаго дутуна, пользующагося правами корпуснаго командира, утверждаются властью бордыхаца. Права и обязанности владѣтелей хошуновъ Чахарскихъ земель вполне тождественны съ такими же властелинами другихъ хошуновъ Монголіи, но разница въ томъ, что всѣми хошунными дѣлами, по большинству, вѣдаютъ китайскіе чиновники, на долю же хозяина хошуна, именуемаго угэрда, осталось званіе, приравненное къ тай-чжи, сто лановое годовое содержаніе, обычные тронные подарки и номинальное управленіе народомъ. Чахарскія земли, залегающія отъ Долоннора на западъ до Ордоса, на сѣверъ вдоль южной границы хошуновъ Абага, Абаханаръ и Сунитэ, какъ прилегающіе непосредственно къ китайской границѣ,

еще издавна отведены для разведенія императорскихъ и министерскихъ лошадей, рогатаго скота, овецъ и верблюдовъ. Заботами правительства на лучшихъ пастбищахъ устраивались зимовники, отпускались ежегодно субсидіи и животноводство, при гуманномъ отношеніи наблюдающихъ чиновниковъ, достигло высоты совершенства. Но вотъ внезапный контроль, достигнутые результаты дѣла показали обратную сторону—животныя погибли и, какъ вещественное доказательство, остались только кожи, систематично приобретаемыя у монголовъ и китайцевъ, взамѣнъ яко бы павшихъ животныхъ. Время славнаго прошлаго было хорошее: правительство, отпуская ежегодно 10 тыс. ланъ серебра на улучшеніе животноводства, надѣялось извлечь изъ него пользу, чиновники разрѣшили государственную идею иначе,—деньги прятали въ карманъ и, сообразуясь съ числомъ ежегодной убыли животныхъ, взамѣнъ таковыхъ, скупали только на сторонѣ кожи. Въ данное время казенное животноводство, видимо, начинаетъ улучшаться, благодаря новому завѣдывающему, назначенному по Высочайшему повелѣнію и надѣленному особыми полномочіями, генералу Кун-Юаню. Главное управленіе по животноводству сосредоточено при деревнѣ Тай-пу-сы, лежащей къ сѣверу отъ Калгана на разстояніи болѣе 100 верстъ. Составъ управленія, кромѣ 1 ина пѣхоты и 2 кавалеріи, состоитъ изъ помощниковъ начальниковъ крыльевъ, завѣдывающихъ отдѣльно матками, меринами и молоднякомъ табуновъ и стадъ крупнаго и мелкаго скота, разбросанныхъ въ лучшихъ мѣстахъ Чахарскихъ земель.

Численность табуновъ лошадей, скота, овецъ и верблюдовъ не поддается точному опредѣленію, но говорятъ, что императорскихъ и министерства церемоніи Ли-бу вообще лошадей не свыше 90 т. Статьи матокъ и жеребцовъ не важны—лучшіе мѣстные экземпляры. Табунщиками и пастухами состоятъ монголы чахары, подъ наблюденіемъ китайскихъ солдатъ.

Обратный путь къ Долоннору совершили по знакомой дорогѣ и отмѣтить что либо новое не пришлось, такъ какъ весь путь пришлось держать противъ свирѣпаго вѣтра и трескучаго холода, не позволявшаго даже высунуть голову. Тѣ же незатѣйливыя полуденныя и ночныя остановки, по большинству, совпадали со старыми заѣзжими дворами. Не лишнее будетъ отмѣтить поразительную дешевизну ночлега при относительныхъ удобствахъ, на примѣръ: отдѣльное помѣщеніе, правда холодное, но есть крыша, стѣны и двери, съ квпяткомъ утромъ и вечеромъ, услугами внимательной прислуги, все окупалось цѣною въ семь копѣекъ: 4 коп. за ночлегъ, 2 коп. за чай и 1 коп. на чай прислугѣ.

По линіи Калгань-Долонноръ въ наиболѣе населенныхъ деревняхъ Пъчао, Хэбусэръ, Далян ди, Шань-дянь-хэ, Хэ-тува, Чжан-ма-цзы-цинъ, Дан-лу-шуй, Бай-мяо-цзы-тань, Шабартай—расквартированы взводы кавалеріи при офицерахъ. Выставленныя войска Сюань-хуа-ма дуй-ин-цянъ-эръ области Сюань-ху-фу, подчинены Эр-фу ямыню въ г. Долонноръ. Обмундированіе всадниковъ—китайскаго образца курма и немного съужены штаны, мундиръ въ видѣ куртки и укороченные европейскаго образца сапоги. Вооруженіе нижнихъ чиновъ—карабины системы Маузера и Манлихера 1884 и 1888 г.; патроны носятя или въ холщевыхъ патронташахъ, или въ 3-хъ кожаныхъ, также на поясъ, сумкахъ по 30 шт. въ каждой. Офицеры вооружены револьверами различныхъ системъ, при чемъ имѣются и экземпляры Тульскаго Императорскаго завода 1899 г. Конскій составъ—лошади мѣстной породы. Довольствіе лошади казенное—сѣно и овесъ. Обученіе—однообразія нѣтъ, но обращается вниманіе на прикладку, маршировку и на изученіе монгольскаго и русскаго языковъ. Расквартированы—офицеры и нижніе чины размѣщены при гостиницахъ—двѣхъ въ особыхъ комнатахъ—цзяняхъ, а лошади подъ крытыми навѣсами. Содержаніе солдатъ,—ежедневно получаетъ отварной рисъ съ приправой къ нему, соленые овощи и немного мяса. Столъ общій; приготовленіе пищи и кипяченіе воды для чая возложено на поваровъ гостиницъ. Качества солдатъ—подвижны, послушны, дисциплинированы и возраста 22—26 лѣтъ. Офицеры, большинство магометане—близки къ нижнимъ чинамъ, вѣжливы и гордятся чувствомъ офицерскаго достоинства. Назначеніе войскъ, кромѣ прямыхъ своихъ занятій, обслуживать нужды полицейской службы, сопровождать почту, монгольскихъ князей, китайскихъ чиновниковъ, слѣдить за проѣзжающими и содѣйствовать сбору арендной платы съ китайскихъ колонистовъ.

1 Ноября. Я снова въ Долонноръ и съ первыхъ дней по приѣздѣ занялся приведеніемъ въ порядокъ своего жилья. Несмотря, однако, на всѣ мои старанія привести хижину въ должный жилой видъ, т. е. хотя бы обезпечить нѣкоторый запасъ теплоты, (сводился къ одному—температура нагрѣтаго воздуха сквозь щели улетучивалась и къ утру тяжело было разставаться съ постелью, пока не успѣешь одѣться въ мѣховые брюки и такую же куртку. Изъ дня въ день втянулся и условія прозябанія при скудномъ и однообразномъ питаніи были не въ тягость).

Сегодня пришло извѣстіе о смерти Китайскаго Императора Гуан-сюя и Императрицы Тай-хоу. Городъ моментально принялъ траурный видъ: правительственные учрежденія спустили національные флаги и задрапировали наружныя ворота ямыня бѣлыми матеріями; торговое сословіе, осо-

бенно богатая фирма, прекративъ свою торговую дѣятельность, также облеклись траурными флагами. На слѣдующій день 23 ноября утромъ къ мѣстной кумирнѣ Сань-гуан-мяо начало стекаться духовенство изъ мѣстныхъ Императорскихъ храмовъ, для совмѣстнаго служенія по усопшимъ. На богослуженіи присутствовали начальствующія лица, которыя прибыли пѣшкомъ, при чемъ съ своихъ шапокъ сняли чиновничьи шарикки. По окончаніи панихиды, собравшимся нищимъ было предложено угощеніе изъ чая и мяса въ память усопшихъ. Первые три дня, совершая торжественныя богослуженія по умершимъ, городъ совершенно затихъ,—торговая дѣятельность временно прекратилась и народъ всячески выказывалъ знаки, якобы, глубокой печали по поводу безвременной кончины верховныхъ правителей. Какъ только прошли дни траурнаго положенія, городъ снова возродился, и уличная суета потекла своимъ чередомъ.

Вполнѣ устроившись и освоившись съ жизненной обстановкой, я, поддерживая знакомство съ мѣстными китайскими начальствующими лицами, временами посѣщалъ городскія и внѣ города святыни и осматривалъ кое какія другія достопримѣчательности. Попутно съ этимъ восполнялъ пробѣлы по китайскому и монгольскому языкамъ. На первый взглядъ казалось, что, находясь среди ученаго монгольскаго міра, я могъ бы найти знатока роднаго языка, между тѣмъ, это не было такъ легко,—монгольское духовенство только заучиваетъ тибетскій языкъ, изученіе же національной рѣчи для нихъ дѣло совершенно лишнее, достаточно знать разговорный, а не литературный языкъ. Что же касается интеллигенціи, то таковая, по большей части, располагая деньгами, неохотно соглашается на предложеніе быть руководителемъ изученія языка. Такъ или иначе, пригласивъ китайца и взявъ наудачу монгола-ламу, началъ заниматься языками. Признаться сказать правду пробѣлы китайскаго языка восполнилъ, но занятія по монгольски, несмотря на частую перемѣну преподавателей ламъ, какъ недалекихъ по развитію, но сильныхъ поклонниковъ спиртнаго и опикуренія, пришлось временно оставить до болѣе благопріятнаго случая.

Ноябрь 1908 года, Мартъ и Апрель 1909 года. Просиживая изо дня въ день, поджидая съ каждой почтой какое либо денежное извѣщеніе, мало что меня радовало, да и при полномъ безденежьѣ чувствовался во всемъ тормазъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, рѣшился снова посѣтить Калганъ—Пекинъ, авось на сей разъ поѣздка будетъ болѣе удачной. Снова поѣхалъ въ Калганъ и Пекинъ: на обратномъ пути въ Калганъ получилъ свое полугодичное содержаніе и другіе денежные переводы. Проживъ немного въ Калганѣ, закупивъ и заготовивъ все необходимое для дороги, я уже въ компаніи со студентомъ Фрозе, простившись съ калгански-

ми хлѣбосолами и пріятными собесѣдниками, оставилъ Калганъ.

20 Апрѣля. Утро дождливое, погода теплая. Для обратнаго слѣдованія въ Долонноръ было нанято двѣ телѣги, запряженныя каждая двумя лоцзами, (мулы) съ провожатыми—проводниками и условленная плата за двѣ телѣги была 17 ланъ, что составляло около 24 нашихъ рублей. Миновавъ маленькую кумирню, простившись съ провожающими насъ, мы къ вечеру достигли высшей точки извилистаго Калганскаго ущелья и сѣвернѣе кумирни Лао-ф-мяо въ деревнѣ остановились ночевать. Постоялый дворъ мало напоминалъ собою заведеніе этого рода, помѣщеніе для проѣзжающихъ заключалось въ одной фанзѣ, служившей вмѣстѣ съ тѣмъ и кухней гостинницы, крайне грязной и отвратительной. Потребовали кипяченой воды, подкрѣпились мясомъ и сухарями и заснули, какъ убитые. Поутру, прилегающія вершины горъ забѣлѣли—были покрыты выпавшимъ ночью снѣгомъ и въ довершеніе этой непріятности подулъ вѣтеръ. Въ Калганѣ уже показались древесныя почки, а въ 20—25 верстахъ сѣвернѣе признаки зимы! Мой спутникъ, прихватившій на всякій случай мѣховые брюки и куртку, чувствовалъ себя хорошо, я же частенько оглядываясь на Калганъ вспоминалъ о брошенныхъ теплыхъ вещахъ. Поднявшись на переваль чувствовалась настоящая зима,—впереди лежащія горы—покрыты снѣгомъ. Холодный встрѣчный вѣтеръ заставилъ итти пѣшкомъ; но когда спустились съ перевала день замѣтно сталъ теплѣе, а главное уже видѣлась деревня, гдѣ возможно было обогрѣться. Прибыли въ Шабартай и за избыткомъ гостей, остановились въ какомъ то хлѣву, скорѣе убѣжищѣ для овецъ, чѣмъ для пріюта пассажировъ. Наскоро обогрѣли горячей золой помѣщеніе, потребовали чай, подкрѣпились пищей и, накормивши животныхъ, торопились ѣхать дальше, такъ какъ возчики заранѣе назначили опредѣленные мѣста для ночлега. Разставшись съ мѣстомъ отдыха, кратчайшимъ, уже знакомымъ, путемъ на Долонноръ, мы каждый день аккуратно откладывали разстояніе отъ деревни—дневной стоянки до деревни—ночлега вплоть до самаго Долоннора. Благодаря суровымъ климатическимъ условіямъ, на всемъ пути не встрѣтили ни одного живого существа, кромѣ поселянъ, подготовлявшихъ поля для весеннихъ посѣвовъ и торговыхъ обозовъ, направлявшихся въ Монголію.

27 Апрѣля. Прибыли въ Долонноръ и расположились на дворѣ одного моего знакомаго ламы кумирни Шара-сумэ. Вниманіемъ отзывчиваго ламы мнѣ уже была приготовлена особая юрта, но такъ какъ по обстоятельствамъ требовалось еще дополнительное помѣщеніе, то стараніями того же добродушнаго ламы къ утру слѣдующаго дня была разбита и вторая юрта. Предполагая непродолжительное пребываніе

среди привѣтливыхъ ламъ-хозяевъ, мы изо дня въ день готовились въ дальнѣйшій путь, но прежде чѣмъ выступить въ путь ожидали болѣе вѣрныхъ свѣдѣній относительно подножнаго корма въ направленіи вдоль западнаго и восточнаго склоновъ Хингана. Первоначально было предположено выступить въ первыхъ числахъ мая, но неутѣшительныя свѣдѣнія, идущія изъ Монголіи—холодно и корма еще нѣтъ, а въ Долоннорѣ ежедневно дожди,—поѣздку пришлось на время отложить. Наконецъ, наступилъ поворотъ къ лучшему,—послѣ выпавшаго 25—мая послѣдняго снѣга погода установилась и потянулись обозы и караваны во внутрь Монголіи. Мы закончили сборы и были готовы къ выступленію, но возвратившіяся мои лошади, отданныя на выпасъ катаяцу, оказались настолько изнуренными и съ побитыми спинами, что совершать на нихъ новый путь черезъ Хинганъ было крайне рискованно. Въ силу этого неожиданно-негаданно пришлось еще провести нѣсколько сутокъ, пока не достали новыхъ лошадей и къ нимъ верблюдовъ. Разсортировавъ вьюки по верблюдамъ и исправивъ сѣдла для ѣзды придерживаясь указаній мѣстныхъ старожиловъ, имѣвшихъ случай достаточно познакомиться съ условіями путешествія, видоизмѣнявшимися въ зависимости отъ различнаго характера физическихъ качествъ страны, мы приспособили верблюдовъ и въ телѣгу и подъ вьюкъ. Двойное примѣненіе силы верблюда въ телѣгу и подъ верхъ до нѣкоторой степени насъ устраивало, а главное,—наличный составъ людей, уставиши отъ верховой ѣзды, могъ во временамъ ѣхать въ телѣгахъ. Пользуясь такими преимуществами, мы достаточно исправили телѣги и готовились къ отъѣзду. Грустно было разставаться съ насыщеннымъ мѣстечкомъ, гдѣ подчасъ чувствовалось даже хорошо, и къ тому же съумѣли завоевать искреннее и доброжелательное отношеніе мѣстнаго хутухты Гань-чжу-эр-ва.

Прежде чѣмъ оставить городъ Долонноръ не лишнее будетъ подѣлиться наблюденіемъ надъ состояніемъ и жизнью города и прилегающихъ къ нему двухъ кумирень. Я не буду подробно распространяться о городѣ, какъ вообще уже неоднократно и подробно описаннаго путешественниками, скажу лишь, что стихійный наплывъ мирныхъ сыновъ Китая, плотно, осѣдающихъ на Чахарскихъ земляхъ, служить вѣрнымъ показателемъ экономическаго роста города и его значенія на границѣ колонизаціонныхъ поселеній. Городъ Долонноръ, сосредоточивъ у себя разныхъ наименованій мастерскія по изготовленію бурхановъ, войлоковъ, сундуковъ, сѣделъ, сапогъ, одежды и много прочаго для нуждъ монгола, является въ то же время, какъ лежащій на восточной границѣ Чахарскихъ кочевьевъ и вблизи хошуновъ Силиньгольскаго сейма, административно-торговымъ ключемъ сосѣднихъ монголь. Среди правительственныхъ мѣстъ города насчиты-

вается четыре учреждения: Фу-мин-тун-чжи (эр-фу), сюнь-цзянь (дун-сы), цзун-й и сь-тай. Высшимъ органомъ правленія Долоннорскаго округа почитается эр-фу-ямынь, какъ завѣдывающій специально китайскимъ населеніемъ и одновременно является передаточной инстанціей хошуновъ Чахаръ и Силиньгольскаго сейма. Въ первые годы основанія эр-фу-ямыня, поступающія инородческія дѣла разрѣшались китайскими чиновниками совмѣстно съ представителями отъ монголь, нынѣ, искони установившійся порядокъ нѣскольکو нарушенъ—китайскіе чиновники сами безъ участія монголовъ вѣдаютъ катаяскимъ и монгольскимъ населеніемъ, — всѣ монгольскіе представители устранены. Сюнь-цзянь ямынь завѣдываетъ мѣстной тюрьмой, а также задерживаетъ бродягъ и удаляетъ порочный элементъ. Цзун-й-ямынь подчиненъ мѣстный гарнизонъ войскъ; Сь-тай-ямынь, управляя ближайшими знаменными чахарскими войсками и наличностью своихъ китайскихъ войскъ, предупреждаетъ всѣ недоразумѣнія, возникающія внѣ города между китайцами-колонистами и оставшимися туземцами. Для поддержанія порядка въ округѣ, конечно, должны быть войска и таковыми является кавалерія изъ области Сюань-хуа-фу. Войска, обслуживающія нужды округа, частью размѣщены на заколонизированныхъ земляхъ, въ селеніяхъ, лежащихъ при большихъ дорогахъ, но добрая половина расквартирована въ городѣ, въ особо устроенныхъ казармахъ. Конница вооружена: винтовками—5-ти зарядной китайской и японской обр. 1897 года и карабиномъ системы Маузера. Обмундированіе, снаряженіе и пополненіе лошадьми долоннорской конницы отнесено за счетъ правительства; что же касается комплектованія людьми возраста 22—26 лѣтъ, то таковое преимущественно пополняется изъ населенія области Сюань-хуа-фу.

Городъ Долонноръ, сосредоточивая торговые интересы ближайшихъ хошуновъ, обслуживая торговые интересы Халхи и кочевій р. Кэрулонъ по закупкѣ сырья и скота, а также перепродажѣ своихъ товаровъ и издѣлій, является въ то же время единственнымъ пунктомъ по отпуску скота. Цѣны на скотъ: хороший, рослый и молодой верблюдъ 40—50 ланъ, лошадь 15—25 ланъ, быкъ 12—15 ланъ, баранъ 2—3 лана. Перепродажѣ скота, по большинству, занимаются китайцы и немногіе монголы. Кожі и шерсть, особенно овечья, сравнительно небольшими партіями продавались по цѣнѣ: кожы конскія отъ $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ лана, бычьи 1—2 лана, бараньи 1—2 цянъ, шерсть овечья 2—3 лана за пудъ.

По сосѣдству съ торговымъ городомъ на сѣверной его окраинѣ, нѣсколько поодаль, расположено два правительственныхъ монастыря, именуемые западный—Шара-сумэ (т. е. желтый) и восточный Хухэ-сумэ или Синь-хуй-сы и Хуй-чжун-сы. Оба монастыря основаны китайскимъ прави-

тельствомъ ради блага и на общую пользу Чахарь, Халхи, внутренней Монголіи. Монастыри, переживъ много превратностей судьбы со времени своего основанія (свыше 200 лѣтъ тому назадъ), не утратили своего великолѣпія—фронтонъ, карнизы, углы, крыши съ увѣнчанными драконами сохранили свое изящество отдѣлки съ чудной рѣзбой. Не менѣе поражаютъ также своею красотою внутреннія колонны съ рѣзными капителями, парчевыя и атласныя занавѣски и стѣнные фрески художественной работы. Не лишне будетъ сказать, что по богатству отдѣлки украшеній поражаетъ своею красотою монастырь Хухэ-сумэ, что же касается церковной утвари и дорогихъ священныхъ книгъ, то первенство принадлежитъ старшему монастырю Шара-сумэ. По вѣщному виду оба монастыря совершенно одинаковы, по числу гэгэнскихъ кумирень преобладаетъ при Хухэ-сумэ. Каждый монастырь, имѣя въ серединѣ императорскій двухэтажный храмъ, обнесенъ высокою, красивою кирпичною стѣною, представляетъ сочетаніе гэгэнскихъ кумирень, подлѣ которыхъ группируются строенія для духовнаго управленія и жилища ламъ. Во главѣ духовнаго управленія двухъ монастырей стоитъ Чжанчжа хутухта, обыкновенно проживающій въ Пекинѣ; дѣйствительное же управленіе дѣлами монастырей возложено правительствомъ на четырехъ далямъ, которые, по два въ каждомъ монастырѣ, вѣдаютъ духовными и имущественными дѣлами своей обители и причастныхъ къ ней духовниковъ. Богослуженныя требы и чтеніе священныхъ книгъ на благо монголь, оставшихся въ мѣрѣ, возложено на ламъ, командированныхъ каждымъ хошунномъ Монголіи. Штатныя ламы и хувараки преобладаютъ изъ южныхъ хошуновъ, ламъ болѣе далекихъ, западныхъ, хошуновъ очень мало; вообще же въ стѣнахъ монастырей проживаетъ штатныхъ ламъ: въ Шара-сумэ—125 и Хухэ-сумэ—175 человекъ. Кромѣ штатныхъ монастырскихъ ламъ при каждомъ монастырѣ въ собственныхъ кумирняхъ живутъ гэгэны, а именно: при Хухэ-сумэ Бадачжу-цинъ, Ширеть гэгэнъ, Ачжэй гэгэнъ, Намун-ханъ и Ганьчжурь-эрва (нынѣ лишенный званія гэгэна) и при Шара-сумэ—Самса гэгэнъ, Мэндэлъ гэгэнъ, Дан-хурь гэгэнъ и др.

Китайское правительство признаетъ только 8 гэгэновъ, обязанныхъ постоянно жить при Долоннорскихъ монастыряхъ, но среди духовенства число гэгэновъ, расселившихся въ разныхъ мѣстахъ Монголіи, далеко больше—насчитывается до 60 человекъ. Проживающіе при монастыряхъ гэгэны имѣютъ собственныя кумирни, съ частнымъ управленіемъ, а также и свою казну, рогатый скотъ, овецъ, лошадей и шабинаровъ—подданныхъ людей. Болѣе богатымъ среди помянутыхъ гэгэновъ является Гань-чжу-эрва гэгэнъ, располагающій до 20 т. овецъ, 3—4 тысячами лошадей и

нѣсколькими сотнями крупнаго скота и верблюдовъ, у другихъ же гэгэновъ число рогатаго скота исчисляется далеко меньшими цифрами. Штатный, или вѣрнѣе наличный составъ монастырскихъ ламъ, командированныхъ изъ разнообразныхъ мѣстъ Монголіи,—болѣе всего южныхъ хошуновъ, содержится, по искони установившимся правиламъ, попеченіемъ своего хошуннаго правителя. Каждый цзасакъ, посылая въ Долоннорскій монастырь своего духовнаго представителя, обязанъ предоставить ему средства существованія—снабжать ежегоднымъ жалованьемъ, обезпечить необходимую при богослуженіи одеждой и устроить фанзу для жилья. Сумма ассигнованій на содержаніе хошуннаго духовенства различна и колеблется въ зависимости отъ богатства хошуна. Высшій окладъ получаютъ въ годъ: ширеть-лама—настоятель монастыря 120 ланъ, его помощникъ—100, чжен-да-ширеть лама-лацовъ, его помощникъ фуда-нирба, распоряжающійся монастырской казной, печатью и контролирующій монастырское хозяйство—отъ 58 до 35 ланъ, прочіе же ламы низшихъ духовныхъ степеней получаютъ отъ 15 и меньше ланъ въ годъ. Кромѣ жалованья и одежды каждый лама получаетъ натурой отъ своихъ хошуновъ крупу, соль, муку и топливо. Въ общемъ, если присматриваться къ убогимъ ламскимъ жилищамъ, наполовину разрушеннымъ, крайне грязному и изорванному одѣянію и скудному питанію, оказывается, что большинство низшихъ ламъ живетъ впроголодь, прикрывая рубищами свою наготу. Содержаніе монастырской братіи и исправленіе ихъ жилищъ, какъ было сказано, составляетъ обязанность хошуннаго правителя, въ силу чего ежегодно весной отправляются монастырями особые уполномоченные ламы съ цѣлью напомнить хошуннымъ правителямъ о высылкѣ средствъ на содержаніе ихъ духовенства и попутно съ этимъ собрать подаванія отъ мірянъ, но возвращающіеся сборщики зачастую привозятъ ничтожныя суммы, кои и обуслабляютъ жизненныя условія здѣшнихъ ламъ. Въ лучшихъ условіяхъ находятся старшіе монастырскіе ламы и приближенные гэгэновъ, остальной же братіи житье бытѣ не улыбается, при каждодневномъ моленіи и работахъ на пользу своихъ старшихъ—гэгэновъ и ламъ.

21 Іюня. Сегодня рѣшили выѣхать ихъ Долоннора. Утро пасмурное, небо заволочено тучами и срывался мелкій дождикъ. Нашъ путь лежалъ на сѣверъ, въ предѣлы Ихэ-учжумуциньскаго хошуна. Отъ города Долонноръ на сѣверъ до границъ Сииньгольскаго сейма существуетъ нѣсколько дорогъ, но желательно было избрать кратчайшую и наименѣе трудную по обилію песковъ и переваловъ. Я предпочелъ ѣхать по дорогѣ на кумирню Шабартай-сума, гдѣ песковъ, какъ мнѣ уже было извѣстно, гораздо меньше, а къ тому

же желательно было посѣтить, при рѣчкѣ Шань-дьянь-голь Цаганъ обо, гдѣ предполагался народный праздникъ и торжественное богослуженіе при участіи мѣстнаго Ганьчжуэрва гэгэна, удостоившаго меня любезнымъ приглашеніемъ быть его гостемъ.

Простившись съ гор. Долонноромъ мы, поднявшись на горы мягкаго очертанія, преодолѣвъ горный переваль, отдѣляющій Долоннорскую долину отъ долины р. Шань-дьянь-голь, вступили въ рѣчную долину, окаймленную горами, на вершинахъ которыхъ стояли разныхъ наименованій субурганъ. Время клонилось уже къ вечеру, верблюды, не привыкшіе итти въ тѣдѣгахъ, чувствовали усталость, въ виду чего мы, подлѣ заимки монастырскаго шабинара, остановились заночевать. Въ этотъ день, въ видѣ опыта, сдѣлали небольшой переходъ. Мѣстность, гдѣ мы теперь бивуакировали, была та самая, которую я посѣтилъ въ прошломъ году. По сравненію съ тѣмъ временемъ, рѣчная долина мало чѣмъ измѣнилась, развѣ только тѣмъ, что къ предстоящему народному празднику при чтимомъ субурганѣ стянулись монголы со своими стадами.

22 Іюня. Ночью шелъ дождь и къ утру такъ напитала почву, что волей неволей пришлось сдѣлать дневку. Въ виду дождливой погоды, оставаясь въ палаткѣ, заново перешили верблюжьи шлеи, подпружи, сообразуясь съ силой и ходомъ верблюдовъ, разсортировали вещи по подводамъ и тщательно осмотрѣли подводы, такъ какъ предстоящій знакомый путь, въ виду наступающей жары, предполагалось совершать только до восхода солнца и вечеромъ до наступленія темноты. Часовъ около 11 дня прискакалъ посланецъ, который извѣтилъ, что молебствіе и народное празднество отложены до болѣе благоприятной погоды и гэгэнь, возвращаясь къ себѣ домой, выразилъ желаніе захватить ко мнѣ въ гости. Наскоро очистили палатку, устроили сидѣнья и приготовили лакомства. Спустя короткое время приблизился гость, котораго мы подабающе встрѣтили и просили войти въ палатку. Жизнерадостный гэгэнь, пользующійся уваженіемъ не только среди мѣстныхъ монголъ, но и забайкальскихъ бурятовъ, лихо слѣзъ съ лошади и вошелъ въ палатку. Занявъ приготовленное сидѣнье, гэгэнь, расспрашивая относительно моего пробнаго движенія на приобретенныхъ у него же верблюдахъ, выразилъ желаніе, если возможно, его фотографировать. Желаніе гэгэна, несмотря на самыя неблагоприятныя условія фотографированія, было выполнено и даже группою совместно съ его приближенными ламами. По окончаніи сеанса, гэгэнь, ниспославъ благословеніе на моихъ проводниковъ (бурята и монгола), выразилъ сожалѣніе, что не можетъ долго оставаться въ гостяхъ, т. к. долженъ до наступленія ночи быть дома; охотно соглашаясь съ жела-

ніемъ гэгэна гостя, мы, выражая надежду когда либо снова встрѣтятся, пожали другъ другу крѣпко руки и простились. Сегодняшній прощальный визитъ гэгэна и раньше внимательное и лобезное его къ намъ отношеніе съ желаніемъ завязать торговые сношенія только съ русскими, не оставляютъ желать ничего лучшаго—гэгэнь на нашей сторонѣ.

23 Іюня. Подвигаясь весьма тихо, чтобы не изнурить еще мало связанныхъ верблюдовъ, мы употребили пять сутокъ на переходъ до рѣки Хуй-туянь-голь. Среди однообразно протекавшихъ дней, большимъ праздникомъ для насъ былъ переѣздъ песчаной полосы. Мѣстность по всему пути была отвратительная: сплошные пески, ежеминутные дожди и дорога, извиваясь по песчанымъ уваламъ, не рѣдко терялась. Жителей по пути встрѣчалось мало,—все откочевали въ лучшія пастбищныя мѣста. Совершая движеніе безъ проводника, единственный разъ предприняли ночной маршъ, но достигнутые результаты: сломали телѣгу, потеряли запасныя колесныя чеки, порвали веревки, изнурили верблюдовъ, часто отказывавшихся тащить телѣги съ прилипшими къ ихъ колесамъ тяжелыми кусками грязи и проч., убѣдили, что ночь лучше пусть будетъ для отдыха, а день для работы.

27 Іюня. Послѣ обѣденнаго часа установилась довольно хорошая погода; мы, перейдя черезъ рѣку Хуй-тун-голь, къ вечеру подтянулись къ Хан-Ула-обо, гдѣ, схвативъ поодаль отъ дороги, заночевали. Общій характеръ мѣстности тотъ же, что и прежде, но прилегающія пусынные пространства земель хошуна Абага, представляли теперь чудныя пастбищныя мѣста, богатая степной растительностью.

29 Іюня. Шли по степи, изрѣдка пересѣкаемой небольшими увалами и настрѣчу попадались китайскіе соляные обозы; по сторонамъ же дороги не было видно ни табуновъ лошадей, ни монгольскихъ стадъ рогатаго скота и овецъ. Сдѣлавъ полдникъ у колодца Вандита, къ вечеру подошли къ рѣкѣ Силинь-голь, гдѣ достаточно отдохнувъ, сварили пищу и на закатѣ солнца потянулись дальше въ сѣверо-восточномъ направленіи. Переходъ небольшою, дорога лежала по кочковатой долинкѣ, мѣстами съ небольшими озерами прѣсной воды. Растительность замѣтно ухудшилась,—почва съ примѣсю мелкой гальки.

30 Іюня. Рано утромъ, заночевавъ при колодцѣ Инта-худукъ, мы поднялись прежнимъ путемъ къ колодцу Модонъ-Худукъ. Лишь только мы тронулись съ мѣста, лужи отъ недавняго дождя замѣчались чуть ли не на каждомъ шагу, дорога, сплошь залитая водою, сильно затрудняла наше движеніе. Верблюды безпрестанно спотыкались, падали и вязли въ грязи. Приходилось часто останавливаться, давая

отдохнуть верблюдамъ. Наконецъ, совершенно выбившись изъ силъ, не достигнувъ назначеннаго мѣста для ночлега, мы остановились ночевать среди степи. Здѣсь, удовольствовавшись скромнымъ ужиномъ (намокшій аргаль вовсе не горѣлъ), провели ночь, поочередно принимая мѣры охраненія. Окрестности гористы, ближайшія горы не высоки, луговые скаты и долины богаты подножнымъ кормомъ.

1 Юля. Утро тихое. Напившись чаю возобновили путь. Переходъ состоялъ въ подъемахъ и спускахъ черезъ отроги горной цѣпи, тянувшейся съ сѣверо-востока на юго-западъ, закрывавшей впереди лежащее пространство, между тѣмъ противоположная сторона дороги была совершенно открыта и только изрѣдка нарушалось ея однообразие небольшими прилегающими увалами. Оставивъ за собой крутой переваль, мы спустились къ колодцу Модон-худукъ, гдѣ отдохнули и, набравъ воды, поѣхали дальше. Весь день, какъ и раньше, несмотря на отличныя пастбища, кочевниковъ не было и звѣрей встрѣчали сравнительно мало; къ вечеру догнали купца-китайца и, сдѣлавъ совместно съ нимъ нѣсколько верстъ пути, расположились на ночлегъ въ 5-ти верстахъ отъ кумирни Хотет-ван-сумэ. Наступившая ночь была облачная и темная и прошла въ тревогѣ,—стаи волковъ бродили въ нѣсколькихъ шагахъ, подымая свой заунывный вой. Особенно не тревожились, бродячіе и къ тому же голодные, волки послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ исчезли.

2 Юля. Рано утромъ оставили мѣсто ночлега и черезъ четыре часа ѣзды достигли кумирни Хотет-ван-сумэ, гдѣ, въ силу сложившихся обстоятельствъ, предполагалась нѣкоторая задержка. Какъ ни хороши сами по себѣ европейскія телѣги, однако, неуклюжія мѣстныя повозки съ деревянными колесными ободами, несомнѣнно, удобнѣе для движенія по пескамъ, хотя мало практичны для горныхъ дорогъ. Все же надлежало замѣнить телѣги на болѣе легкія. Далѣе, въ тихую погоду по пескамъ и въ дождливую по грязи, возможно двигаться маломальски ускореннымъ маршемъ,—животныя сильно изнуряются одной тяжестью телѣги съ массивными колесами, не говоря уже о грузѣ. Подѣхали къ кумирнѣ Хотет-ван-сумэ, я направился къ китайскимъ торговымъ палаткамъ, гдѣ, рассчитывая на излишекъ телѣгъ, предполагалъ купить или смѣнять свои телѣги на другія. Перемяна телѣгъ разрѣшилась скоро—я свои телѣги обмѣнялъ, доплативъ еще семь ланъ серебра.

3 Юля. Рано утромъ, простившись съ китайцами-купцами, я на новыхъ телѣгахъ возобновилъ дальнѣйшее движеніе къ ставкѣ князя Ихэ-Учжу-муцинь. Общее сѣверо-восточное направленіе нашего пути нѣсколько склонялось къ востоку; ближайшія горы съ юга по прежнему тянулись

непрерывной цѣпью и разстояніе до этихъ горъ сократилось; сѣверная и сѣверо-западная стороны дороги отмѣчались песчаными грядами. Пробирался изъ долины въ долину, мы къ вечеру достигли княжеской ставки и подлѣ юртъ, разбросанныхъ къ сѣверу отъ ставки, остановились.

4 Юля. Во время стоянки при княжеской ставкѣ, я, собравъ свѣдѣнія о дорогахъ, ведущихъ на восточный склонъ Б. Хингана, въ направленіи къ гор. Тао-нань-фу (по монг. Шига-цаа-гай-модонъ), но разспросивъ данныя о дорогахъ ограничились предѣлами одного только хошуна, а не далѣе, почему мы рѣшили заручиться хошуннымъ проводникомъ. Около полудня я отправился въ хошунный ямынь, гдѣ встрѣтилъ прошлогоднихъ знакомыхъ чиновниковъ, которые не замедлили назначить мнѣ проводника до границы Аро-Хорчинскаго хошуна. Обеспечивъ себя надежнымъ проводникомъ, я поинтересовался дома ли князь, но вѣрные чиновники, однако, не дали положительнаго отвѣта: одни говорили, что князь боленъ, другіе, наоборотъ—уѣхалъ въ гости. Установить истину того или иного отвѣта было совершенно невозможно, тѣмъ не менѣе я, покидая княжескую ставку, оставилъ свою визитную карточку, которую и просилъ передать князю.

Простившись съ ямыньскими чиновниками, я на обратномъ пути къ своему бивуаку посѣтилъ нѣсколько торговыхъ палатокъ, гдѣ въ короткой бесѣдѣ съ купцами переписалъ названія фирмъ и главныя статьи сбываемыхъ товаровъ и приобретаемаго сырья. Умѣстно отмѣтить, что здѣшніе—калганскіе и долоннорскіе, купцы поставляютъ для населенія все необходимое и приобретаютъ особенно скотъ, лошадей, сырье, грибы и прочее. Возвратившись къ своему стойбищу, предполагая рано по утру оставить мѣсто стоянки, мы съ закатомъ солнца легли спать.

5 Юля. Рано по утру мы были уже на ногахъ, позавтракали и поджидали проводника. Съ восходомъ солнца прибылъ проводникъ, запрягли верблюдовъ и выступили по дорогѣ на Улан-ха-на га-сумэ. Дорога въ восточномъ направленіи, извиваясь между песчаными холмами и вывѣтренными мѣстами, приближалась къ цѣпи горъ, подходившихъ съ юга. Оставивъ за собою княжескую ставку, мы перешли небольшую рѣчку Барасатай-голь, верховья которой составляютъ ключи Булугуръ и Галагуръ-голы. Рѣка Барасатай-голь, имѣя ничтожную глубину, несетъ свои воды въ сѣверо-западномъ направленіи, гдѣ и составляетъ притокъ р. Хараусу-голь. Выйдя изъ долины, мы, поднявшись и спустившись съ двухъ ничтожныхъ переваловъ, вдаль замѣтили кумирню и, какъ объяснилъ проводникъ, это и была Улан-Халага. Прилегающая по сторонамъ пройденнаго пути холмистая и мѣстами песчаная мѣстность, хотя и бы-

ла и небогата степной растительностью, однако часто попадались монгольскія юрты, возлѣ которыхъ выпасывались порядочныя стада скота. На время полдника мы остановились подлѣ кумирни у недавно отстроеннаго обо съ четырьмя сквозными проѣздами. Обо, представляя кирпичное сооруженіе, имѣетъ очистительное значеніе, благодаря чему каждый мірянинъ, пріѣзжая въ кумирню и уѣзжая отъ нея, обязанъ войти и выйти черезъ строго опредѣленные входы и выходы, въ противномъ случаѣ можетъ навлечь на себя несчастье. Надъ каждымъ входомъ обо имѣются надписи: на югѣ—цо-фу-вэй-сянь, на западѣ—сянь-сы-гуань-тоу, на сѣверѣ—нянь-фо-фу-и (по произношеніи этого имени всѣ грѣхи прощаются и человекъ по смерти перерождается въ блаженство рая) и на востокѣ—жень-тянь-лу-шан и надъ этой надписью, въ металлическомъ киотѣ подъ стекломъ, въ нишѣ, вставлено изображеніе нынѣшняго Далай-Ламы. Халга-сумэ довольно большой и хорошо устроенный монастырь. Обитель расположена на склонѣ невысокихъ песчаныхъ холмовъ, спускающихся въ обширную пустынного характера долину. Главные храмы кумирни представляютъ собою красивыя зданія китайской архитектуры съ высокими крышами, съ многочисленными деревянными колоннами, поддерживающими второй этажъ и украшенными рѣзными капителями. Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ особенностей, хранящихся въ одномъ изъ храмовъ, которыхъ я не успѣлъ осмотрѣть за недостаткомъ времени, принадлежатъ изображеніе Далай-ламы, затѣмъ модель буддійскаго монастыря, а также множество другихъ бурхановъ, стѣнныхъ картинъ и занавѣсокъ тонкой художественной работы, поражавшихъ своимъ великолѣпіемъ. Ламы и монахи численностью свыше 300 чел. живутъ въ фанзахъ, приспособленныхъ для зимы. Заботами Бакши гэгэна, проживающаго при кумирнѣ, устроена школа, гдѣ монастырское духовенство и подрастающее поколѣніе пріобрѣтаютъ всѣ необходимыя для нихъ знанія, начиная съ азбуки тибетскаго языка и кончая богослужебными требамы. Вновь отстроенная школа поражаетъ своимъ богатствомъ живописи и обращаетъ вниманіе количествомъ молитвенныхъ цилиндровъ, которые учениками при входѣ и выходѣ изъ школы приводятся въ движеніе. Преподавательскій персоналъ для школы пополняется мѣстными учеными, имѣвшими случай изучить тибетскій языкъ и догматы религіи въ одномъ изъ монастырей Гумбуна въ Тибетѣ. Благостояніе Халга-сумэ поддерживается приношеніями прихожанъ и собственнымъ хозяйствомъ. Возлѣ кумирни отдѣльными палатками устроились китайцы-купцы, которые скупаютъ кожи, шерсть, скотъ, а въ свою очередь продаютъ: священный хлѣбъ, просо, кирпичный чай, водку, разныя матеріи и прочія вещи, преимущественно американскаго и нѣ-

медкаго производства. Предметы довольствія, домашняго и религіознаго обихода доставляются изъ гор. Цзинь-пинь и Чи-фынь, которые являются ближайшими торговыми пунктами.

Возвратившись домой, я засталъ у себя, прибывшаго изъ ставки князя Ила Учжумуцинъ, чиновника, который по приказанію князя передалъ моему проводнику, чтобы на пути моего слѣдованія черезъ его территорію во всемъ и ведѣ содѣйствовать моему успѣшному и безопасному проѣзду. Чиновникъ добавилъ, что князь крайне сожалѣетъ, что, по долгу службы, не имѣлъ возможности видѣться со мной. Разставаясь съ чиновникомъ, я въ свою очередь письменно выразилъ князю свое сожалѣніе, что, въ силу сложившихся обстоятельствъ, лишень чести и удовольствія лично засвидѣтельствовать свою безграничную благодарность за оказанную по отношенію къ намъ заботливость. Время уже склонялось къ обѣденной порѣ, мы, простившись съ собравшимися монахами, оставили кумирню и поѣхали дагыне, имѣя направленіе прямо на востокъ. Отѣхавъ немного отъ своего утренняго привала, мы переѣхали ручеекъ, извиравшійся въ широкой песчаной долинѣ, окаймленной съ востока и запада горными грядами, затѣмъ, поднявшись на перъ валь, начали спускаться и подыматься черезъ такіе же, но значительно меньше, горные увалы, пока не достигли перевала Улапъ Бороджинъ, который и послужилъ мѣстомъ ночлега. Характеръ мѣстности, постепенно приближаясь къ Хинганскимъ горамъ, становился гористъ; степная растительность указывала на зажиточность и многочисленность кочевьевъ, вокругъ которыхъ выпасывались стада преимущественно крупнаго скота. На пройденномъ сегодня пути стъ кумирни Халагасумэ часто встрѣчались китайскіе обозы, шедшіе на западъ съ просомъ (буда), чаемъ, табакомъ или къ югу и востоку съ солью, сыръемъ и другими грузами, направлявшимися по торговымъ дорогамъ изъ Харбина и Таонань-фу въ гор. Долонноръ и Хайларъ.

6 Июля. Ночью шелъ дождь. Рано утромъ, оставивъ мѣсто ночлега, мы съ перевала на переваль, подошли къ узкой долинѣ, среди которой на вершинѣ отдѣльной горы красовалось Ундур-цаганъ-обо, подлѣ котораго были юрты. Подошли къ юртамъ, которые, какъ оказалось, представляютъ стойбище нашего проводника, который просилъ насъ остановиться здѣсь для полдника. Сжатая горами долина представляетъ узелъ дорогъ, расходящихся на востокъ къ Цицкару, на югъ въ Хошунъ-Баринъ и на сѣверо-западъ къ Хайлару и Ганьчжуръ сумэ. Во время полдника проводникъ предложилъ отвѣдать его угощеніе. Предложеніе было принято и мы отправились въ юрту проводника. Когда усѣлись, вошла сестра проводника, двѣнца-монахиня, (женщины, пострига-

ющія себя въ монахини, имѣють бригаы головы), пріѣхавшая въ отпускъ изъ Халага сумэ, принесла немного коровьяго молока и нѣсколько кусковъ овечьяго сыра. Послѣ чаепитія я попросилъ разрѣшенія выкурить папиросу, но прежде чѣмъ я закурилъ ее, братъ хозяина юрты тоже лама вынесъ изъ юрты одного бурхана, въ чьемъ присутствіи якобы не разрѣшается курить папиросы, нюхать же табакъ и выкуривать одна за другою трубки допускается. Внутренность юрты съ хорошенькимъ жертвеннымъ столикомъ, на которомъ лежало нѣсколько томовъ священныхъ книгъ, а также стояло два колокольчика и жертвенныя чашки, и внутренняя обстановка поражали своимъ изяществомъ и богатствомъ. Простившись съ любезными хозяевами и обмѣнявшись недорогими подарками, мы возобновили путь, который съ первыхъ шаговъ движенія уклонился отъ первоначальнаго восточнаго направленія на югъ. Дорога пролегла, какъ и прежде, то по гористой, то ровной степи съ рѣдкими кочевьями монголь, пока не дошли до долины, имѣвшей направленіе на востокъ, гдѣ при озерахъ прѣсной воды ютились немало туземцевъ со своими стадами. Къ вечеру достигли рѣки Хара-усу-голь, которая, извиваясь змѣйкой, несла свои воды къ сѣверо-западу, въ узкое горное ущелье. Прежде чѣмъ подѣхать къ юртамъ, замѣтивъ подлѣ дороги два—три выводка дрофъ, мой спутникъ Фрозе схватилъ берданку и первымъ выстрѣломъ, наугадъ, показалъ, что птицы еще недостаточно оперились; видя это, оставивъ подводы, мы послѣ нѣкоторыхъ усилій поймали три молодыхъ дрофы. Удачная охота, какъ оказалось, едва-ли могла вознаградить потерю: Фрозе, желая освободиться отъ лишней ноши, свое ружье положилъ въ высокую траву, благодаря чему мы немало побродили по однообразному полю, пока случайно не наткнулись на безмолвно лежащую берданку.

7 Юля. Переночевавъ на правомъ берегу рѣки Хара-усу-голь, мы, съ восходомъ солнца, поѣхали дальше. Широкая долина, окаймленная съ юга и сѣвера переплетавшимися горными цѣпями то суживалась, то расширялась. Чѣмъ ближе приближались къ главному хребту Хингана, кажущіяся издалика величественныя горы мельчали и гористый характеръ мѣстности расплывался, представляя собою одно лишь беспорядочное нагроможденіе, перепутанное безчисленными горными кряжами, на которыхъ изрѣдка видѣлись контуры vzdымающихся къ небу вершинъ. Пообѣдавъ среди поля, мы возобновили путь къ долинѣ, разграничивающей владѣнія Ихэ-Учжумуцннъ съ Аро-Хорчиномъ, Чжаоудаскаго сейма. Пройдя нѣсколько верстъ по зеленой долинѣ, мѣстами съ монгольскими кочевьями, мы, переѣхавъ рѣчку Ин-цзанъ-голь, вскарабкались на переваль Уля-суту-даба. Переваль Уля-суту-даба удобопроходимъ, —подъемы

не требуют припряжки, а спуски тормазы. Спустившись съ перевала мы вошли въ новую долину, уже имѣвшую поперечное направление съ сѣвера на югъ; въ широкой долинь, закрытой съ востока и запада горами, всюду группировались постоянныя монгольскія стойбища, вокругъ которыхъ бродили стадами рогатый скотъ, овцы и табуны лошадей. Пограничныя монголы, судя по величинѣ стадъ рогатаго скота и лошадей, а равно внутренней юртовой обстановки, были болѣе зажиточны, чѣмъ ихъ сотоварищи Учжу-муцынь-цы, обитающіе на противоположной окраинѣ хошуна.

28 Іюля. Покинувъ мѣсто ночлега при рѣкѣ Бурхантуголь, мы втянулись въ богатую долину, сжатую съ востока и запада горными отрогами, гдѣ при обилии растительности и присутствіи небольшихъ участковъ, поросшихъ мелкимъ лѣсомъ, группами, на подобіе деревень, обитали кочевники. Черезъ нѣсколько часовъ движенія мы достигли пограничнаго караула, подлѣ котораго остановились позавтракать и заколотъ барана на предстоящіе дни горнаго путешествія. Какъ только выпрягли верблюдовъ, старательный проводникъ, ранѣе усакававшій въ караульный ямынь, уже привезъ откормленнаго барана, а также распорядился доставить топливо и воду. Въ то время какъ стряпали пищу, къ нашей стоянкѣ подошелъ прилично одѣтый лама хошуна Бо-ванъ—Чжеримскаго сейма, который, какъ выяснилось, направлялся въ Тибетъ съ цѣлью заняться тамъ изученіемъ священной литературы. Словоохотливый лама, между прочимъ, сообщилъ, что китайцы въ районѣ гор. Ляоянъ-во-пынь и Чжензя-тунь, западнѣе города Куан-чен-цзы, два года тому назадъ колонизировали лучшія свободныя монгольскія земли; туземное населеніе, за сокращеніемъ пастбищныхъ мѣстъ, сгруппировалось въ ближайшихъ горахъ восточнаго склона предгорій Б. Хингана. Кромѣ колонизаціи въ тѣхъ же мѣстахъ наблюдались случаи, что японцы группами въ 2—3 человекъ, подъ предлогомъ бесплатнаго врачеванія монгольскаго населенія, пробираются съ проводниками—монголами хошуна Туметъ, Чжасотукскаго сейма, для производства инструментальной съемки земель 3 восточныхъ сеймовъ—Чжеримъ, Чжауда и Чжасоту. Японцы-топографы, одѣтые въ монгольскіе костюмы, имѣя сбритые усы, помимо прямого своего назначенія, также собираютъ свѣдѣнія относительно богатства страны, наличности и удобства горныхъ проходовъ черезъ Хинганъ на западныя его предгорія. Японскіе топографы, разбросанныя для самостоятельныхъ работъ по всѣмъ восточнымъ сеймамъ, должны къ осени 1909 года собраться въ гор. Долонноръ, при одной изъ восточныхъ кумирень. Не знаю насколько правдоподобно сообщенное ламоу свѣдѣніе, считаю нужнымъ отмѣтить, что въ гор. Долонноръ дѣйствительно при кумирнѣ одного гѣ-

гэна, расположеннаго къ японцамъ, отведено подворье, куда японцы, отирающіеся въ Монголію или возвращающіеся изъ нея обратно черезъ Долонноръ, считаютъ долгомъ захватить и прожить нѣсколько дней. Въ бытность мою въ гор. Долонноръ не разъ былъ свидѣтелемъ пріема прибывшихъ или уѣзжавшихъ изъ кумирни японцевъ. Простившись съ ламой, я къ вечеру того же дня переѣхалъ черезъ хошунную границу и не болѣе какъ въ 2—3 верстахъ отъ мѣста полдня остановился на ночлегъ при Аро-Хорчинскомъ пограничномъ караулѣ. Первое знакомство съ населеніемъ Чжаудосскаго сейма произвело пріятное впечатлѣніе: жители воспитаннѣе, богаче, любятъ спать не на землѣ, какъ то приходилось наблюдать въ Силиньгольскомъ сеймѣ и отчасти Халхѣ, а на особо устроенныхъ деревянныхъ нарахъ, далеко чистоплотнѣе, скромно себя держатъ, гостепримны, но склонны къ спиртнымъ напиткамъ.

9 Юля. Раю утромъ, заручившись проводникомъ до слѣдующей княжеской ставки, начали подыматься по каменной дорогѣ, суженой горами, на Малахай-даба. Склоны прилегающихъ горъ были покрыты мелкой лѣсной растительностью. Вскрабавшись на перевалъ, на верхней его точкѣ нашли устроенное изъ груды камней обо съ воткнутыми въ него разными деревянными доспѣхами—сѣкирами, ножами, саблями, тутъ же валялись мелкія монеты, бараньи лопатки, головы и прочее. Полюбовавшись причудливыми горами, представляющими собою по формѣ, на болѣе отдаленномъ горизонтѣ, отдѣльныя вершины, утопающія въ небесномъ сводѣ, мы начали спускаться съ перевала по каменной тропинкѣ, заросшей мелкимъ кустарникомъ, пока не вошли въ расширяющуюся и понижающуюся долину. Долина рѣки Тонтагай-голь густо населена богатыми скотоводами. Послѣ обѣденной остановки, брошенные на произволъ судьбы (проводникъ, захватъ по пути въ свои знакомыя кочевья, вѣроятно счесть нужнымъ возвратиться домой), мы, достигнувъ развѣтвленія дорогъ, измѣнили свое направленіе на югъ и вошли въ побочную возвышенную долину. Перейдя перевалъ, мы втянулись въ узкое ущелье съ мелкимъ кустарникомъ березы и дуба. Ущелье во многихъ мѣстахъ шириною не болѣе 150—200 сажень. Спускаясь внизъ по ущелью, долина постепенно расширялась, стали попадаться зимнія плетневые сѣйбища и мѣстами пашни, засеянные просомъ и гречихой.—Поля, вѣрнѣе небольшія ленточки, воздѣланы весьма грубо съ помощью китайскаго плуга. Посѣвъ производится не грядками, какъ у китайцевъ, а вразсыпную, при чемъ бороненія не производится. Пашутъ исключительно на волахъ, запрягая ихъ въ плугъ не парами одна за другою, а въ одинъ рядъ 4—5 штукъ. Изъ культивируемыхъ хлѣбныхъ злаковъ монголы

воздѣлываютъ особенно крупное красное просо, которое идетъ въ пищу, а солома его представляетъ отличный кормъ для скота. Пробныя шаги монгола-земледѣльца по обработкѣ поля при тѣхъ условіяхъ природы, въ какія поставленъ молодой земледѣлецъ при отсутствіи усовершенствованныхъ орудій, крайне тяжелы, тѣмъ не менѣе нѣкоторые монголы уже обогащаются сборами урожая и излишекъ направляютъ въ другія мѣста Монголіи, особенно Учжумуцинъ, для обмѣна на соль. Стали встрѣчаться камышевыя юрты, которыя, имѣя деревянный остовъ, были того же устройства, какъ, и войлочные, только наружныя стѣны и верхъ ихъ вмѣсто войлока были обтянуты и покрыты связанными стеблями камыша. Замѣчается степень перехода къ осѣдлости. Двигались внизъ по ущелью, бока котораго оголенными отвѣсными скалами, то суживали, то расширяли долину, пока не доѣхали до ключа, пробивающаго себѣ дорогу на серединѣ дна ущелья. Ручей прѣсной воды, во многихъ мѣстахъ изсякаетъ и по сырмъ и кочковатымъ его берегамъ растетъ высокая трава. Ручей есть начало рѣки Ихирин-голь, составляющей притокъ р. Хачирь.

10 іюля. Заночевавъ у ручья, мы поутру поѣхали дальше по ущелью. Долина, сдѣлавъ нѣсколько зигзаговъ къ сѣверу и на югъ, расширилась; горы, вмѣсто кустарника, покрылись зеленою. Вдоль ручья чаще стали попадаться пустыя стойбища, очевидно, населеніе здѣсь бываетъ только зимою. На полдникъ мы остановились немного восточнѣе хорошо устроенной кумирни Хобчин-лама-суме. Закончивъ завтракъ и достаточно накормивъ верблюдовъ и лошадей, мы пошли дальше. Ниже по долинѣ, послѣ того, какъ мы вышли на прямую дорогу къ кумирнѣ Хан-табун-суме, перестали попадаться пашни, за то часто встрѣчались пустыя зимовки, заросшія травою. Расширеніе долины обуславливается тѣмъ, что здѣсь съ нею соединяется другая долина, идущая съ запада. Въ широкой долинѣ стали группами встрѣчаться монгольскія юрты, надъ которыми подымались мягкаго очертанія, безъ острыхъ вершинъ, горы. По мѣрѣ того какъ мы спускались внизъ по долинѣ, оставляя по сторонамъ дороги юрты и китайскія лавки, степной характеръ мѣстности измѣнялся—густой и сочной травы уже не было, за исключеніемъ небольшихъ травянистыхъ пространствъ, подлѣ небольшого ручейка, впадающаго въ ближайшую рѣчку. У наибольшаго расширенія долины, не доѣзжая Цаган-обо, мы переѣхавъ черезъ рѣчку Хачирь-голь, вступили въ широкую долину, по дну которой, на горизонтальной плоскости, извивалась по пескамъ дорога. При приближеніи къ кумирнѣ, вдоль дороги, на протяженіи почти четырехъ верствъ, на лѣвомъ берегу рѣки, ближе къ горамъ, въ одну линію выстроились, какъ одна, чистенькія камышевыя юрты. Изъ дальнѣй-

щихъ разспросовъ выяснилось, что сосредоточеніе туземныхъ юрть, скопившихся со своими стадами, на довольно незначительной площади степной растительности вызвано народнымъ праздникомъ при мѣстномъ хошунномъ монастырѣ. Черезъ нѣсколько верстѣ движенія я достигъ монастыря, состоящаго изъ нѣсколькихъ храмовъ и жилыхъ ламскихъ построекъ, расположенныхъ на склонѣ пологихъ песчаныхъ холмовъ, гдѣ подлѣ фанзѣ сойбуна, завѣдывающаго имуществомъ мѣстнаго хубилгана, и остановился.

11 Іюля. Ночью дождь. Весь день то и дѣло подтягивались къ монастырю ламы и хуvaraки отъ всѣхъ 20 хошунныхъ кумирень, а также и міряне, жаждавшіе посмотрѣть на цамъ. Каждая ламская группа особнякомъ ставила себѣ палатку и на глазахъ своихъ собратьевъ щеголяла изяществомъ и богатствомъ своихъ одеждъ. Къ вечеру, поставивъ свою палатку прямо противъ южнаго фасада монастыря, я отправился издали осмотрѣть монастырскія достопримѣчательности, но встрѣтивъ по дорогѣ ламу, узнавъ, что только съ позволенія мѣстнаго хубилгана возможно знакомиться съ внутренней обстановкой духовной обители. Послѣ неудачной попытки осмотрѣть монастырь, я вернулся домой, напился чаю, поужиналъ и легъ спать въ ожиданіи слѣдующаго дня.

12 Іюля. Съ ранняго утра до заката солнца монахи группами направлялись на поклоненіе гэгэну: женщины-монахини отсчитывали шаги вокругъ монастыря, держа въ рукахъ молитвенныя колеса или четки, а празднопатающаяся молодежь и бездѣльники хуvaraки, ежеминутно окружали мою палатку. Болѣе степенно держали себя ламы; хуvaraки за свое назойливое любопытство часто получали кнутъ или палку, что заставляло непрощенныхъ посѣтителей держаться дальше.

13 іюля. Рано поутру при главномъ храмѣ затрубили въ раковины и длинные, поставленные на маленькихъ колесахъ, трубы. Даннымъ сигналомъ съѣхавшіеся ламы и ихъ хуvaraки приглашались на всеобщее богослуженіе. Часа черезъ два обычное утреннее богослуженіе закончилось и духовенство разбрелось по своимъ фанзамъ и палаткамъ. Около 10 часовъ утра, я рѣшилъ познакомиться съ мѣстнымъ хубилганомъ. Прежде чѣмъ побывать у хутухты, необходимо было соблюсти установленный этикетъ—послать визитную карточку съ вопросомъ можетъ ли онъ принять. Какъ только моя карточка попала по назначенію, приближенный гэгэна лама, разспросивъ меня подробно зачѣмъ явился нежданный гость, просилъ меня немного обождать въ пріемной комнатѣ; видимо въ промежутокъ времени моего ожиданія святигель подготовился къ пріему гостя. Очевидно такъ и было—минуть черезъ 8—10 я удостоился приглашенія и отправился къ гэгэну въ сопровожденіи трехъ близкихъ ему ламъ. Вой-

дя во внутреніе покои, богато убранные шелковыми лентами и картинамъ съ изображеніемъ святыхъ, я увидѣлъ на западной сторонѣ комнаты гэгэна, сидящаго на канѣ подлѣ маленькаго столика. Когда я приблизился къ гэгэну, владыка подаль мнѣ руку и просилъ меня присѣсть къ столику, занявъ свободное мѣсто по лѣвую его сторону. Въ краткой бесѣдѣ хутухта коснулся моихъ знакомыхъ среди монгольскихъ гэгэновъ, а далѣе, за чаемъ съ сушеными плодами, спросилъ не привезъ ли я какихъ-либо интересныхъ русскихъ товаровъ и что именно. Послѣ того, какъ любознательность хубилгана была удовлетворена, я, попросивъ разрѣшеніе осмотрѣть монастырь, готовился было проститься съ гэгэномъ, но послѣдній задержалъ и на память вручилъ мнѣ священный хадакъ и кусокъ коричневаго тибетскаго сукна, на что я въ свою очередь подарилъ хубилгану карманные часы съ боемъ. Поднесенный подарокъ, видимо понравился гэгэну, я снова присѣлъ къ столу и познакомилъ гэгэна съ образцами и цѣной русскихъ суконъ и проч. Это былъ болѣе оффиціальныи пріемъ. Въ дни же моего пребыванія въ городѣ Долоннорѣ и во времена посѣщенія такого столь же глубоко чтимаго, если не больше, гэгэна Ганьчжу—эрва, мое знакомство съ нимъ съ первыхъ дней перешло на болѣе короткую ногу,— владыка принималъ меня въ своемъ рабочемъ кабинетѣ и послѣ угощенія знакомилъ меня со всей своей домашней обстановкой, кончая экипажами, сбруей, лошадьми и проч. его личнымъ достояніемъ. Въ послѣдующіе дни я являлся запросто, заставая часто хубилгана за работой по исправленію упряжи, сѣдла или прогонки сѣнокосной косы, и съ моимъ приходомъ хубилганъ прекращалъ свое занятіе и мы, удалившись подальше отъ благочистивыхъ его почитателей, часто прохладжались чаемъ. Нѣсколько иначе представился Цаганъ гэгэну кумирни Хан-табунъ сумэ мой спутникъ, который, войдя въ комнату гэгэна, на колѣняхъ ползъ къ сидѣнію хубилгана и когда приблизился, то святитель ниспослалъ ему благословіе прикосновеніемъ къ его головѣ священной книги. Удостоившись благословія поклонникъ тѣмъ же способомъ, не оборачиваясь къ гэгэну, задомъ, попытился назадъ до дверей, гдѣ и было разрѣшено ему встать въ полусогнутой позѣ и благоговѣнно смотрѣть на святителя. Вторично простившись съ гэгэномъ, я въ сопровожденіи его слуги возвратился домой. Наскоро подкрѣпившись пищей, я отправился въ храмъ, такъ какъ благовѣсть въ мѣдный тазъ, затѣмъ игра въ раковины, малыя и большія мѣдныя трубы уже закончилась и ламы, спѣшили на торжественное богослуженіе. Ламскіе костюмы: на тѣло надѣвается желтая безрукавная кофта съ продольными красными полосами и широкими воротникомъ; поверхъ этой нижней одежды грудь окаймляется длинной узкой лентой, а поясомъ, охватывающимъ не менѣе

трехъ разъ всю талию, стягивается нижняя одежда. Поверхъ нижняго костюма надѣвается только черезъ лѣвое плечо тяжелое суконное коричневаго или желтаго цвѣта покрывало (на подобіе плаща) съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, на спинѣ этого костюма пришивается изъ цвѣтныхъ квадратиковъ, шириною въ четверть аршина, лента, свободно спускающаяся до земли. Головнымъ уборомъ является суконная лодкообразная шапка съ киверомъ на подобіе пѣтушинаго гребешка. Такимъ образомъ, разодѣтые ламы, смотря по степени духовнаго сана, заняли во время богослуженія, присвоенныя имъ мѣста для сидѣнія на квадратныхъ коврикахъ, съ оторочкой различныхъ цвѣтовъ. Внутренность храма представляла необычайный видъ: посреди его въ восемь рядовъ сидѣли ламы, на жертвенномъ столѣ, задрапированномъ спускающимся съ потолка шелковыми лентами, горѣли лампы, предъ многими бурханами стояли жертвенныя чашечки и цвѣты, явства и фрукты. Послѣ часового осмотра я вынесъ впечатлѣніе, что монастырь Хан-та-бун-сумэ, построенный въ правленіе китайскаго императора Канси, Цинь-динь-цзай-нь, царлик-іер-хэшінь и шитукчи сумэ представляетъ собою великолѣпное двухъэтажное зданіе, внутренность котораго богато обставлена статуями Буддъ и его соподвижниковъ. Кумирня, видимо, почитается при строгой монашеской дисциплинѣ и чувствѣ благоговѣнія, которыя пришлось наблюдать во время богослуженія, хотя и были отступленія, но таковыя, тутъ же въ храмѣ разрѣшались,—ламы и хуvaraки, нарушающіе глубокой интересъ богослуженія говоромъ, визгомъ, шумомъ и проч., поочередно подходили къ гаскую, наблюдающему за порядкомъ и тишиной богослуженія, и получали нѣсколько ударовъ деревяннымъ жезломъ по спинѣ или рукой по лицу, послѣ чего снова усаживались на свои мѣста. Во время богослуженія ламы и хуvaraки, подхватывая конецъ молитвы, громко запѣваемой умцатомъ, общимъ хоромъ пѣли ея продолженіе, при чемъ, особенно дѣти, выкрикивали настолько рѣзко, насколько хватало ихъ силъ. Въ концѣ или въ серединѣ каждой молитвы отъ времени до времени ударили въ барабаны и трубили въ трубы. Когда монахи уставали отъ непрерывнаго повторенія молитвы, моленіе временно пріостанавливалось—разносился чай и раздавалась пища—крупной мясной супъ и кромѣ того деньги 5 чоховъ каждому.

Слѣдующая по степени почитанія кумирня, въ которой хранится колесница бога Майдари, заново отстроенная кумирня Сэн-чэн-гала-ба съ статуей Цзонхавы, поражаетъ своей богатой отдѣлкой въ тибетскомъ стилѣ. Болѣе старой и заброшенной кумирней является Чису-дува, но зато прилегающій къ ней второй главный храмъ Хамук-ни-ман-дугу-лукчи-хитъ по богатству наружной отдѣлки и внутренней

обстановки, утвари, коллекціи чучель разныхъ животныхъ вознаграждаетъ своего убогаго сосѣда—храмъ Чису-дува. Въ общемъ пять храмовъ Хан-табун-сумэ по богатству отдѣлки колоннъ, капителей и внутренней обстановки, представляютъ интересную обитель. Средства для поддержанія цвѣтущаго состоянія монастыря слагаются отчасти изъ монастырскаго хозяйства, но болѣе всего изъ приношеній и пожертвованій—богатые аро-хорчинцы не скупятся своими средствами на процвѣтаніе обители и жизнь своихъ духовныхъ отцовъ, хотя послѣдніе, разоривъ своихъ милостынедателей, лишь изрѣдка призрѣваютъ нагихъ и осиротѣвшихъ своихъ благодѣтелей. Штатный составъ монаховъ не великъ, ламъ не болѣе 100, а хувараковъ около 700 человекъ. Во главѣ высшаго духовнаго управленія монастыря состоятъ три хубилгана, изъ которыхъ два—Энсун-гэгэнъ и лама Рэмбучи живутъ въ Тибетѣ и только временами навѣщаютъ свои собственные храмы и провѣряютъ наличность стада рогатаго скота, лошадей и верблюдовъ; что же касается Аро-Хорчинскаго Цаганъ-да-эр-ханъ хутухты, то таковой постоянно живетъ при кумирнѣ. Для удовлетворенія монастырскихъ и хошунныхъ нуждъ всѣ продукты питанія, одежда и проч. доставляются изъ г. Чи-финъ, Долоннора и Калгана, при чемъ китайскіе купцы сбываютъ свои товары въ обмѣнъ на рогатый скотъ, сырье и частью за наличныя деньги. Среди китайскихъ товаровъ, имѣющихъ сбытъ при кумирнѣ, не лишнее будетъ отмѣтить, что потребители-монахи больше всего нуждаются въ товарахъ, которые съ успѣхомъ можно продать: цвѣтные карандаши, чернила, графленая бумага, стальные перья, ножи, бритвы, лѣкарства, шорный и столярный инструменты, юфтовыя кожи, личныя и для стирки бѣлья мыла, непромокаемыя краснаго и синяго цвѣта плащи, сукно и драпъ краснаго и желтаго цвѣта, карманные часы, эмалированная посуда, желтая съ черными процвѣтами парча, кораллы, карманные револьверы и многое прочее.

Когда я возвратился изъ кумирни ямыньскій посланецъ сообщилъ мнѣ, что прибывающій сегодня хошунный князь, приглашаетъ меня принять участіе въ народномъ праздникѣ и познакомиться съ жизнью хошуна.

На закатѣ солнца съѣхавшіеся ламы и парадно одѣтые міряне начали стекаться на южную окраину монастыря. Скопившійся народъ былъ привлеченъ необычайнымъ зрѣлищемъ, открывшимся къ югу отъ монастыря,—приближеніемъ княжескаго кортежа, который издали на ровной стѣни, мѣстами съ выступающими изъ-за горизонта синѣющими вершинами отдѣльныхъ, какъ будто утопавшихъ, горъ, казался чернымъ пятномъ. Насталъ вечеръ, установилась темнота, а князя все еще не было. Наша компанія, оживля-

емая впереди и по сторонамъ блестящими огоньками, якобы подъѣзжавшаго княжескаго кортежа, замѣтно рѣдѣла и уходила домой, не дождавшись приѣзда князя, торжественное прибытіе котораго какъ то уже ступшествовало при наступленіи темноты, и я, просидѣвъ еще немного съ знакомымъ ламой, также отправился домой и легъ спать.

14 Іюля. Рано утромъ я отправился на богослуженіе, но, къ сожалѣнію, не могъ прослѣдить его до конца, такъ какъ былъ отозванъ къ своей палаткѣ,—прибывшій вчера ночью князь прислалъ депутацію для поднесенія мнѣ обычныхъ подарковъ. Однако, присутствуя на богослуженіи, я имѣлъ случай наблюдать, какъ ревностные монголы и монголки совершали порядокъ поклоненія. Каждый совершающій поклоненіе, прежде всего стоя, складывая впереди себя ладони обѣихъ рукъ и поднимая ихъ къ верху надъ головою, творить молитву, затѣмъ прикладываетъ руки ко лбу, немного держать противъ горла, груди и затѣмъ опускается на колѣни, упираясь лбомъ въ землю и вытягиваетъ по землѣ всѣ свои оконечности. Сотворивъ такимъ образомъ поклоненіе мірянинъ, прежде чѣмъ подняться на ноги, правой рукой впереди головы проводитъ пальцемъ черту и поднявшись подходитъ только до проведенной линіи и здѣсь снова кланяется, ложась на землю; все это продѣлывается пока мірянинъ не достигнетъ входа въ храмъ, гдѣ прикладывается лбомъ къ его двери. Насколько пришлось подмѣтить, міряне очень рѣдко входятъ во внутрь храма и если кто нибудь вошелъ, то, приложившись лбомъ къ подножію статуи, сейчасъ же выходитъ изъ храма и остается на все время богослуженія стоящимъ или сидящимъ противъ входа въ храмъ.

Вернувшись домой, я принялъ депутацію и присланные мнѣ подарки. Депутація, во главѣ мэрэна, привѣтствуя отъ имени князя, на красномъ деревянномъ блюдѣ, преклонивъ правыя колѣна, преподнесла: четыре пучка фынтяуса (китайская лапша), два—три фунта муки, семь не первой свѣжести корней рѣдиски, полбутылки китайской водки, при чемъ бутылка, за неимѣніемъ пробки, была заткнута кукурузной сердцевиной, три куса овечьяго сыра и въ довершеніе всего этого привели живого барана. Обычный подарокъ съ благодарностью былъ принятъ и чтобы не быть въ долгу передъ княземъ, я черезъ ту же депутацію отправилъ свой подарокъ: 5 фунтовъ монпасея, 4 флакона духовъ, 5 кусковъ душистаго личнаго мыла, 3 перламутровыхъ ножика, трое ножницъ, два фунта стеариновыхъ свѣчей игральную машинку, карманные часы цвѣтныя нитки, иголки разной величины, особенно для слѣпыхъ, по бутылкѣ краснаго и бѣлаго вина и коньяку, хадакъ и металлическое изображеніе Далай-ламы. Наряду съ

посылкой князю отвѣтныхъ подарковъ, я также послалъ кое что и въ ямынь для главнаго чиновника тусалакчи. Подарки были приняты, такъ какъ черезъ самый ничтожный промежутокъ времени, прибылъ новый посланецъ, который собралъ справки какіе есть еще у меня интересныя вещи. Удовлетворивъ любознательность князя, я получилъ приглашеніе быть его гостемъ. Надѣвъ походный костюмъ, мы отправились къ княжеской ставкѣ, находившейся тутъ же, при кумирнѣ, на западной сторонѣ, приблизительно въ одной верстѣ отъ нашей стоянки. Княжеская ставка представляетъ собою пять подъ рядъ большихъ юртъ съ разными до цѣнту войлочными крышами и холщевыми оторочками. Впереди княжескихъ юртъ, предназначенныхъ лично для князя, его сына, женъ и приближенныхъ дѣвушекъ (фрейлинъ), былъ установленъ четырехугольный суконный щитъ съ вытканными іероглифами чжу-шоу, означающими—желать и молиться о долгоденствіи. Позади ставки въ одну линію устроены юрты приближенныхъ чиновниковъ, а за ними—присутственное мѣсто и стоянка охраны. Приблизившись къ княжеской ставкѣ, я былъ весьма любезно встрѣченъ чиновниками, которые просили прежде зайти къ нимъ, а затѣмъ по докладу уже пожаловать къ князю. Входя въ ямыньскую юрту, служащіе чиновники вступили со мной въ торгъ кому первому войти въ юрту; уступая принятому обычаю, я перешагнулъ порогъ жилья и занялъ указанное мѣсто. Не успѣлъ проглотить нѣсколько плотковъ чаю, какъ явился приближенный князя съ просьбой пожаловать къ князю. Мы перешли въ княжескую приемную палатку европейскаго образца. Описывать внутренность палатки не стану, только отмѣчу, что на сѣверной ея сторонѣ, противъ входа, былъ устроенъ досчатый канъ, среди котораго у самаго края стоялъ низенькій китайскій столикъ, правѣе котораго сидѣлъ князь въ присвоенномъ его званію чиновничьемъ нарядѣ. Когда мы вошли въ палатку, князь, поднявшись со своего мѣста, встрѣтилъ насъ и съ пожатіемъ руки просилъ занять мѣста: мнѣ на коврѣ лѣвѣе князя, а моему товарищу по пути, Фрозе, лѣвѣе меня, а Намсараеву остаться, стоя на ногахъ, у дверей. Принявъ визитный хадакъ, князь послѣ короткаго обыденнаго разспроса о путевыхъ впечатлѣніяхъ, снялъ свою шапку (церемонія кончилась) и приказалъ подать чай. Во время чаепитія съ сухеными фруктами и освященнымъ хлѣбомъ, князь забрасывалъ вопросы о житьѣ-бытьѣ русскихъ. Не знаю, весьма возможно, просидѣлъ бы у князя до вечера, такъ какъ получивъ разъясненія на одни вопросы, князь старался предложить новыя, но видя частые къ нему служебныя доклады и что князь почему то сбѣснялся своихъ подчиненныхъ, я рѣшилъ на сей разъ ограничиться только 3-часовымъ свиданіемъ и,

прощаясь съ княземъ, заручился приглашеніемъ на слѣдующій день быть опять у него, послѣ чего мы возвратились домой. Подъ вечеръ пришелъ посланецъ изъ хошуннаго ямыня съ приглашеніемъ отъ тусалакчи Чойчжабъ. Еще было не поздно, почему я отправился въ гости къ тусалакчи. Почтенный чиновникъ, свѣше 50 лѣтъ отъ роду, съ умнымъ выраженіемъ лица и полной достоинства осанкою, производилъ пріятное впечатлѣніе. Поторговавшись кому войти первому въ покой, я, сообразно правиламъ чествованія гостя, вошелъ первымъ и занялъ предложенное мнѣ мѣсто. Въ началѣ разговоръ былъ самый обычный,—чиновникъ разспрашивалъ о трудности моего пути, какъ трава, скоть, о кое-какихъ новостяхъ и, наконецъ, о житьѣ-бытьѣ старыхъ его знакомыхъ—полковника Х. и штабъ-ротмистра С. Когда выяснилось, что мнѣ хорошо знакомы выше указанные русскіе офицеры, тусалакчи, оставаясь со мной наединѣ, коснулся вопроса о развитіи китайской колонизаціи на монгольскихъ земляхъ въ юго-восточной Монголіи и при этомъ подчеркивалъ, что надвигающееся массовое движеніе китайцевъ на свободныя ихъ земли предвѣщаетъ окончательное поработеніе туземцевъ. Поддерживая интересную тему о китайской колонизаціи, я въ свою очередь также спросилъ тусалакчи, какъ проводится въ жизнь китайская колонизаціонная политика въ Восточной Монголіи и въ частности не было ли случая отчужденія земель изъ хошуна подѣ китайскія поселенія, на что тусалакчи отвѣтилъ: „горе поочію, китайцы усиленно заселяютъ южные хошуны, соприкасающіеся съ Мукденской, Гиринской и Хэй-лунцзянской провинціями и изъ 11 хошуновъ, подвѣдомственныхъ моему князю, какъ старшинѣ Чжаудоскаго сейма, осталось только 5 хошуновъ (Арохорчинъ, Цзуни-Барунъ, Баринъ, Цзунъ и Барунъ-Чжародъ), фактически еще свободные, благодаря ничтожной задолженности князей, отъ захвата ихъ земель подѣ колонизацію, всѣ же остальные частями заняты, и на лучшихъ плодородныхъ земляхъ въ короткое время обоснованы пришельцами селенія. Таковая участь постигнетъ и насъ, хотя князь и отказалъ правительству въ продажѣ хошунной земли подѣ колонизацію, но китайцы изо-дня въ день создаютъ все болѣе трудныя условія жизни, и трудно вѣрить въ возможность отстоять свою самостоятельность—мы безъ оружія, войска не обучены и надѣ лучшими нашими силами установленъ строгій надзоръ со стороны китайской администраціи“. Весьма возможно, почтенный чиновникъ повѣдалъ бы еще относительно тайныхъ дѣлъ хошуна, но, вошедшіе для засвидѣтельствованія своего почтенія ламы, прекратили нашъ разговоръ; я, посидѣвъ еще немного и напиившись чаю, ушелъ домой.

15 Юля. Послѣ утренняяго завтрака, мы, забравъ свои

ружья, пошли къ князю. Послѣ осмотра моего оружія, особенно винчестера, князь, интересуясь силою огня, предложилъ мнѣ первому произвести выстрѣлъ по мишени, довольно маленькой, поставленной въ травѣ на разстояніи 150 шаговъ. Желая доставить удовольствіе князю я, хотя и извинился подѣ предлогомъ слабости зрѣнія и къ тому же статскій, сдѣлалъ выстрѣлъ и, къ удивленію князя, въ мишени оказалась пробоина. При видѣ успѣха моей пробной стрѣльбы, князь, подойдя ко мнѣ и потрепавъ меня дружески по плечу, замѣтилъ, что хотя я и статскій, однако, стрѣляю лучше его и „воображаю, какъ отлично стрѣляютъ военные“. Въ продолженіи почти часа князь и его 22 лѣтній сынъ вмѣстѣ съ чиновниками упражнялись въ стрѣльбѣ и въ результатѣ я могъ замѣтить, что князь и его приближенные, будучи заняты серьезно подготовкой своихъ вооруженныхъ силъ, далеко превосходили своихъ хошунныхъ сосѣдей. Аро-хорчинскій хошунъ, заключающій 50 сомунъ, является почти единственнымъ княжествомъ, гдѣ, при населеніи не болѣе 10 тысячъ, всѣ сомунъ могутъ выставить свои конныя части съ половиннымъ комплектомъ всадниковъ, вооруженныхъ оружіемъ разныхъ системъ: частью японскими Мэйцзи образца 30 года Мурата 1897 года, Маузера обр. 1888 года, сборной 3-хъ линейной нашей винтовкой и револьверами Маузера и Браунингъ. Всѣ винтовки имѣютъ сошки. Чувствуется недостатокъ патроновъ. Хошунный правитель, князь, не жалѣетъ общественныхъ средствъ на приобрѣтеніе и современнаго оружія, но эти случайныя покупки, однако, не входятъ въ расчеты китайскаго правительства, принимающаго мѣры всячески обезсилить монголъ и, пользуясь ихъ беззащитностью, лишить ихъ самостоятельности. Офицеры и нижніе чины придворнаго сомунъ прилично одѣты, чего я не замѣтилъ въ другихъ хошунахъ, дисциплинированы, относительно обучены стрѣльбѣ, ѣздѣ и знакомы съ обращеніемъ съ современнымъ оружіемъ. Княжескій сомунъ, или вѣрнѣе хошунная учебная команда, обучается воинскимъ упражненіямъ подѣ непосредственнымъ руководствомъ князя и, какъ только чины придворнаго сомунъ достаточно усвоятъ военное дѣло, возвращаются въ качествѣ инструкторовъ со своими офицерами къ своимъ хошунамъ для обученія уже остальныхъ всадниковъ сомунъ, которые обязаны взаменъ возвратившихся высылать по семи человекъ отъ каждаго сомунъ въ возрастѣ 18 лѣтъ въ княжескій сомунъ для изученія военнаго искусства. Возвращаясь домой, мы были свидѣтелями отправленія правосудія. Судьи, тѣ же ямыньскіе чиновники, разобравъ два дѣла: одно о невнесеніи казенной подати, другое—за несвоевременный платежъ по долговому обязательству, присудили виновныхъ къ 30 ударамъ плетью по мягкимъ частямъ тѣла.

При разбирательствѣ болѣе важныхъ преступленій, какъ-то: убійства, грабежи и насилія, прибѣгаютъ къ пыткамъ. Судьи, прежде чѣмъ выслушать показанія, руки и ноги преступника заковываютъ въ деревянные колоды и въ такомъ положеніи, стоя на колѣняхъ передъ дверью амынской курты, держатъ нѣсколько дней, пока виновный или сознается или виновность его будетъ установлена при помощи гаданья—киданія костей съ очками и проч. судебныхъ приемовъ, создаваемыхъ усмотрѣніемъ членовъ состава суда. За мало-важныя преступленія: кража, неисполненіе требованія ямыня, драка, неуваженіе къ старшему, родителямъ и проч. смѣшанный судъ изъ чиновниковъ и ламъ приговариваетъ виновнаго помимо судебныхъ издержекъ, уплачиваемыхъ обѣими тяжущимися сторонами, размѣръ которыхъ измѣняется сообразно важности дѣла, къ ударамъ плетью не свыше 200 ударовъ, или къ заключенію въ тюрьму (для тюремнаго заключенія, налагаемаго сеймовымъ управленіемъ, виновные посылаются въ гор. Долонноръ, Калганъ, Чэнда, Цицикаръ и Хайларъ, гдѣ имѣются омерзительныя китайскія тюрьмы), денежному штрафу и ношенію въ течение нѣсколькихъ недѣль на шеѣ деревяннаго квадратнаго канга. (Китайское наказаніе канго примѣняется всюду въ Монголіи, при чемъ преступникъ, носящій кангу, заковывается въ деревянные колоды).

16 Июля. Сегодняшній день считается первымъ днемъ торжественнаго годового богослуженія. Рано утромъ во всѣхъ кумирняхъ было совершено богослуженіе, въ которомъ принимали участіе не только мѣстные ламы, но и прибывшіе изъ другихъ кумирень хошуна. По окончаніи утренняго богослуженія, съ перерывомъ не болѣе двухъ часовъ, при восточной монастырской кумирнѣ, на заднемъ ея дворѣ, подъ шатромъ состоялось новое богослуженіе, закончившееся репетитіей плясокъ замаскированныхъ божествъ. Исполнители танцевъ, одѣтые въ одежды и маски со странными человѣческими лицами, выходили по очереди одинъ за другимъ и своими религіозными танцами вызывали въ толпѣ только смѣхъ. По окончаніи богослуженія и танцевъ, духовенству были предложены обѣдъ и, кромѣ того, каждому изъ участвующихъ было выдано по пяти чоховъ. Надо замѣтить, что духовенство, принимающее участіе въ торжественномъ годовомъ богослуженіи (храмовой праздникъ), каждый день получаетъ завтракъ, обѣдъ, ужинъ, чай и деньги за счетъ хошуна, для чего ежедневно убивалось пять штукъ крупнаго рогатаго скота, 20 барановъ и тратилось 5000 чоховъ.

17 Июля. Сегодня, около 10 часовъ утра, къ одной изъ кумирень монастыря стали стекаться ламы и народъ съ цѣлью принять участіе въ церемоніи круговращенія Майдари.

По окончаніи обычнаго богослуженія, низшіе чины духовенства вытащили съ красными колесами телѣгу, крыша которой была окрашена чередующимися цвѣтами—желтый, зеленый, красный и синий; телѣгу поставили между шпалерами ламъ и хувараконъ, держашихъ въ рукахъ разныя трубы, барабаны и металлическіе тазы. Когда телѣга, разукрашенная по угламъ цвѣтными шелковыми матеріями, была надѣжаче установлена, то ширетуи всѣхъ монастырскихъ храмовъ вынесли позолоченный кумиръ Майдари и поставили его во внутрь телѣги. По установкѣ кумира въ телѣгу, запряженную людьми, началось церемоніальное шествіе, порядокъ котораго слѣдующій: впереди несли барсовыя шкуры, зажженныя кадильницы, далѣе шли попарно ламы, пгравшіе на раковинахъ, въ большія и малыя трубы, кларнеты, и хувараконъ, бившіе въ барабаны и тазы; затѣмъ, въ порядкѣ старшинства, несли бурханы, священныя книги, ближе къ колесницѣ—громаднѣйшій желтый шелковый зонть чтимаго божества Майдари и, наконецъ, рядомъ съ телѣгой, въ носилкахъ—мѣстнаго хутухту, сопровождаемаго высшимъ духовенствомъ и толпою народа. Процессія, представлявшая необычайное зрѣлище, подъ мягкіе звуки музыки и при аккомпаниментѣ барабанныхъ и тазовыхъ боевъ и звучныхъ гимнахъ, начала свое шествіе съ западной стороны монастыря и, обойдя три раза вокругъ монастырской стѣны, каждый разъ останавливалась передъ южными, главными монастырскими воротами, для совершенія молитвъ и поклоненія бурханамъ. Круговращеніе Майдари было закончено при той же кумирнѣ, откуда и началось шествіе, гдѣ изъ телѣги взяли кумира, другія принадлежности церемоніи и все это съ благоговѣніемъ внесли обратно въ тотъ же храмъ.

18 Юля. Сегодня, предполагая завтра поутру оставить Ханъ табунъ-сумэ, мы посвятили день на прощальные визиты съ начальствующими лицами, постоянно и временно живущими при здѣшнемъ монастырѣ. Отдавая прощальный визитъ, мѣстный святитель хутухта ниспослалъ свое благословеніе, чтобы мы милостію святыхъ буддъ невредимо достигли мѣста своего назначенія. Далѣе мы отправились откланяться князю, но приближаясь къ его ставкѣ, были встрѣчены чиновникомъ, который передалъ, что князь проситъ насъ пожаловать къ нему на чай и заодно побесѣдовать. Князь любезно принялъ насъ, былъ поданъ чай и, съ первыхъ словъ разговора князь, узнавъ что мы намѣрены скоро уѣхать, приказалъ назначить намъ отборныхъ проводниковъ и дать отъ своего имени письмо, чтобы при проѣздѣ черезъ хошуны его сейма начальствующія лица не препятствовали нашему переѣзду и помогали бы во всѣхъ затрудненіяхъ, могущихъ возникнуть вслѣдствіе того, что мы иностранцы. Я поблагодарилъ князя за рекомендательное пись-

мо и любезное отношеніе. Немного спустя князь спросилъ, не могу ли я подѣлиться имѣющимися у меня европейскими лѣкарствами для его больной матери. Въ отвѣтъ я послалъ принести мою аптеку и еще кое-какія вещи для подарковъ; въ ожиданіи прибытія лѣкарствъ, князь подѣлился со мною, что въ семь году во всѣхъ восточныхъ хошунахъ Монголіи японцы, подъ предлогомъ бесплатнаго врачеванія туземнаго населенія, производятъ топографическую съемку мѣстности и что онъ, несмотря на всѣ его усилія избѣжать нашествія крайне нежелательныхъ гостей, никакъ не могъ избавиться отъ нихъ, такъ какъ свобода дѣйствій японцевъ на поляхъ Монголіи обезпечивается охранными листами, большою частью выданными изъ правительственныхъ мѣстъ гор. Пекина и Мукдена, благодаря чему хошунные князья, во избѣжаніе неудовольствій со стороны китайскихъ властей, поставлены въ необходимость оказывать имъ всяческое содѣйствіе пищей, перевозочными средствами и сообщать свѣдѣнія о богатствахъ страны. Принесли мою аптеку, я предложилъ князю немного лѣкарствъ: мази отъ кожныхъ болѣзней, глазныхъ, зубныхъ и другихъ капель и кое-какихъ порошковъ отъ головной боли. Затѣмъ мы простались съ княземъ и его сыномъ, которые, пожелавъ намъ благополучнаго и пріятнаго путешествія, просили насъ отложить нашъ отъѣздъ до завтрашняго утра, чтобы они могли доставить намъ еще удовольствіе плясками масокъ божествъ, которыя, на глазахъ собравшагося при храмахъ народа, закончатъ послѣдній день Цама. Послѣ дружественнаго прощанія, въ надеждѣ, что въ недалекомъ будущемъ установятся съ ними болѣе близкія торговыя сношенія къ обоюдной пользѣ, мы возвратились къ своей палаткѣ, гдѣ, послѣ обѣда, я подарилъ на прощаніе еще нѣсколько вещей слугамъ князя, доставившимъ мнѣ отъ князя и его почтенной матери, княгини, двухъ барановъ и другіе дорожныя и съѣстные припасы. Время было обѣденное, въ храмахъ совершались богослуженія и приготовленія къ религіознымъ пляскамъ, поглащавшимъ вниманіе всѣхъ прибывшихъ полюбоваться цамомъ. Около 1 часу дня при восточной кумирнѣ, противъ главнаго храмоваго южнаго входа, очистили площадь, мѣломъ намѣтили кругъ, въ которомъ должны совершаться пляски и устроили палатки отдѣльно для гэгэна, князя, его семьи и приближенныхъ. Когда приготовленія къ цаму закончились и по праздничному разодѣтые міряне, жаждавшіе посмотреть на цамъ, заняли свои мѣста по сѣверной и южной дугѣ круга, то изъ главнаго храма вышла духовная процессія съ праздничными украшеніями, значками, барабанами и трубами. Духовенство, участвовавшее въ процессіи, немного пріостановившись у входа изъ дверей храма, вынесло пирамиду, именуемую Соромъ, которую, послѣ положенныхъ

молитвъ, установило на южной дугѣ круга. „Соръ“ представляетъ изъ себя треугольную высокую и внутри пустую пирамиду, приготовленную изъ тѣста, окрашеннаго красными и желтыми красками съ разными бумажными фигурами цвѣтовъ. Внутри „Сора“, поставленнаго на столѣ, помѣщались зажженные лампадки и жертвенныя чашки; на вершинѣ „Сора“ и у его подножья у каждаго треугольника лежали человѣческіе черепа и въ середину пирамиды была воткнута стрѣла, на которой висѣли ходаки. Послѣ окончанія освященія „Сора“ и установки его на южной сторонѣ круга противъ дверей храма, духовенство заняло свои мѣста вдоль притвора храма, музыканты расположились на восточной сторонѣ круга, а почетные гости—на противоположной западной сторонѣ. Когда духовенство, гости и музыканты заняли свои мѣста, то раздался продолжительный заунывный трубный звукъ и изъ храма вышло два замаскированныхъ мальчика, одѣтыхъ въ атласныя одежды, съ вышитыми на костюмахъ цвѣтными шелками изображеніями чудовищъ. Первая пара масокъ, протанцевавъ танецъ съ выбрасываніемъ рукъ и ногъ, уступила мѣсто другой такой же парѣ танцоровъ, но болѣе взрослымъ, которые все время своего танца то и дѣло кружились на одной ногѣ съ дикими возгласами, вызывавшими смѣхъ у зрителей. На смѣну четырехъ первыхъ масокъ, вышли три маски въ китайскихъ костюмахъ, съ обнаженными мечами, которые молча прошли и заняли мѣста для сидѣнья. По слѣдующему звуку раковины изъ кумирни вышло семь масокъ одна другой меньше, напоминающія собой карикатурныя лица монгольскаго хана и его сыновей. Группа мадышей, одѣтыхъ въ монгольскія національныя одежды, закончивъ свой танецъ, состоявшій изъ неуклюжихъ скачковъ съ одной ноги на другую съ присѣданіемъ и прочими манерами, подошла къ почетнымъ гостямъ и, изошряясь въ смѣшныхъ вопросахъ и отвѣтахъ, выпрашивали милостыню. Такимъ образомъ, десять очередей масокъ, разодѣтыхъ въ цвѣтныя китайскіе, монгольскіе костюмы и простые халаты, своими плясками только подготовили обстановку для маскированныхъ пляшущихъ божествъ. По троекратнымъ ударамъ въ тазы, барабаны и оглушительнымъ трубнымъ звукамъ, изъ храма стали выходить попарно замаскированныя божества. Каждая пара божества, съ головою свиньи, быка или другого какого либо страшнаго чудовища, имѣя въ рукахъ мечи, стрѣлы, сѣкиры, копья, человѣческіе черепа и прочіе ужасныя доспѣхи, продѣлывали свои грубыя фигуры танцевъ, вызывая заразительный смѣхъ публики. Подъ конецъ религіозныхъ танцевъ, на кругъ участвующихъ свыше тридцати паръ танцоровъ, вышли немаскированныя божества съ большими рогами, длинными павлиньими перьями на головахъ и иными атри-

бутами головного украшенія, которыя, важно прослѣдовавъ три раза по кругу, заняли мѣста на скамейкахъ впереди почетныхъ гостей и поддерживали веселый смѣхъ. Въ моментъ окончанія танцевъ, что опредѣлило усталость танцоровъ, были прочитаны молитвы въ честь „Сора“ и духовенство, благоговѣйно взявъ изображеніе „Сора“, вмѣстѣ съ замаскированными божествами и музыкантами процессіей потянулось въ степь, гдѣ уже былъ готовъ костеръ для сожженія „Сора“. По прибытіи на мѣсто сожженія, первенствующій лама, послѣ чтенія молитвы, взялъ „Сора“ и, немного покруживъ его надъ своей головой, съ прыжками приближаясь къ костру, съ размаху бросилъ его въ огонь. Сожженіемъ „Сора“ испрашивается свыше чудодѣйственная сила уничтожить огнемъ всѣхъ враговъ и препятствія и открытъ свободный путь для вѣры. Послѣ сожженія „Сора“ почетные гости и духовенство, взявъ, какъ попало, религіозныя принадлежности, спѣшили къ своимъ домамъ. За окончаніемъ церемоніи лама, я подошелъ къ князю съ цѣлю еще разъ поблагодарить его за оказанное намъ вниманіе, а также проститься съ нимъ. Князь, крѣпко пожавъ руку, выразилъ желаніе видѣть насъ у себя дома, если приведетъ къ тому случай, и ближе познакомиться съ жизнью хошуна. Вечеромъ я посѣтилъ тусалаки и цзахиракчи хошуна. Вліятельные чиновники, интересуясь всѣмъ русскимъ производствомъ, нѣсколько разъ подчеркивали, что въ народной монгольской памяти и до сихъ поръ живутъ имена монголь, добровольно переселившихся въ Россію, и монголы вообще искренне завидуютъ этимъ счастливымъ переселенцамъ. Многіе князья, ламы и простолюдины глубоко вѣрятъ что Россія и Монголія связаны историческимъ прошлымъ составляютъ какъ бы одно государство. Князья и народъ убѣдились, что китайское правительство въ сущности заботится не объ улучшеніи ихъ положенія, а только создастъ для себя новыя, исключительно выгодныя, условія и подвигающаяся колонизація ими пустошей, съ цѣлю захвата лучшихъ земель и уничтоженія княжествъ, ненавистна, такъ какъ измѣняетъ весь монгольскій жизненный укладъ. Многіе князья, гонясь за отличіемъ при дворѣ, втянули свои владѣнія въ неоплатные долги и, при отсутствіи солидарности между собою въ отношеніи правительственныхъ дѣйствій, сдѣлались жертвой Китая. Раздаются голоса о необходимости согласовать свои дѣйствія и выработать общій планъ для защиты старинныхъ своихъ земельныхъ правъ, а также воспрепятствовать дальнѣйшему расширенію Китая за счетъ Монголіи. Пробудившееся у монголь національное чувство велико, но трудно вѣрить въ возможность для нихъ отстоять свою самостоятельность: монголы безъ оружія, малочислены, не обучены и добрая половина отдалась на слу-

женіе буддамъ. Кстаті, еще о японцахъ. Нелѣпые слухи, которые и теперь распускаются японцами среди монголь, съ дѣлюю посѣять вражду къ русскимъ, какъ пришлое не разъ выслушать, не возрастають и не укрѣпляются, а наоборотъ, глoenixуть. Японцы, несмотря на то, что прибѣгають къ бесплатному врачеванію населенія, снабженію его товаромъ по сравнительно доступной цѣнѣ, помогая совѣтами частнаго и юридическаго характера и проч., въ глазахъ чиновниковъ и населенія не пользуются популярностью; монголы освѣдомлены о положеніи дѣла въ Корей и также еще часто вспоминають ихъ продѣлки во время усмирѣнія боксерскаго возстанія въ южныхъ хошунахъ, гдѣ населеніе спасалось бѣгствомъ, глотая пыль, оставивъ все свое имущество пионерамъ насажденія японскаго просвѣщенія. Въ общемъ, припоминая слова тусалакчи, нѣкоторые князья, будучи охвачены политическимъ броженіемъ, не прочь принять русское подданство, но при условіи сохраненія правъ своей самобытности. Вообще, во время моего пребыванія въ Аро-Хорчинскомъ хошунѣ, несмотря на осторожность въ разговорахъ съ чиновниками, подъ конецъ возможно было бы заручиться многими свѣдѣніями, но тому помѣшало окончаніе праздника.

19 Іюля. Послѣ продолжительнаго пребыванія среди добрыхъ и привѣтливыхъ мѣстныхъ жителей, мы возобновили путь. Теперь намъ предстояло пересѣчь нѣсколько хошуновъ и достигнуть города Тао-нань-фу. Сегодняшній переходъ невеликъ, поэтому и выступили довольно поздно. Переваливъ небольшой песчаный холмъ, мы потянулись на сѣверъ по долинѣ вдоль извивающейся рѣки Дагарь-голъ, вливающейся въ рѣку Хакирь. Рѣка Дагарь, неся свои воды на югъ, составляетъ лѣвый притокъ рѣки Хакира. Оставивъ сзади себя Раз-цзэ-сумэ, находящееся къ востоку на 1/2 версты отъ Хань-табунъ-сумэ, мы любовались рѣчной долиной, сопровождаемой горами, изборожденными глубокими оврагами, гдѣ приютилось не мало монголь, которые по характеру жинья уже приближались къ осѣдлымъ. Кочевникъ-монголь, всегда въ степи и на конѣ, въ силу сложившихся обстоятельствъ, уже замѣнилъ здѣсь войлочную юрту на глиняную, началъ распашку поля и кое-какъ проводитъ въ жизнь китайскую огородническую форму хозяйства. Осѣвшіе бѣдняки монголы слабо воспринимають земледѣльческую культуру и взаменъ своего крупнаго рогатаго скота, хотя и обзавелись рабочей силой—ослами, но это ни чуть не устраиваетъ ихъ въ отношеніи распашки земли даже на самыхъ примитивныхъ началахъ. Переправившись черезъ рѣку Дагарь-голъ, доступную всюду для переѣзда, мы, переѣхавъ направление на сѣверо-востокъ, остановились заночевать подлѣ юрты своего проводника. Лишь толь-

ко мы установили свой бивуакъ, какъ прибылъ нашъ вожакъ, который сообщилъ, что оставленный нами въ сторонѣ небольшой военной лагерь—есть кавалерійскій летучій отрядъ хошуна Цзунъ-Баринъ, посланный для розыска и поимки главаря хунхузской шайки Тайчжи-Токтоху. Послѣ ужина вожакъ сообщилъ, что недалеко отъ кумирни Разцзэ-сумэ, въ Хакирской долинѣ, уже осѣло нѣсколько китайскихъ семей, единственная цѣль которыхъ, попутно съ торговлей, познакомить монголь съ приемами сельскаго хозяйства. На ряду съ другими вопросами установилъ, что осѣвшая часть китайцевъ, вырабатывая формы новой жизни для монгола, также собираетъ пошлину съ продаваемого монголами крупнаго и мелкаго скота. Размѣръ пошлины не превышаетъ 5% на 100.

20 Июля. Рано утромъ, оставивъ мѣсто ночлега, поѣхали дальше, прокладывая путь черезъ нагроможденные горы. Переваливши черезъ Мургу-сукъ-даба, мы вступили въ предѣлы Баринъ-Чжарода. Подъемы и спуски, ведущіе на перевалъ по извилистой тропинкѣ, пока мы не вышли на развѣтвляющуюся долину, не представляли особенныхъ затрудненій. По разспроснымъ свѣдѣніямъ установили, что къ сѣверу отъ дороги на одной изъ вершинъ горъ, именуемой Утай, похороненъ чжародскій князь, усыпальница котораго представляетъ груду камней съ воткнутыми жердями хвоста. По мѣрѣ удаленія отъ горъ, растительность становилась бѣднѣе, приближаясь же къ княжеской ставкѣ, расположенной въ мѣстности, окаймленной перепутавшимися горными грядами, начали попадаться пашни. Сорта хлѣба тѣ же, что и въ Ара-Хорчинѣ: просо, гречиха и прибавилась конопля. Обработка полей примитивными земледѣльческими орудіями неумѣлая—разрыхлена кое-какъ земля, брошены зерна и больше ничего, тѣмъ не менѣе всходы очень хороши. Земледѣліе знакомо большинству туземцевъ, посѣвы незначительны и урожайность, связанная съ условіями почвы, при отсутствіи влажности, далеко ниже, чѣмъ въ южной части хошуна, гдѣ земледѣліе уже является главнымъ средствомъ къ жизни, здѣсь же служить пока подспорьемъ. Княжеская ставка и прилегающій къ ней полуразрушенный монастырь Раши-пансокъ-сумэ поражаютъ своимъ убожествомъ,—капитальныя сооруженія отсутствуютъ, да и населеніе, разбросанное по обоямъ берегамъ незначительнаго ручейка Тэнгэнхэ-голъ и въ горныхъ долинахъ, заросшихъ питательной растительностью, не располагаетъ обиліемъ скота. Хошунъ Барунъ-Чжародъ, обнимая площадь земли съ запада на востокъ не болѣе 65 ли, а съ сѣвера на югъ около 460 ли, выставляетъ 16 сомунъ.

Къ концу нашего завтрака къ княжеской ставкѣ возвратился его сомунъ всадниковъ, командированныхъ на по-

иски шайки хунхузовъ, оперирующихъ къ сѣверу въ горахъ Хингана. Всадники сомуна, вооруженные старинными ружьями разныхъ системъ, передаютъ, что китайское правительство за поимку главаря хунхузскихъ бандъ Токтоху пообѣщало 1000 ланъ серебра и званіе гуна, въ силу этого многие князья съ званіемъ ниже гуна прилагаютъ все усилія, чтобы поймать предводителя хунхузовъ и живымъ его доставить въ Пекинъ, но населеніе противъ этого, такъ какъ банда хунхузовъ преслѣдуетъ только цѣль убійства и разгромленія имущества китайцевъ, японцевъ и тѣхъ монголь, которые за одно дѣйствуютъ съ китайскимъ правительствомъ. Запрягли верблюдовъ и, несмотря на маленькій дождь, мы, разставшись съ княжеской ставкой, напоминающей собой усадьбу обѣднѣвшаго помѣщика, поѣхали дальше.

Пройдя по рѣчной долинѣ, мы снова вошли въ полосу чередующихся горныхъ хребтовъ. Общій характеръ мѣстности—окраинныя горы съ юга и сѣвера торчали попережнему, долины съ хорошими мѣстами для пастбища и почвой для земледѣлія совершенно безлюдны. Сдѣлавъ еще небольшой переходъ, мы спустились въ долину бокового отрога и расположились ночевать. Стойбище наше было выгодно во всехъ отношеніяхъ, только не было воды, да усилившейся дождь, замочивъ наше топливо-аргаль, не позволилъ приготовить намъ пищу.

21 іюля. Утромъ дождикъ. Пока мы были заняты укладкой вещей и сборомъ къ выступленію, наши лошади и верблюды, свободно разгуливая на подножномъ корму, куда-то ушли. На поиски были назначены виновные въ томъ люди, которые послѣ двухчасового розыска привели только верблюдовъ и двухъ лошадей, третьей же лошади не нашли. Поиски лошади были вновь начаты, и около 9 часовъ утра удалось найти ее въ одной изъ котловинъ между горами. Это былъ первый случай, что мы отъ небрежнаго присмотра за пасущимися животными вынуждены были задержаться. Оставивъ мѣсто ночлега, мы, поднявшись на три подъ рядъ перевала, достигли рѣки Цзурхэ-голь, верховье которой при Цзурхэ-обо составляетъ границу Баронъ и Цзунъ-Чжардовъ. Рѣчная долина Цзурхэ-голь, сопровождаемая плоскими возвышеніями, съ массой твердыхъ каменныхъ породъ, хотя и богата степной растительностью, но туземнаго населенія мало и пашни отсутствуютъ. На всемъ протяженіи отъ пункта, гдѣ, вскарабкавшись на горы, съ переваловъ Ихильмодо и Дабхуръ, можно было наблюдать удалявшіяся зубчатыя и причудливыя формы горъ, окаймляющихъ долину рѣки Наранъ-голь, пробивающей себѣ дорогу на югъ до слиянія съ Цзурхэ-голь. Переночевавъ при р. Наранъ-голь, мы тронулись дальше, рассчитывая по грязной дорогѣ къ закату солнца дойти до ставки князя Цзунъ-Чжародъ. Черезъ часъ

ѣзды, послѣ пересѣченія небольшого перевала, мы, спустившись въ покатую долину, мѣстами заросшую мелкимъ кустарникомъ и густой высокой степной растительностью, убѣдились, что едва ли намъ придется сегодня достигнуть назначеннаго мѣста для ночлега,—недавній дождь, напитавъ почву, испортилъ дорогу. Все же, несмотря на грязную дорогу и бурную дождливую погоду, мы, путаясь между группами деревьевъ, переѣзжая одинъ за другимъ небольшіе ручейки, составляющіе притоки рѣки Ваенъ-голь, при восходѣ луны достигли княжеской ставки, гдѣ и расположились на ночлегъ.

22 Юля. Утромъ дождь. Кочевья князя болѣе людны и обиліе скота, кормившагося вокругъ юртъ, указывало на достатокъ мѣстнаго населенія. Княжеская ставка, обнесенная глинобитной и кирпичной стѣнами, по солидности сооруженія кирпичныхъ фанзъ, утопающихъ въ деревьяхъ, представляетъ благоустроенное помѣстье. При ставкѣ князя имѣется сомунъ всадниковъ, именуемыхъ цакта сэрэмчжилэхту-тушималь-цэрэкъ, возраста 25—40 лѣтъ, которые, съ помощью ружей старыхъ и новыхъ системъ, упражняются въ стрѣльбѣ пѣшкомъ на дистанціи не свыше 1000 ш. и на конѣ на разстояніи до 240 шаговъ. Правитель хошуна, являясь помощникомъ сеймоваго старшины, какъ говорятъ, человекъ не глупый и противится даже временному пребыванію въ его хошунѣ китайцевъ, благодаря чему въ его хошунѣ пока еще нѣтъ переселенцевъ китайцевъ, но таковые, вѣроятно, скоро явятся, такъ какъ наслѣдникъ князя, его молодой сынъ, уже женатъ на дочери пекинскаго сановника изъ министерства путей сообщенія и прибывшая молодая княгиня—маньчжурка, яко-бы по незнанію монгольскаго языка, на всякій случай, захватила съ собой и китайскую прислугу, которая, уже до нѣкоторой степени стѣснивъ дѣйствія князя, оказалась хорошо владѣющей мѣстнымъ языкомъ. Населеніе хошуна, обнимающаго площадь земли съ запада на востокъ 60 ли и съ сѣвера на югъ 460 ли, обязано выставить 16 сомунувъ, которые въ данное время далеко некомплектны, всего 204 нижнихъ чина.

23 Юля. При восходѣ солнца, покинувъ княжескую ставку съ кумирней Бэй-цзя-мяо, мы направились въ сѣверовосточномъ направленіи. Переваливъ песчаные холмы, мы вошли въ долину небольшой рѣки Хуй-синь-голь. Широкая рѣчная долина, имѣя заброшенное княжеское помѣстье, стянула не мало монголь, которые уже обзавелись глинобитными юртами, маленькими полями, огородами и другими надворными постройками. Осѣдлыя монгольскія поселенія по роду построекъ не отличаются богатствомъ; на смѣну вѣрнаго товарища—коня, небольшихъ стадъ скота и овецъ явился осель, на которомъ монголы, не падая духомъ, обозрѣваютъ

свои свободные луга, вполне годные для земледельческой культуры. Оставивъ за собою богатую рѣчную долину, проѣхавъ нѣсколько небольшихъ переваловъ, мы подошли къ долинѣ рѣки Чолжинъ-голъ, разграничивающей владѣнія Чжаудаскаго и Чжеримскаго сейма, къ западной границѣ хошуна Дарханвана. Прилегающая мѣстность гористаго характера; хребты за хребтами, отроги за отрогами, тянувшимися въ разныхъ направленіяхъ, сильно стѣсняли горизонтъ, пока мы не достигли узкой долины рѣки Найманчиль-голъ. Новая долина, сжатая съ юга высокими горами, изобилуетъ кочевьями монголь; между туземнымъ осѣдлымъ населеніемъ изрѣдка наблюдается осѣдность китайцевъ. Туземное население, сокративъ до минимума количество скота, воздѣлываетъ поля и культивируетъ хлѣбные злаки: просо, коноплю и гречиху. На ряду съ земледѣіемъ монголы знакомятся съ огородничествомъ—посадкой картофеля. Нужды мѣстнаго населения обслуживаютъ купцы города Тао-нанъ-фу, которые, ведя свою обычную торговлю, скупаютъ и вымѣниваютъ скотъ, кожи, шерсть и грибы. Заручившись очереднымъ проводникомъ, мы по одной изъ долинъ, залегающихъ между горами, поѣхали дальше. Мѣстность, сохраняя слегка свой однообразный гористый характеръ, стала отчетливѣе обозначаться равнинными участками степи. Горное нагроможденіе, по мѣрѣ нашего движенія, постепенно сглаживалось; горизонтъ открывался, травянистая растительность, преимущественно лугового характера, становилась гуще, благодаря ручейкамъ, берущимъ начало изъ ключей прилегающихъ горъ. Здѣшнія монгольскія кочевья, попадающіяся довольно рѣдко, временнаго типа и не имѣютъ того осѣдлаго характера, которымъ отличается жизнь въ недавно пройденныхъ двухъ хошунахъ Чжарода; пашни сократились и население, какъ будто, куда то перекочевало. Чѣмъ дальше мы двигались къ сѣверо-востоку, мѣстность принимала равнинно-степной характеръ—хребты мельчали, переходя въ линію пологихъ возвышеній; только при рѣкѣ Хашату-голъ опять начали вздыматься холмистые кряжи. Хошунъ Дорханъ-вана, являясь однимъ изъ наибольшихъ въ Чжеримскомъ сеймѣ, занимаетъ треугольную площадь земли, на югѣ и востокѣ теченіемъ рѣки Шара-мурень (Ляо-хэ) и границами Маньчжуріи, на сѣверо-востокѣ соприкасается съ владѣніями хошуна Тушетъ-вана и на западѣ граничитъ Чзунъ-Чжародъ; ширина хошуна въ пройденномъ направленіи не болѣе 40 верстъ. Населеніе хошуна Дарханъ-вана составляетъ 46 сомуновъ.

24 Іюля. Переночевавъ при рѣкѣ Хашату-голъ, переходимую въ бродъ, мы продолжали наше движеніе и, перейдя границу Дарханъ-вана, вступили въ предѣлы хошуна князя Тушета-вана. Пройденное пространство характеризуется отсутствіемъ кочевниковъ. Туземное население хошуна

Тушету-вана, разрушивъ свои убогія глинобитныя юрты, со своими стадами перекочевало въ горы, въ силу того, что за послѣднее время со стороны китайскаго правительства обнаруживается стремленіе быть распорядителемъ по использованию монгольскихъ свободныхъ пустошей. Нашъ полдникъ при кумирнѣ, именуемой ся-фу-сы Мунхэ-бокдо-сумэ, установилъ, что китайское правительство еще съ прошлаго года ведетъ переговоры съ вдовствующей княгиней и 18-ти лѣтнимъ наслѣдникомъ относительно погашенія скопившихся за прошлое время долговыхъ обязательствъ, путемъ долгосрочной аренды подъ земледѣліе хошунныхъ пустошей. Не знаю, какъ разрѣшится долговой вопросъ, однако, китайцы переселенцы незамѣтно подтягиваются на землю хошуна и уже въ нѣсколькихъ верстахъ южнѣ княжеской ставки Табунъ-тологой, среди рѣдкихъ монгольскихъ селеній, распланировали городъ Ли-сюан-тинъ. Далѣе, Китай въ защиту хошунныхъ интересовъ, отъ частыхъ яко-бы нападений хунхузовъ, при княжеской ставкѣ расквартировалъ войска, какъ опорный элементъ для болѣе устойчиваго положенія колонизаторовъ. Нужно сказать, что по долинѣ рѣки Холенъ-голь, удобной для земледѣлія, видны не имѣющія названія китайскія заимки, которыя въ будущемъ разрастутся, съ приливомъ колонизаціонной струи, въ деревни.

Мое желаніе осмотрѣть хошунный монастырь, расположенный на лѣвомъ берегу рѣки Холенъ-голь, не встрѣтило со стороны мѣстнаго духовенства ни малѣйшаго препятствія. Мнѣ дали провожатаго и я обошелъ всѣ храмы и суборганы и послѣ двухчасового знакомства съ монастырями вынесъ впечатлѣніе, что храмы китайской и тибетской архитектуры, по богатству отдѣлки, священныхъ статуй и сокровищъ, являются лучшими образцами духовныхъ обителей, какія мнѣ приходилось видѣть. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хошуна монастыря воздвигается новый монастырь съ храмами тибетской архитектуры. Монахи, состоящіе при двухъ монастыряхъ, живутъ въ кирпичныхъ фанзахъ, находящихся тутъ же, при храмахъ. Послѣ завтрака мы отправились далѣе и, пройдя мимо монгольскаго кладбища и поднявшись на вершину небольшого холма, вошли въ полосу песковъ. Сопровождавшій насъ изъ мѣстнаго монастыря монахъ среднихъ лѣтъ, по пути движенія къ мѣсту ночлега, сообщилъ, что китайскіе чиновники, командированные изъ гор. Тао-нань-фу, еще въ прошломъ году закончили инструментальную съемку, и сѣверныя окраины земли хошуновъ Хорчинъ-Тушету-вана и Дарханъ-вана предназначены для колонизаціи. Китайцы приводятъ въ надлежащее исполненіе колонизаціонную политику, не церемонясь съ кочевниками, при болѣе сосредоточенныхъ пунктахъ туземнаго населенія расквартировываютъ небольшіе отряды

войскъ, насильственно отбираютъ себѣ лучшихъ монгольскихъ лошадей, оттѣсняють скотоводовъ въ предгорія Хингана подѣ предлогомъ, что пригодныя для обработки земли имъ надо уступить своимъ же братьямъ-монголамъ южныхъ хошуновъ, уже усвоившимъ земледѣльческую культуру. Дѣйствительно, двигаясь дальше, сплошь и рядомъ на мѣстности слегка волнообразной, мѣстами песчаной и болотистой, но годной для земледѣлія, попадаются недавно разрушенныя монгольскія, стойбища и брошенныя раньше воздѣланныя поля,—мѣстное населеніе съ остатками скота и козъ перекочевало въ горныя мѣста. Оставшееся бѣдное населеніе хошуна уже обложено, точно такъ же какъ и въ Арохорчинскомъ хошунѣ, пошлиной. При продажѣ крупнаго и мелкаго скота и лошадей съ каждаго вырученныхъ 100 ланъ взимается 3,53%. Пошлина, собираемая китайскими чиновниками, пребывающими при хошунныхъ ямыняхъ, поступаетъ на усиленіе китайской казны. Помимо китайскаго обложенія, населеніе хошуна ощущаетъ и тяжесть княжеской подати, отъ которой не избавлено и духовенство низшихъ ранговъ, обязанныхъ вносить 7—8 ланъ ежегодно и которая положительно разоряетъ неимущихъ монголь. Добравшись до колодца Магу-нохай я, протрившись съ ламой, остановился на ночлегъ.

25 Юля. Ранній отъѣздъ, въ виду неисправности колесныхъ спиць, пришлось отложить. Прилегающая песчаная мѣстность, лишенная подножнаго корма, напоминала пустошь; на всемъ пространствѣ, доступномъ для глазъ, кое-гдѣ торчали брошенныя жилища, за исключеніемъ двухъ укрѣпившихся подлѣ колодезнаго источника. Въ промежуткѣ времени исправленія телѣгъ, я посѣтилъ пріютившихся здѣсь туземцевъ, осѣвшихъ одинъ—въ силу нищеты, а другой, побогаче,—открылъ опіекурильню и наличностью нѣсколькихъ молодыхъ монголокъ поддерживаетъ знакомство съ ламами и китайцами. Опіекурильня прекрасно обставлена и въ числѣ украшеній на видномъ мѣстѣ вывѣшенъ портретъ регента Чуня и наслѣдника трона Поднебесной имперіи. Протрившись съ мѣстными обывателями, мы поѣхали дальше. Къ закату солнца мы, переѣхавъ болотистыя мѣста, вышли на дорогу, ведущую изъ гор. Чифынъ въ гор. Тао-пань-фу. По сторонамъ дороги та же картина—на равнинной степи, при отсутствіи населенія, чернѣли груды развалинъ туземныхъ жилищъ. Поздно вечеромъ, оставивъ въ сторонѣ нѣсколько группъ монгольскихъ юртъ Хара-бэйлэ*), мы подошли къ границѣ хошуна Чжасту-вана, гдѣ при пограничномъ пунктѣ—каменномъ обо, остановились на ночлегъ. Пройденный хошунъ Хорчинъ Тушетъ-цинъ-вана, занимая площадь земли:

*) Званіе Хара-гуна пожаловано монголу со степ. Тай-чжи I ст. за услуги передъ китайскимъ правительствомъ въ 1900 году.

съ запада на востокъ не свыше 69 верстѣ, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, по теченію рѣки Холень-голь, несущей свои воды къ югу, не болѣе 400 ли, составляетъ 22 сомуна.

26 Юля. По утру, вступивъ въ предѣлы хошуна Чжасту-вана, рельефно сказалось наличие переселенцевъ: заимки или проще сплошныя усадьбы, обнесенныя глинобитными заборами, примкнутыми къ сплошнымъ пашнямъ, своимъ видомъ подтверждали, что земледѣліе и землевладѣніе получило полное развитіе на монгольскихъ пастбищахъ благодаря приливу переселенцевъ Мукденской и Чжилійской провинцій и Монголь-Чжасту сейма. Крупными землевладѣльцами, помимо казны, являются также торговля фирмы, князья и чиновники гор. Мукдена и Пекина, въ рядахъ которыхъ насчитываются собственники нераздѣльныхъ участковъ земли, площади которыхъ опредѣляются квадратами сторонъ отъ 5 до 15 въ ширину и отъ 20 до 50 ли въ длину, или числомъ фановъ, доходящихъ до 1000. Земля, смотря по качеству почвы и другихъ угодій, расцѣнивалась отъ 2 ланъ 2 цянѣй до 4 ланъ за 1 шанъ*), причѣмъ въ оцѣнку входили только земли, пригодныя для земледѣлія, что же касается обрѣзныхъ земель: болотъ, песковъ, выгоновъ и т. п., то таковыя, исключаясь изъ общей площади, какъ не имѣющія цѣны, поступаютъ въ бесплатное пользованіе покупателейъ. Удобныя для земледѣльства участки земли, представляя преобладающую часть изъ общей площади, скуплены преимущественно китайцами, колонизаторы же монголы, выходцы хошуновъ: Харчинъ-ванъ, Ма-гунъ, У-гунъ, Монгол-чжинъ и Тумете-Чжасоту сейма, будучи лишены права приобретать земли изъ первыхъ рукъ, являются перекупщиками, и то небольшихъ участковъ, но больше всего арендаторами. Деньги, вырученныя отъ продажи монгольскихъ земель, передавались въ колонизаціонное бюро гор. Тао-панъ-фу, какъ бы на погашеніе княжескихъ долговыхъ обязательствъ. Собственники земли князя будто бы получили ничтожную долю денегъ за ихъ земли, насильно отобранныя подъ колонизацію. Нахлынувшая колонизаціонная волна, снимая то или иное количество земли, умѣло обрабатываетъ поля подъ культуру гаоляна, мелкаго проса (гуцза), кукурузы, гречехи, масличныхъ бобовъ, кунжута, пшеницы и огородныхъ овощей. Площади земли съ отмѣннымъ плодородіемъ, не требуя удобрения, превратились въ сплошныя безъ названія поселенія колонизаторовъ, прочно осѣвшихъ въ краѣ, благодаря правительственнымъ субсидіямъ на первоначальное обзаведеніе. Крупные собственники земли сдаютъ свои земли въ аренду и арендная плата натурою зерна, въ зависимости отъ качества почвы, колеб-

*) 1 му равенъ 133 кв. саж., 1 шанъ=10 му, 1 фанъ=45 шанамъ, 1 ли=268 саж., 1 ланъ серебра по теперешней валютѣ=1 р. 25 коп.

лется отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{3}$ урожая, но въ силу земельной нужды аренда уже возвысилась до половины урожая. Арендные контракты, обусловленные правомъ той или другой стороны по истеченіе срока отказать отъ продолженія обязательства, преимущественно годовичные. Въ моментъ совершенія контракта по арендѣ земли, арендаторъ вноситъ поземельный налогъ въ мѣстное поселковое управление за первое полугодіе деньгами, за второе же—собраннымъ урожаемъ, преимущественно пшеницей, бобами и просомъ. Размѣръ поземельнаго налога за 1 шанъ хорошей земли опредѣленъ 2000 чоховъ*) въ китайскую казну и въ пользу хошуннаго князя, коему, въ видѣ привилегіи, взаменъ обычной народной подати, предоставлено право взимать съ жителей своего хошуна, изъявившихъ желаніе обрабатывать его землю, за каждый шанъ воздѣланнаго поля также 600 чоховъ. Выручка отъ продажи хошунной земли и установленный земельный налогъ, видимо, составили внушительные капиталы, часть которыхъ, надо думать, покрываетъ расходы по колонизаціи съ осуществленіемъ различныхъ мѣропріятій по устройству и улучшенію дорогъ, содержанію администраціи и насажденію гордовъ, а остальное идетъ на организацію и обученіе по европейскимъ образцамъ войскъ, предназначенныхъ къ размѣщенію въ хошунѣ въ пунктахъ, важныхъ въ тактическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ, чѣмъ и возможно будетъ окончательно уничтожить сопротивление туземцевъ, превращая, такимъ образомъ, пустоши Монголіи въ обработанныя поля.

26 Іюля. Заночевать при дер. Сань-цзя-цзы, мы, зигзагообразно двигаясь между воздѣланными полями, подошли къ рѣкѣ Чжеримъ-голь, впадающей въ рѣку Тао-эр-хэ и, спускаясь внизъ по ея теченію, достигли политическо-экономическаго центра—гор. Тао-нань-фу, являющагося ключемъ развитія интересовъ Китая на сѣверо-восточныхъ пустыряхъ Монголіи. Когда я приближался къ областному городу, у меня не было желанія сдѣлать остановку въ чертѣ города, но случившееся несчастье—сломалось колесо, послужило для меня счастьемъ. Кое какъ добравшись до западной городской стѣны, я остановился въ пригородной деревнѣ. Подъ вечеръ, когда мы устроились для нѣсколькихъ дней пребыванія, къ нашей стоянкѣ собрались дѣти, женщины и мужчины, преимущественно монголы, которые принесли намъ молока, сыру, яицъ, картофеля, огурцовъ и проч., съ цѣлью продать или обмѣнять на русскіе товары. Путемъ покупокъ съѣстныхъ припасовъ мы завязали знакомства съ

*) Расцѣнка лана и доллара на 26—29 іюля 1909 г. въ гор. Тао-нань-фу: 1 ланъ серебра=6750—6680 чоховъ; 1 долларъ Бэй-да-ян=пекинскій 4200—4150 чоховъ; доллары Гириной провинціи расцѣнивались ниже, благодаря недоброкачественности серебра.

однимъ ламою и монголомъ—учителемъ мѣстнаго деревенскаго училища. Въ краткомъ и отрывочномъ разговорѣ новые знакомцы, уходя домой, согласились приходить къ намъ по ночамъ и повѣдать мнѣ о дѣйствіяхъ китайцевъ по колонизаціи ими монгольскихъ земель сосѣднихъ хошуновъ. Въ первую ночь пришелъ учитель, который сообщилъ, что заселеніе монгольскихъ пустошей здѣсь и къ сѣверной границѣ хошуна ведется путемъ устройства военныхъ поселеній; съ приходомъ новоселовъ открываются школы и учреждаются присутственныя мѣста. Административныя учрежденія, на которыя возложена забота о распредѣленіи переселенцевъ, преслѣдованіе самовольныхъ распашекъ земель пришлыми людьми, намѣчаютъ пункты осѣдлости, размежевываютъ между поселенцами земли и взимаютъ аренду; школы общія для дѣтей мѣстнаго и пришлаго населенія, причемъ на ряду съ преподаваніемъ сельскаго хозяйства, исторіи и географіи—изученіе китайскаго и маньчжурскаго языковъ, безразлично для дѣтей китайцевъ и монголь, считается обязательнымъ; что же касается изученія монгольскаго языка, то это предоставлено желающимъ. Преподавательскій персоналъ сельскихъ школъ пополняется только китайцами и среди нихъ рѣдкое исключеніе составляютъ монголы южныхъ хошуновъ. Каждая китайская деревня съ горстью монголь-земледѣльцевъ, составляющихъ отдѣльное поселеніе, имѣетъ мѣстное управленіе и судъ. Представителями административной и судебной власти являются всюду китайцы; при разборѣ всякихъ дѣлъ—правъ или виновать китаецъ, безразлично, по большинству обвиняется оставшійся туземецъ-монголь. Лучшіе и болѣе плодородные участки пустырей перешли въ руки вліятельныхъ китайцевъ и маньчжурскихъ князей, среди которыхъ есть собственники свыше 10000 шановъ земли, взятые въ счетъ погашенія хошунныхъ долговъ. Туземное населеніе, оставленное въ рѣдкихъ случаяхъ для воздѣлыванія полей, вынуждено, лишившись лошадей и скота по низкой принудительной цѣнѣ, перекочевать въ горы. Монголы-земледѣльцы обязаны излишекъ хлѣбныхъ злаковъ продавать только въ правительственные ямыни,—продажа на сторону воспрещена. Монголы-поселенцы соблюдаютъ китайскіе праздники; для выполненія религіозныхъ требъ, ламамъ, численно преобладающимъ надъ мірянами, разрѣшено устранивать кумиреньки въ своихъ фанзахъ. Монголь-учитель, прощаясь, спросилъ: „если монголы станутъ въ ружье на защиту своихъ земельныхъ правъ, русскіе помогутъ ли нѣтъ?“

27 Іюля. Сегодня весь день исправляли телѣгу, да и отлучиться нельзя было, такъ какъ возлѣ нашей палатки китайскія власти поставили карауль, зорко наблюдающій за всѣми нашими движеніями и работами. Карауль стоялъ

молча, какъ истуканъ. Наличность караула и устраненіе праздновающихся монголь, предвѣщало что то неладное, однако мы, не потерявъ присутствія духа, занимались своими дѣлами и, чувствуя усталость, зѣвая, на заходѣ солнца легли спать. Карауль, убѣдившись, что мы отдались непробудному сну, исполнялъ свой долгъ службы не такъ долго и послѣ тщательнаго наружнаго осмотра и ощупыванія нашихъ вещей, ушелъ. Пользуясь отсутствіемъ наблюденія, я, выждавъ лучшей моментъ, наскоро разобравъ ящики, вынулъ всѣ замѣтки и записи по пройденному мною пути и все это частями держалъ при себѣ.

28 Іюля. Утромъ на глазахъ тотъ же карауль. Закончивъ исправленіе телѣри, мы, поддерживая разговоръ на языкѣ, понятномъ для стражи, приступили къ сортировкѣ и укладкѣ вещей; вниманіе сторожевого поста было сосредоточено почти на каждой нашей вещицѣ и когда мы коснулись перекладки книгъ, то охрана куда то отлучилась. Пользуясь отсутствіемъ наблюденія, мы все сомнительное вложили: кое какія книги и бумаги въ сухарный мѣшокъ между сухарями, современное оружіе и къ нему патроны—на дно кухонной карзины, прикрывъ сверху разными съѣстными припасами и посудой. Въ общемъ, до возвращенія часового съ другимъ еще китайцемъ получилась картина—въ продырявленные сухарные мѣшки, уложенные какъ и раньше открыто, уже были втиснуты документы и бумаги, а на дно корзины уложены револьверы, винчестеръ и патроны, если же смотрѣть въ кухонную корзину, то кромѣ принадлежностей кухни, ничего не видно. Устроивъ перекладку вещей, я, придѣвшись, рѣшилъ пойти въ городъ и за одно представить свои документы мѣстному управленію. Предупредивъ своихъ спутниковъ и условившись въ отвѣтахъ, я отправился въ городъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ по дорогѣ къ городу, я увидѣлъ конныхъ китайскихъ всадниковъ, направлявшихся мнѣ навстрѣчу. Какъ только я встрѣтилъ всадниковъ, меня одинъ изъ нихъ остановилъ съ вопросомъ: „куда вы идете?“ Мой отвѣтъ—„въ ямынь представить свои документы“. „А! вы русскій, мы къ вамъ въ гости“.—„Прощу пожаловать“. И съ этими словами я вернулся обратно, назадъ къ своей палаткѣ. Прошенные гости съ первыхъ словъ разговора на китайскомъ языкѣ просили меня показать имъ мои документы. Удостоверившись въ правильности документовъ, одинъ изъ почетныхъ гостей, который впоследствии оказался завѣдывающимъ мѣстнымъ топографическимъ отдѣломъ, сказалъ: „теперь я съ вами буду говорить по-русски, хотя вы и статскій, вѣроятно, по пути слѣдованія черезъ Монголію дѣлали замѣтки, можетъ быть у васъ есть какіе нибудь переводы и прочее, относящееся къ Монголіи, я, по приказанію мѣстнаго губернатора Чжи-

фу, долженъ осмотрѣть ваши вещи“. Я, охотно уступая требованію властей, снова завѣривъ, что цѣль моей поѣздки — практическое изученіе языковъ, предоставилъ полную свободу осмотрѣть мои вещи. Были на выборъ вскрыты дорожные ящики, осмотрѣны вещи, ощупаны сухари, заглянули въ корзину, поинтересовались двумя берданами и китайскіе чиновники пришли къ убѣжденію, что мой грузъ есть чисто дорожный и нѣтъ основаній предполагать, что я въ пути чѣмъ либо занимался. По окончаніи осмотра гостямъ былъ предложенъ чай. Во время чаепитія мое пристанище оживилось, — начали стекаться дѣти и взрослые съ предложеніемъ продать куриныхъ яицъ и огородныхъ овощей. Собравшихся ротозѣевъ и продавцевъ было мало — много — трудно установить, но, въ общемъ, передъ входомъ въ мою палатку стояла живая стѣна. Не знаю къ чему отнести, или къ собравшейся толпѣ, или къ намъ, — одинъ изъ чиновниковъ, который за все время пребыванія у меня въ гостяхъ и нахальнаго имъ осмотра моихъ вещей, не проронилъ ни одного звука, наконецъ, на прощаніе нарушилъ молчаніе и, обращаясь къ мѣстному собравшемуся населенію, сказалъ: „этому иностранцу ничего не продавать и не давать, нарушившіе же это будутъ строго наказаны“. На гуманное отношеніе мѣстныхъ властей и отказъ довольствоваться необходимымъ, другими словами — на желаніе заставить меня переѣхать въ городъ, поселиться въ гостиницѣ и быть связаннымъ по рукамъ и ногамъ, мнѣ оставалось одно, поблагодарить чиновника и добавить: „будучи связанъ животными, нуждаясь въ подножномъ кормѣ, бивучная жизнь, дешевле, чѣмъ городская, я привыкъ быть подъ открытымъ небомъ, мнѣ и здѣсь хорошо“. Чиновники съли на лошадей, захвативъ съ собой и караулъ, уѣхали домой, а мы принялись стирать объѣдъ. Послѣ объѣда я, желая отдать визитъ только что бывшимъ у меня гостямъ, отправился въ городъ съ цѣлью познакомиться съ его жизнью.

Областной городъ Тао-нань-фу, области того же наименованія, являясь высшимъ административнымъ центромъ и въ отношеніи другихъ уѣздныхъ городовъ, созданныхъ на колонизированныхъ земляхъ сосѣднихъ въ отношеніи Чжаосту-вана, хошунахъ Тушэту-цинъ-вана, Тушэть-гуна (Сыгуна) и южнаго Горлоса, расположенъ въ 2½ верстахъ отъ праваго берега рѣки Тао-эр-хэ. Гор. Тао-нань-фу, представляя площадь 25 ли въ квадратъ, обнесенную канавой и валомъ сплошной профили, со времени основанія въ 1905 г. въ данное время больше чѣмъ на половину уже застроенъ. Городская жизнь, по первому взгляду, та же, что въ прочихъ китайскихъ городахъ — полна разнообразія. Широкия городскія улицы съ рядомъ торговыхъ лавокъ, пестрящихъ все-

возможными вывѣсками, полна сутолоки: тутъ продають, тащатъ куда-то кожи, шерсть, везуть зерно, ткуть, чинятъ, варятъ, пекутъ, бреютъ головы, раздувають кузнечные мѣха—раздается стукъ молота и звонъ желѣза. Большинство городскихъ построекъ сооружены изъ глины и кирпича. Изъ зданій, обращающихъ на себя вниманіе своей красотой, можно отмѣтить колонизаціонное бюро и по солидности постройки—административныя учрежденія: разные ямыни, школы, телеграфную контору, таможную, французское миссіонерское подворье, казармы, маслобойни, водочные (ханшинные) заводы, шерстобитныя заведенія и проч. Въ общемъ, городъ, имѣя бойкій и оживленный видъ, представляетъ торговца-китайца въ натурѣ. Чтобы закончить торговую физіономію улицъ и китайскихъ лавокъ, переполненныхъ всевозможными китайскими, американскими и японскими товарами, нужно отмѣтить, что на рынкѣ встрѣчается и русская мануфактура: молескинъ разныхъ цвѣтовъ, плисъ, ситцы, преимущественно синихъ цвѣтовъ, стеариновыя свѣчи, желтое и синее мыло, папирсы фабрикъ: Кушнарѣва, Асмолова, Богданова и Асланиди, среди которыхъ наибольшимъ спросомъ пользуются папирсы „казакъ“ фабр. Кушнарѣва, какъ имѣющіе лучший сортъ табаку, чѣмъ рекламируемая „черкесь“, „геркулесъ“ и особенно „красная дѣвица“, разные сорта водки, наливки, запеканки, керосинъ и мука. Русскіе товары, поступающіе на рынокъ изъ Харбина и Цицикара, появились сравнительно недавно и распространеніе ихъ весьма ограниченное, отчасти благодаря конкуренціи, малому спросу по незнанію и высокой ихъ разцѣнкѣ мѣстными кушачами, выходцами изъ города Мукдена и Инькоу. Распространеніе русскихъ товаровъ, въ сравненіи съ другими иностранными товарами, хотя и незначительно, но при наличности сроста особенно потребителей низшаго и среднего слоя населенія, нѣкоторые русскіе товары имѣютъ шансы вытѣснить съ рынка американскіе и японскіе товары. Рынокъ, самъ по себѣ, пока малъ какъ по вывозу, такъ и по своей потребительной емкости, однако, при наличности въ будущемъ желѣзной дороги изъ Синь-минь-фу черезъ Тао-нань-фу въ Цицикаръ, правильнаго воднаго движенія по Тао-эрхэ и Нони и слѣднаго заселенія монгольскихъ пустошей гор. Тао-нань-фу, безспорно быстро разовьется и по оборотамъ торговли, явится крупнымъ торговымъ центромъ въ сѣверо-восточномъ углу Монголіи. Въ числѣ административныхъ учрежденій нужно отмѣтить: управленіе областного начальника Чжи-фу съ топографическимъ отдѣломъ по съемкѣ монгольскихъ пустошей (Фын-тянь-тао нань-ту-ци-ман хуан-син-цзюй-хуй ту-чжан-лян-кэ). Китайскіе топографы, числомъ 12 человекъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ мѣстнаго топографа Ши-бао Чжень, готовятъ отчет-

изъ среды китайцевъ новые кадры правовѣрныхъ. Въ общихъ чертахъ, новая область Мукденской провинціи, Таонань-фу, созданная на территоріи восточной Монголіи, расположенная въ узлѣ дорогъ съ сплошнымъ населеніемъ китайцевъ, не рѣдко владѣющихъ русскимъ языкомъ, — представляетъ военное поселеніе.

Время склонялось уже къ вечеру. Я, сопровождаемый патающимися голыми карапузами-китайчатами, послѣ краткаго знакомства съ городомъ, слѣшилъ зайти еще въ ямынь и оффиціально предъявить свой паспортъ. На пути къ ямыню Чжи-фу, я неожиданно встрѣтилъ двухъ японцевъ съ фотографическимъ аппаратомъ въ рукахъ; одинъ изъ нихъ, въ форменной курткѣ и походныхъ сапогахъ, оставивъ своего товарища, подошелъ ко мнѣ, говоря: „здравствуйте, пожалуйста стойте“; я, не отвѣчая на привѣтствіе, видя, что спутникъ подошедшаго японца наводитъ на меня фотографическій аппаратъ, снялъ свою шляпу, закрылъ ею свое лицо и прошелъ мимо любителей-фотографовъ. Представился Чжи-фу, который принялъ меня крайне сухо. Простившись съ губернаторомъ, я, желая отдать визитъ вчерашнимъ моимъ знакомымъ ямыньскимъ чиновникамъ, имѣлъ случай побывать въ управленіи топографовъ и познакомиться съ казарменнымъ расположеніемъ областныхъ войскъ. Въ разговорѣ областной начальникъ Сунъ совѣтовалъ мнѣ, въ виду полноводья рѣки Тао-эр-хэ и отсутствія какой либо переправы, лучше предпринять обратное движеніе вверхъ по теченію рѣки, что бесспорно сократитъ путь къ намѣченному заранее пункту. Вернувшись совершенно усталымъ къ своему пристанищу, я остатокъ дня провелъ частью со своими компаніонами по путешествію, частью въ собесѣдованіи съ мѣстными деревенскими монголами, которые немало говорили горькихъ истинъ по адресу своихъ хошунныхъ князей, упоенныхъ собственной славой и блескомъ, совершенно забывшихъ о судьбѣ своихъ батраковъ.

29 Іюля. Послѣ ранняго завтрака мы приступили къ сборамъ для дальнѣйшаго движенія, но около 11 часовъ наша работа была приостановлена; на 4 китайскихъ телѣгахъ, при соответствующемъ вооруженномъ китайскомъ конвоѣ, подѣхали къ намъ какіе то путешественники, которые, поравнявшись съ нашимъ пристанищемъ, остановили свои телѣги, сфотографировали нашихъ верблюдовъ и подошли къ намъ. Неожиданные гости — четыре японца, одѣтые въ статское платье, послѣ наружнаго осмотра нашихъ вещей, предложили нѣсколько вопросовъ на русскомъ, китайскомъ, монгольскомъ и англійскомъ языкахъ: откуда, куда и черезъ какіе хошуны мы проѣхали. На столь скромное желаніе японцевъ освѣдомиться о нашемъ путешествіи мы, какъ одинъ, пожимали плечами и мимикой давали понять, что

разговоръ на вышеприведенныхъ четырехъ языкахъ для насъ непонятенъ. Видя такое положеніе, одинъ изъ японцевъ пожелалъ было еще насъ сфотографировать, но мы, оставивъ свою палатку и вещи, перешли за находящуюся тутъ же, развалившуюся глинобитную стѣну и, не имѣя другого исхода, стояли спиной къ группѣ японскихъ фотографовъ. Японцы, сфотографировавъ наше стойбище, возвратились къ своимъ телѣгамъ, записавъ что то каждый въ отдѣльности въ записныхъ книгахъ, поѣхали на западъ, въ направленіи къ хошуну Туше-ту-цинъ-вана. Указанные японскіе туристы, встрѣтивъ недалеко отъ насъ полевыхъ рабочихъ, подробно спрашивали у нихъ: откуда, куда ѣдемъ и какой мы національности, но отвѣты ихъ опять таки не могли удовлетворить японскую любознательность. Монголы, разставшись съ японцами, подошли къ намъ и вмѣстѣ съ другими монголами, собравшимися около насъ, махнувъ рукой, недовольнымъ тономъ свидѣтельствовали, что за послѣдніе два года замѣчается наплывъ японцевъ, которые въ разныхъ направленіяхъ шляются по хошунамъ съ цѣлью врачеванія населенія, распространенія своихъ товаровъ, собиранія естественно-историческихъ коллекцій или просто живутъ при китайскихъ лавкахъ города Тао-нанъ-фу.

30 Юля. Сегодня, послѣ ранняго завтрака, мы возобновили дальнѣйшее движеніе къ рѣкѣ Нонни (Хей-лунъ-цзянь или Хара-мурень). Прокладывая себѣ путь по извилистой полевой дорогѣ, вдоль которой тянулись телеграфные столбы на Цицикаръ, мы, приблизительно, черезъ часъ времени достигли рѣки Тао-эр-хэ, гдѣ рѣка, благодаря своей ширинѣ, быстротѣ теченія и неизвѣстной глубинѣ, дѣлаетъ рискованную переправу на двухъ, связанныхъ вмѣстѣ, долбленыхъ и продырявленныхъ лодкахъ. Проводникъ увѣрялъ, что здѣсь, въ мѣстѣ нашей остановки, китайцы всегда совершаютъ перевозъ грузовъ черезъ рѣку. Весьма возможно, что китайцы когда либо, при наличности лучшихъ перевозочныхъ средствъ, и совершали здѣсь переправу, но въ данное время это было почти невозможно; замѣтивъ это своему проводнику, я просилъ его найти или указать лучшую переправу выше или ниже по теченію рѣки, но вожакъ категорично заявилъ, что здѣшняя переправа является наилучшей изъ всѣхъ переправъ рѣки Тао-эр-хэ.

И такъ выходило, что, сдѣлавъ лишь небольшой переходъ отъ гор. Тао-нанъ-фу, мы, за отсутствіемъ переправы, вынуждались остановиться дневать, но мѣстные туземцы, хотя и не съ такой откровенной сердечностью, какъ то замѣчалось прежде, сообщили, что на рѣкѣ, вверхъ по теченію, гдѣ то строится черезъ нее деревянный мостъ. Охотно вѣря переданнымъ свѣдѣніямъ о наличности переправы, мы пошли вдоль праваго берега рѣки по плодородной равнинѣ, со-

вершено утратившей свой первобытный степной характер. Рѣчная долина, благодаря выгодному составу почвы, мѣстами съ прослойками чернозема, съ наплывомъ переселенцевъ-китайцевъ, по богатству земледѣльческой культуры и густотѣ населенія, мало чѣмъ отличается отъ сосѣднихъ Мукаденской и Гиринской провинцій. Хлѣбныхъ злаковъ—гаоляна, проса (гу-цза), кукурузы, бобовъ и кормовыхъ травъ родится съ избыткомъ. Послѣ малаго перехода мы дѣйствительно, противъ гор. Тао-нань-фу, наткнулись на деревянный, но еще не вполне законченный мостъ. Остановившись подлѣ моста, мы, не теряя времени, условились относительно переправы, причемъ за переѣздъ трехъ запряженныхъ подводъ наблюдающій за постройкой моста нахально требовалъ русскими деньгами 30 рублей. Послѣ долгихъ переторжекъ, наконецъ, китайцы пошли на милость и намъ надлежало только уплатить 10000 чоховъ. Общими силами сдѣлали соответствующую настилку моста и приступили къ переѣзду, но не тутъ то было—китайцы, видя наше безвыходное положеніе, не соглашаясь съ заранѣе условленною платою, настойчиво требовали 100 рублей и только послѣ такого вознагражденія допускали намъ переѣздъ по мосту на лѣвый берегъ рѣки. Такого рода дѣйствія клеветовъ мѣстнаго губернатора ясно показали, что и здѣсь, хотя наружно и оказывался намъ извѣстный почетъ и, по азіатскому обычаю, привѣтливый поблажки, но необходимо быть на сторожѣ. Поэтому прежде всего мы ближе сдвинули свои телѣги, усилили наблюденіе и запретили праздношатающимся китайцамъ подходить и ошупывать наши вещи. Въ силу всѣхъ этихъ данныхъ я, отложивъ попытку переправиться черезъ рѣку Тао-эр-хэ, отправился къ губернатору съ просьбой оказать мнѣ какое либо содѣйствіе въ переправѣ, но мѣстный губернаторъ, прикидываясь прежде всего незнаемъ устройства переправы, потомъ яко-бы смутно припоминая о какомъ то частномъ мостѣ, отказался воздѣйствовать на строителей моста, мотивируя это тѣмъ, что мостъ еще не принятъ для общаго пользованія и, наконецъ, снова совѣтовалъ мнѣ, въ виду отсутствія постоянной переправы, двигаться или внизъ, либо слѣдовать вверхъ по теченію рѣки, пока, быть можетъ, гдѣ нибудь съ трудомъ не удастся ли переправиться. Намѣченный губернаторомъ направленія движенія вверхъ или внизъ по рѣкѣ Тао-эр-хэ являлись для меня совершенно безцѣльными и я, пожелавъ губернатору всего хорошаго, вернулся къ своему бивуаку въ сопровожденіи ямыньскаго чиновника, командированнаго для вразумленія китайцевъ, наблюдающихъ за постройкой моста. Прибывшій чиновникъ, конечно, не могъ убѣдить строителей и всѣ его, яко бы грозныя, требованія сводились къ чистому вздору,—завѣряя насъ, что при настоящей

быстротѣ теченія рѣки и относительной ея глубинѣ здѣсь возможно переправиться только вплавь. Предчувствуя горькую истину, какъ затруднительно будетъ совершать переправу, мы обратились съ просьбой предоставить въ наше распоряженіе мѣстную лодку, чтобы попробовать возможность переправы черезъ рѣку. Лодка внѣшнимъ своимъ видомъ напоминала обыкновенную ладью, съ той лишь только разницей, что позволяла по своей длинѣ установить двѣ—три телѣги, имѣя колеса прижатые къ наружнымъ бортамъ лодки. Перевозъ телѣгъ и вещей при помощи перебросеннаго черезъ рѣку веревочнаго каната совершили скоро и безъ всякихъ затрудненій, что же касается перевоза верблюдовъ черезъ быстро текущую, глубокую даже съ береговъ, рѣку, то неуклюжіе верблюды неохотно входили въ лодку, а если это, послѣ достаточнаго понуканія, и удавалось,—лодка, приводимая въ движеніе дѣйствіемъ воды, удалялась отъ берега и животное, имѣя половину своего тѣла въ лодкѣ, а остальное на берегу, опрокидывало лодку и падало въ воду. Однако, продѣлавъ нѣсколько разъ эту процедуру, удалось ввести и положить на дно лодки и перевезти на другой берегъ одного верблюда, а затѣмъ такимъ же образомъ переправили черезъ рѣку и остальныхъ верблюдовъ. Такъ мы переправились на лѣвый берегъ рѣки Тао-эр-хэ. Большія услуги при переправѣ оказали мѣстные монголы, которые, получивъ за свой трудъ три доллара, на прощанье сообщили, что намъ нужно быть осторожными на всякій случай. Вскрѣвъ мы узнали, что услужливые монголы, будучи лишены возможности переправиться обратно черезъ рѣку или просто пройти по мосту, вынуждены были подѣлиться съ китайцами полученнымъ ими отъ насъ вознагражденіемъ.

Рѣка Тао-эр-хэ—одинъ изъ главныхъ правыхъ западныхъ притоковъ рѣки Нонни, беретъ начало въ горахъ Чи-эр-лин (отроги Большого Хингана). Верховье рѣки со множествомъ небольшихъ рѣчекъ и ручейковъ, въ нее впадавшихъ, обильно орошая горную область, по причинѣ быстроты теченія неудобно даже для сплава; на остальномъ же протяженіи, неся свои воды по равнинной долинѣ, особенно ниже города Тао-нань-фу, благодаря своей глубинѣ и увеличивающейся ширинѣ (свыше 35 сажень), становится доступною для движенія небольшихъ плоскодонныхъ судовъ и джонокъ. Глубина рѣки у верховья Му-шуй-цзюйской заставы и у города Тао-нань-фу весьма различна—отъ 1½ до 7 аршинъ, течение быстрое, ложе извилистое, берега, утопающіе въ прекрасной луговой травѣ или хлѣбныхъ злакахъ,—плоскіе; въ отношеніи доступности для переправы, рѣка въ весьма рѣдкихъ пунктахъ бываетъ проходима вбродъ. Дѣло сооруженія деревяннаго моста на рѣкѣ про-

тивъ города Тао-нань-фу поставлено прочно и на широкую ногу и съ открытіемъ моста для пользованія установится болѣе правильное грузовое сообщеніе по ввозу товара и вывозу зерна и монгольскаго сырья.

Закончивъ переправу, мы, напившись чаю, поѣхали дальше.. Сначала версть 5, пока не вышли на почтовую дорогу, шли все пашнями; здѣсь такъ же, какъ и на правомъ берегу рѣки, всюду разбросаны китайскія фанзы, окруженные сплошными полями, засѣянными разными клѣбными злаками. Солнце пряталось за горизонтъ и мы, выйдя изъ пашень, среди степи, недалеко отъ ханшиннаго завода, остановились почевать.

31 Юля. Рано утромъ поѣхали дальше. На первой половинѣ пути приходилось много разъ пересѣкать пашни, засѣянные бобами, гречихой, кукурузой, гаолянотъ, просотъ, а также миновать чередующіяся по сторонамъ дороги отдѣльные китайскія заимки со скирдами топлива и сухого фуража. Разбросанные всюду китайскія селенія со своими глиняными и мѣстами кирпичными фанзами поражаютъ своимъ благоустройствомъ и также сравнительно недавнимъ возникновеніемъ. Общая картина долины лѣваго берега рѣки Тао-эр-хэ характеризуется прочнымъ осѣданіемъ земледѣльческаго элемента, особенно китайцевъ, прилагающихъ всѣ усилія къ тѣснѣйшему сплоченію своихъ собратьевъ, монголь же, усвоившихъ земледѣльческую культуру, сплошь и рядомъ ставятъ въ отношеніи землепользованія въ тѣсную зависимость отъ китайцевъ на арендныхъ только началахъ. Послѣ того, какъ мы прошли деревню Лю-цзя-цзы, обнесенную глинобитною стѣною и обладающую школой, при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи, оставляя въ сторонѣ ханшинный заводъ, селенія и воздѣланные поля стали рѣдѣть. Деревня Лю-цзя-цзы составляетъ границу владѣній Чжа-сту-вана и Тушету-гуна (Сыгунъ). Пройденный Джа-сту-вана хошунъ, обнимая площадь земли вдоль средняго теченія рѣки Тао-эр-хэ съ запада на сѣверо-востокъ протяженіемъ не выше 55 верствъ и сѣверо-запада Мушуй-цзюйской заставы, на юго-востокъ выше 400 ли, составляетъ 16 сомуновъ.

1 Августа. Заночевавъ въ деревнѣ Баень-хуа (Карманто), мы поѣхали дальше. Естественныя условія угодій хошуна Тушету-гуна менѣе благоприятны для земледѣлія, чѣмъ сосѣдній Чжа-сту-вана хошунъ, тѣмъ не менѣе на болѣе лучшихъ по плодородію участкахъ земли обосновались китайцы, монголы же исключительно хошуновъ Харцинъ и Тушетэ, усвоившіе китайское земледѣліе, являются по большинству арендаторами. Земледѣліе хошуна, несмотря на недавнюю сравнительно колонизацію (съ 1905 года), достигло значительнаго развитія и среди разновидностей масличныхъ бобовъ воздѣлываютъ кунжутъ, пшеницу, просо, ячмень,

картофель, арбузы и огородные овощи. Излишек урожайных хлебных злаков транспортируется исключительно в гор. Тао-нань-фу. Первоначальная продажа одной десятины земли, лучшей по плодородию, расцѣнивалась не свыше 2½—3 ланг, нынѣ же, съ наплывомъ переселенцевъ, устремившихся сюда съ 1908 года, цѣнность земли—продажа и аренда и при томъ худшаго качества и вдали отъ торговых пунктовъ, значительно повысилась—вдвое—втрое. Арендныя условия и земельная подать тѣ же, что и въ хошунѣ Чжа-стувана, только монголы-переселенцы болѣе связаны разными налогами,—каждый земледѣлецъ-монголъ ежегодно уплачиваетъ своему князю подать—албу по 1 доллару за каждые 10 му воздѣлываемой имъ земли, кромѣ того, вноситъ за то же количество земли 2000 чоховъ въ китайскій ямынь и въ пользу князя, землю котораго онъ обрабатываетъ, 600 чоховъ, или долженъ доставить взамятъ двѣ мѣры лучшаго урожайнаго зерна. Для сбора разныхъ обложеній въ каждой болѣе или менѣе населенной деревнѣ приотились сборщики податей, которые, вымогая тѣмъ или инымъ путемъ китайскіе и княжескіе налоги, зачастую ставятъ земледѣльцевъ-монголъ въ положеніе открытой ненависти. Въ селеніи Баянъ-хуа, при особо устроенныхъ фанзахъ, расквартировано 40 конныхъ всадниковъ хошуна Тумэтэ, Аоханъ и Найманъ для сбора княжескихъ податей среди своихъ переселенцевъ-монголъ.

2 Августа. Съ восходомъ солнца мы двинулись дальше, причемъ хотя намъ и попадались, но мѣрѣ движенія впередъ, отдѣльныя деревни и разбросанныя по обѣимъ сторонамъ дороги займки поселенцевъ, но таковыя оказались, за исключеніемъ Баторе и Цаганъ-нуръ, менѣе благоустроенными. Наличіе новыхъ усадьбъ и мало воздѣланныхъ пашни указывали, что колонизаторы только въ этомъ году переселись и площадь земли еще окончательно не распределена между арендаторами.

Кочевое туземное населеніе на пройденномъ пути совершенно отсутствуетъ—перекочевало на широкія и еще свободныя пастбищныя мѣста къ сѣверо-западу, въ предгорія Большого Хингана. Новоселы-китайцы и арендаторы—монголы, на ряду съ устройствомъ жилищъ, умѣло оживляютъ холмистый характеръ мѣстности чередующимися пашнями хлебныхъ злаковъ, табаку и масличныхъ растений. На ночь мы остановились при деревнѣ Ша-чжанъ-даба, населенной исключительно китайцами.

3 Августа. На развѣтѣ мы снова двинулись въ путь и, миновавъ большое дождевое озеро, подошли къ деревнѣ Гун-хуре, гдѣ, среди преобладающаго монгольскаго населенія, размѣщены китайскія полицейскія войска. Оставивъ деревню Гун-хурэ, мы прошли сначала по прекраснымъ паст-

бищамъ, прилегающимъ къ дорогѣ, затѣмъ по слегка песчаной стени, среди которой изрѣдка попадались пашни и поселенія и, наконецъ, достигли невысокихъ холмовъ Цаганъ-тэмэнъ, являющихся границей владѣній хошуновъ Тушетъ-вана (Сы-гунъ) и Чжалайтэ. Кочевья хошуна Тушетъ-вана (Сы-гунъ), разбросанныя къ сѣверу и къ югу отъ средняго течения рѣки Тао-эр-хэ, выставляютъ 16 сомуновъ. По перѣздѣ черезъ хошунную границу, къ сѣверу отъ дороги тянулась громаднѣйшая впадина, среди которой вдали виднѣлось озеро Хура, а къ югу, на слегка волнообразной песчаной мѣстности, кое-гдѣ обосновались поселенія. Вокругъ придорожныхъ селеній, подлѣ обработанныхъ полей, паслись небольшіе табуны лошадей, стада рогатаго скота и овецъ, хозяевами которыхъ были китайцы и монголы южныхъ хошуновъ. Рогатый скотъ крупнои породы, курдючныя овцы и рослая лошадь, при наличности русскихъ производителей, помимо своей роли въ хозяйственномъ быту населенія, разводятся и для продажи и на убой русскимъ скотопромышленникамъ. Проѣхавъ китайскую деревню Уланчжу, мы вступили въ небольшую полосу песковъ, пока не достигли широкой долины, среди которой съ отдѣльными поселками обосновалось двѣ подъ рядъ деревни (Минь-ань-тунъ) смѣшаннаго населенія китайцевъ и монголъ. Пройдя нѣкоторое разстояніе въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ большой Минь-ань-туньской деревни, гдѣ расквартированы китайскія войска, для разрѣшенія недоразумѣній между туземнымъ населеніемъ и колонизаторами, мы подлѣ отдѣльныхъ китайскихъ фанзъ остановились на ночь. Мѣстные переселенцы прочно осѣли на землю,—тщательно обработанныя поля подъ гаолянъ, табакъ, коноплю, бобы, кунжутъ и проч. все вмѣстѣ взятое свидѣтельствовало о большомъ трудолюбіи колонистовъ. Хотя расцѣнка для продажи хошунной земли состоялась сравнительно недавно (2—3 года тому назадъ), но, съ наплывомъ мелкихъ колонистовъ, владѣльцы значительныхъ пространствъ земли, совершенно прекративъ продажу пахотной земли, значительно повысили арендную плату, которая, взаменъ денегъ, взимается по большинству натурою — зерномъ, въ размѣрѣ половиннаго урожая. Производительность почвы, при условіи затраты энергіи и матеріальныхъ средствъ, вполне окупаетъ годичный земледѣльческій трудъ. Изъ хлѣбныхъ злаковъ, сверхъ упомянутыхъ выше, какъ приходилось подмѣтить, воздѣлывается макъ. Земельный налогъ тотъ же самый, что въ соседнихъ хошунахъ; болѣе плодородныя земли арендуются исключительно на срокъ не свыше года, воздѣлываніе же худшихъ земель и требующихъ большей затраты труда, предпочитается отдавать въ аренду на 2—3 посѣва. Излишекъ хлѣбныхъ продуктовъ направляется къ ближайшей рѣкѣ Нонни для сплава къ югу.

4 Августа. Дорога шла по холмистой мѣстности, мѣстами песчаной, мимо дождевыхъ озеръ, среди которыхъ наибольшимъ считается Цаганъ-нуръ. Немного не доходя уѣздаго города Тай-лай-ци-ченъ замѣтно увеличивались площади воздѣланныхъ полей. Намъ хотѣлось позавтракать, и мы, пройдя нарождающійся городъ, недалеко отъ заброшенной маслобойни остановились на полдникъ. Нужно сказать, что молодой городъ Тай-лай-ци-ченъ, съ примкнувшимъ къ нему плотно осѣвшимъ земледѣльческимъ населеніемъ, своимъ благоустройствомъ ничуть не отличается отъ прочихъ старыхъ китайскихъ городовъ. Главная улица города, съ чередующимися кирпичными и деревянными домами, обставлена магазинами, мастерскими и харчевнями, открытыми цѣлый день. Передъ дверями торговыхъ лавокъ и трактировъ шатаются ротозѣи—пѣшіе и конные монголы. Въ китайскихъ магазинахъ, переполненныхъ всевозможными товарами для простонародья, можно найти выборъ чайной посуды, шелковой матеріи, одежды, нюхательный табакъ и проч. предметы, пріуроченные для прихоти и роскоши монгольской аристократіи. Среди городскихъ торговыхъ помѣщеній имѣются: застава по сбору пошлинъ и податей, уѣздный ямынь и глинобитныя казармы, въ которыхъ размѣщено не болѣе 40 конныхъ китайскихъ всадниковъ, вооруженныхъ пятизарядными ружьями системы Маузера. Положеніе города считается прочнымъ. Естественныя условія прилегающей къ городу мѣстности характеризуются плодородіемъ, что вполне оправдываетъ затраты и усилія трудолобивыхъ колонистовъ, захватившихъ въ свои руки торговлю и свободныя монгольскія пустоши. Остановившись ненадолго въ Тай-лай-ци-ченѣ, мы поѣхали дальше по воздѣланнымъ полямъ, причемъ на пути намъ попадались въ разныхъ мѣстахъ небольшія деревни съ китайскими лавками, возлѣ которыхъ стояли обозы съ товарами купцовъ изъ Цицикара. Мѣстность, прилегающая къ сторонамъ дороги, нѣсколько мѣняетъ свою фیزیономію—обширныя долины отмѣчаются вздутіемъ небольшихъ холмовъ. Пройдя деревни Хучеръ и Барунъ-хай, мы, переправившись вбродъ черезъ рѣку Холдаръ-голь, достигли кумирни Табунъ-сумэ, гдѣ, возлѣ одиноко стоящихъ монгольскихъ дворовъ, остановились переночевать. Крошечная и незатѣйливой постройки кумирня, расположенная на возвышенномъ холмикѣ, благодаря своимъ храмамъ, окрашеннымъ въ бѣлый цвѣтъ, издали казалась замкомъ. Лишь только мы выпрягли изъ телѣгъ верблюдовъ и установили бивуакъ, какъ изъ ближайшихъ монгольскихъ фанзъ подошелъ къ намъ дѣтъ 14—15 мальчуганъ, который весьма наивно съ первыхъ словъ разговора предлагалъ намъ до заката солнца отправиться на ближайшее озеро и поудить тамъ рыбу. Когда это пред-

положеніе было отклонено, то онъ, оставаясь попрежнему внимательнымъ къ иностранцамъ, настойчиво просилъ купить у него молока или масла за наличныя деньги. Сопоставляя непонятное для меня предложеніе отправиться на рыбную ловлю къ какому то озеру, я намѣревался выяснитъ число взрослыхъ жителей-монголь, осѣвшихъ вокругъ моего стойбища, но смѣтливый развѣдчикъ категорически заявилъ, что здѣсь, при нѣсколькихъ фанзахъ кромѣ дѣтей и женщинъ никого нѣтъ, всѣ мужчины поѣхали осматривать луга для сѣнокосенія. Между тѣмъ на ближайшихъ монгольскихъ дворахъ то и дѣло черезъ глиняные заборы выглядывали взрослые монголы. Подозрѣвая неладное, мы, закончивъ ужинъ, приняли мѣры обороны, чтобы при случаѣ дать отпоръ. На закатѣ солнца къ намъ подошла монголка съ монголомъ, которые разспрашивали моего переводчика, куда мы ѣдемъ и какой воземъ товаръ. Искушеніе было слишкомъ велико, чтобы на насъ не поохотиться—три нагруженныхъ чѣмъ то подводы сопровождаютъ только 4 человекамъ. Наступившая ночь была облачная и темная, въ силу чего, скученно привязавъ лошадей, а также положивъ верблюдовъ, мы взяли оружіе и стали дожидаться нападенія. Первая смѣна прошла благополучно, но около 11 часовъ ночи послышался топотъ, но мы не тревожились, полагая, что кругомъ нашей стоянки бродитъ скотъ. Однако, спустя нѣкоторое время, судя по лаю собакъ, возможно было установить, что подлѣ нашего бивуака кто то развѣзжаетъ. Выждавъ удобное время, предупредили ружейнымъ выстрѣломъ шатающихся негодяевъ. Когда, такимъ образомъ, мы открыли стрѣльбу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашего бивуака загнукали какіе то монголы и, пришпоривъ своихъ лошадей, громко закричали: „стойте, не стрѣляйте“. Не ожидая подобной ночной встрѣчи, вѣроятно, рассчитывая застать насъ спящими, монголы круто повернули своихъ лошадей и послѣ нѣкотораго времени, раздѣлившись на три кучки, то и дѣло развѣзжали вокругъ нашего ночлега, выжидая удобный случай для нападенія. Часа черезъ два, замѣтивъ вдаль приближающійся въ нашу сторону огонекъ, мы изготовились, несмотря на свою малочисленность, встрѣтить ружейнымъ огнемъ подозрительныхъ людей. Влуждающій огонекъ, то приближаясь, то удаляясь, конечно, приковывалъ къ себѣ наше общее вниманіе, не ожидая нападенія съ противоположной стороны. Такъ и случилось. Одиночные всадники, отдѣлившись, надо думать, отъ ближайшей кумирни Табуиъ-сумѣ, сначала ѣхали по дорогѣ, затѣмъ по какимъ то соображеніямъ начали приближаться къ нашему стойбищу. Не ожидая момента, когда непрошенные гости подѣдутъ ближе, мы въ нѣсколькихъ шагахъ голосомъ предупредили не подѣзжать къ намъ, будемъ стрѣлять; удалъ-

цы, не обращая вниманія на предупрежденія, молча продолжали всетаки приближаться; мы произвели по нимъ нѣсколько выстрѣловъ,—толпа разбѣжалась и со стороны храбрецовъ раздался голосъ: „чи ямбаръ хара хун-байна“—ты какой естъ злой чѣловѣкъ. Теперь выяснилось, что насъ окружаетъ небольшая партія разбойниковъ и мы, на случай новаго нападенія, усиливъ мѣры предосторожности, залегли съ винтовками въ рукахъ по четыремъ сторонамъ нашего стойбища. Наше положеніе было обезпечено—телѣги и лежащіе верблюды представляли достаточное укрытіе. Не прошло и получаса времени, какъ съ противоположной стороны нашего наблюденія приблизилось пять всадниковъ, которые смѣло бросились на насъ съ цѣлью обогатиться нашимъ караваномъ, но наша дружная стрѣльба уже изъ 4 винтовокъ, вмѣсто прежней одной, живо вразумила нападающихъ, заставивъ ихъ отложить свои замыслы до болѣе благоприятнаго случая. Отбитые грабители скрылись, но фонарь попрежнему сигнализировалъ; вѣроятно на разсвѣтѣ разбойники еще разъ попробуютъ попытать свое счастье, поэтому мы, продолжая дежурить всю ночь напролетъ, усѣвшись на флангахъ бивуака, поджидали очереднаго нападенія. Облачныя тучи разсѣялись и скоро настало утро; мы, подбравъ гильзы стрѣлянныхъ патроновъ, поѣхали дальше. Трудно рѣшить, кто именно напалъ на насъ, но съ увѣренностью можно сказать, что никто иной, какъ ближайшіе сосѣди—монголы, такъ какъ монголь съ подвижнымъ фонаремъ въѣхалъ и разсѣдлалъ свою лошадь въ одномъ изъ дворовъ приотившихся тутъ же подлѣ насъ туземцевъ; мало этого, подтвержденіемъ подобнаго предположенія служить и то обстоятельство, что, какъ только мы оставили свой бивуакъ, то изъ ближайшихъ монгольскихъ фанзъ вышли на мѣсто нашего стойбища нѣсколько чловѣкъ, которые, видимо, искали патронныя гильзы, по которымъ возможно было опредѣлить систему нашихъ ружей.

5 Августа. Покинувъ памятную для насъ кумирню Табунъ-сума, мы въ тотъ же день подошли къ рѣкѣ Нонни и при деревнѣ, такъ называемой Хара-ургэ, остановились ночевать. Какъ раньше, такъ и здѣсь на пройденномъ разстояніи приходилось встрѣчать населенныя мѣста, причемъ господствующій элементъ населенія ближе къ рѣкѣ Нонни хотя состоитъ изъ монголь, но таковыя здѣсь временно—привольныя пастбища уже заколонизированы и населеніе поджидаетъ переселенцевъ-китайцевъ. По достиженіи рѣки Хэй-лунь-цзянъ Хара-мурэнъ (Нонни) путь нашъ теперь лежалъ на сѣверо-западъ къ Хайлару. Такое направленіе пути обусловливалось желаніемъ, чтобы пройти сѣверныя границы хошуновъ Чжемирскаго и Силиньгольскаго сеймовъ съ цѣлью имѣть представленіе, насколько продвинулась къ

сѣверу китайская колонизація монгольскихъ пустошей. Итти съ тяжелымъ и излишнимъ грузомъ—книгами въ пустынной и гористой мѣстности было довольно трудно,—верблюды чувствовали усталость, къ тому же обычные дневные переходы желательно было нѣсколько увеличить, и движеніе къ Хайлару выполнить безъ перерыва. Въ силу такого дальнѣйшаго пути, мы перенесли свои вещи и все ненужное рѣшили отправить на желѣзнодорожную станцію Цицикаръ, гдѣ, помимо отправки вещей по назначенію, предполагалось за одно и закупить кое-какіе съѣстные припасы на предстоящій путь. Сегодня къ вечеру сформировали новый облегченный караванъ, который я, подъ наблюдениемъ студента Фрозе, переправивъ на лѣвый берегъ рѣки Нонни, отправилъ форсированнымъ маршемъ къ ст. Цицикаръ, самъ же съ багажемъ, уменьшеннымъ до крайности, въ ожиданіи возвращенія каравана, остался на правомъ берегу рѣки Нонни при деревнѣ Хара-ургэ. Крошечное селеніе Хара-ургэ, расширяющее свои торговыя операціи, представляетъ небольшую пристань по сплаву земледѣльческихъ продуктовъ и монгольского сырья. При деревнѣ обоснованы правительственныя учрежденія: таможня по сбору пошлины за ввозимый въ Монголію товаръ, а равно и вывозимыя изъ нея мѣстныя произведенія, ямынь, земская почта и расквартировано около 35—40 китайскихъ солдатъ.

Рѣка Нонни, самая большая на границѣ Хейлунцзянской провинціи и сѣверо-восточной Монголіи, берегъ начало въ горахъ Большого Хингана (хребетъ Икэ хули-Ильхури-Алинь) и, образуясь изъ нѣсколькихъ горныхъ рѣчекъ, по сліяніи ихъ въ одну, несетъ свои воды прямо на югъ до впаденія въ рѣку Сунгари. Общій характеръ мѣстности—берега выше и ниже по теченію отъ селенія Хара-ургэ—наглядно показываетъ, что лѣвый, болѣе равнинный берегъ, плотно населенъ: деревни, заимки, усадьбы довольно часты и своимъ внѣшнимъ видомъ подтверждаютъ, что переселенцы-китайцы крѣпко осѣли между еще оставшимися маньчжурами; что же касается праваго берега, приподнятаго надъ водой, то онъ пока рѣдко населенъ, но недавно образованныя селенія колонистовъ скоро разовьются и, благодаря богатству почвы, незамѣтно превзойдутъ своихъ болѣе старыхъ собратьевъ-переселенцевъ, судьбой заброшенныхъ на сѣверныя поля Маньчжуріи. Теченіе рѣки быстрое, глубина измѣнчива—отъ 1½ до 4 саж., дно—песчаное, ширина достигаетъ отъ 200 до 300 саж., берега доступны для подъѣзда-бродовъ нѣтъ. Воды рѣки Нонни богаты рыбой. За послѣднее время китайцы-кушцы, въ виду наилучшаго развитія своихъ торговыхъ операцій на за колонизированныхъ китайскимъ правительствомъ монгольскихъ земляхъ, урегулировали движеніе по рѣкѣ Нонни парусныхъ плоскодонныхъ

баржъ и въ сравнительно недавнее время установили знаки, указывающіе фарватеръ рѣки. Въ бытность мою при дер. Хара-ургэ, у разработаннаго рѣчного праваго берега, подлѣ паромной переправы, немного ниже телеграфной линіи на Цицикаръ, стояло на якорѣ три прибывшихъ изъ Бодунэ грузеныхъ баржи. Въ общемъ, при взглядѣ на переселенческія заимки, обосновавшіяся на плодородныхъ монгольскихъ пастбищахъ, прибрежная правая полоса рѣки Нонни съ ея притоками обратится на дняхъ въ сплошное китайское поселеніе, среди котораго, по численности населенія, естественныхъ угодій и величинѣ торговыхъ оборотовъ, вырастутъ торговые и административные пункты.

Сегодня возвратился изъ Цицикара нашъ караванъ.

12 Августа. Рано утромъ мы поѣхали въ направленіи къ Хайлару. Сначала шли по старой дорогѣ на гор. Таонань-фу, а затѣмъ, послѣ двухчасового перехода, перемѣнили направленіе на западъ къ рѣкѣ Чо-эр-хэ. Пройденное разстояніе мало чѣмъ отличалось отъ прибрежья рѣки Нонни,—попрежнему чередовались небольшія деревни монголь-переселенцевъ, также встрѣчались воздѣланныя поля, хотя величина ихъ значительно сокращалась, зато на сѣнокосныхъ лугахъ китайцы Хэй-лун-цзянской провинціи дружно заготавливали на зиму сухой фуражъ. Дойдя до рѣки Чо-эр-хэ и, прежде чѣмъ переправиться черезъ рѣку, надлежало захватить въ тутъ же, при рѣкѣ, распоженную китайскую заставу (Урхупчи) для предъявленія своего письменнаго вида. Китайскіе чиновники, сдѣлавъ надлежащую выписку изъ моего китайскаго паспорта, предоставили въ наше распоряженіе двѣ рѣчныя лодки и трехъ перевозчиковъ. Рѣка Чо-эр-хэ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ мы на нее вышли, т. е. въ 12 верстахъ отъ впаденія въ рѣку Нонни, протекая по совершенной равнинѣ, заросшей высокой травой, имѣетъ по своей ничтожной ширинѣ скорѣе видъ широкой канавы, до краевъ наполненной водой. Теченіе рѣки быстрое и розное, вода чистая, берега плоски, уровень воды, какъ намъ сообщили, при сильныхъ дождяхъ и во время таянія снѣговъ значительно повышается и сообщеніе черезъ рѣку, до спада воды, почти невозможно. Теперь рѣка въ своемъ глѣтнемъ развитіи представляетъ единственный переѣздъ только здѣсь, въ нижнемъ своемъ теченіи. По нашей просьбѣ, укрѣпивъ мѣстныя лодки, напоминающія собой аршинной ширины досчатая плосководныя душегубки, наши вещи переправили частями, а верблюдовъ и лошадей пустили вплавъ. Быстро текущая рѣка Чо-эр хэ глубока, такъ что верблюды съ берега до берега, потерявъ рѣчное твердое дно, плыли. Рѣка изобилуетъ рыбой—карпами. Во время переправы мнѣ бросилась въ глаза чрезмѣрная услужливость одного перевозчика, предлагавшаго даже свои услуги быть нашимъ

проводникомъ до средняго теченія этой же рѣки Чо-эр-хэ. Предложеніе навязчиваго проводника было охотно принято и, прежде чѣмъ использовать его услуги, я за обѣдомъ предложилъ ему нѣсколько чашекъ китайской водки, авось, подѣ парами спиртнаго, туземецъ посвятитъ насъ въ свои коварные замыслы, или вѣрную службу. Такъ и случилось: незнакомецъ-монголъ, аккуратно опрокидывая одну за другой чашки водки, казался яко-бы пьянымъ, въ дѣйствительности же, представляясь совершенно трезвымъ, настойчиво разспрашивалъ, гдѣ и сколько намѣрены мы закупить рогатаго скота и проч. Насколько сумѣли убѣдили монгола, что наша поѣздка не составляетъ цѣль покупки скота—при отсутствіи средствъ, дальновидный монголъ отмѣтилъ, что деньги есть и большія—лежатъ на телѣгахъ въ мѣшкахъ (въ кавказскихъ сумахъ я везъ около 2000 винтовочныхъ патроновъ,—многіе этотъ подозрительный грузъ считали за серебряныя деньги). Какъ только назвавшійся проводникъ сослался на мои яко-бы деньги, я, предугадывая задачу будущаго коновода ограбленія, удвоилъ подношеніе водки. Далѣе выяснилось, что незнакомецъ мною уже обижень, его родственникъ, отпиравшись нѣсколько дней тому назадъ къ кумирнѣ Табунъ-сумэ съ цѣлью наворовать арбузовъ, случайно ночью наткнулся съ другими своими товарищами на иностранный обозъ. Встрѣтивши спящій обозъ, воришки хотѣли было, по принятому обычаю, напугать чужеземцевъ, но таковые почему то открыли ружейный огонь и изъ пяти лошадей трехъ ранили, изъ которыхъ одна лошадь, именно его, уже пала. Путемъ короткаго разспроса я установилъ, что въ ночь нашего ночлега при кумирнѣ Табунъ-сумэ, судя, конечно, по всѣмъ пріемамъ, нападеніе грабителей—дѣло рукъ моего покорнаго слуги, нынѣ полупьянаго монгола. Видя желаніе отомстить намъ за побитыхъ раньше нами какихъ то лошадей и, кстати, еще попользоваться нашимъ серебромъ (патронами) я, наконецъ, спойлъ монгола и когда онъ лежалъ безъ чувствъ, мы уложили пьяное тѣло въ лодку, переправили на другой берегъ рѣки, гдѣ и бросили на произволъ судьбы. При такомъ положеніи, конечно, нельзя было оставаться здѣсь, да и ночевать среди степи едвали устраивало насъ—крайне желательно было къ закату солнца обратиться до населеннаго пункта и тамъ съ партіей удалцовъ, недавно нападавшихъ на насъ, свести боевые счета. Запрягли верблюдовъ и поѣхали дальше. Полевая дорога, среди высокой луговой травы, съ каждымъ шагомъ движенія уклонялась болѣе къ сѣверу. На широкой луговой долиинѣ, сравнительно рѣдко, и то далеко въ сторонѣ, виднѣлись небольшіе хутора. Хотя до намѣченнаго ночлега казалось и близко, но такъ какъ мы повернули немного въ сторону, подобное разстояніе на однообразной степи

казалось слишкомъ далекимъ, но надежда на ночлегъ при деревнѣ подкрѣпляла наши силы. Наконецъ, подошли къ группѣ небольшихъ заимокъ и обстоятельно разспросили о направленіи пути. Оставляя сзади себя попадавшіеся еще хутора, мы черезъ два часа движенія, пройдя кочковатую долину съ пнями недавно вырубленнаго лѣса, подошли къ рѣкѣ Яль, на противоположномъ берегу которой на холмѣ возвышалась кумирня Дурбѣн-чжил-сумэ.

Рѣка Яль, прокладывая себѣ дорогу на присоединеніе своихъ водъ къ рѣкѣ Нонни, имѣетъ въ ширину не болѣе 8—10 сажень и очень глубока, теченіе среднее и съ водоворотами. Рѣка противъ кумирни имѣетъ лодочную переправу. Остановившись съ цѣлью взять сѣна для довольствія лошадей и верблюдовъ, мы тронулись дальше, причемъ, по мѣрѣ движенія впередъ, мы часто на пути на придорожной травѣ замѣчали свѣжіе слѣды небольшихъ конныхъ партій. Пройдя нѣкоторое разстояніе въ западномъ направленіи отъ кумирни Дурбѣн-чжил-сумэ, мы очутились на широкихъ пастбищахъ, гдѣ вмѣсто рогатаго скота и лошадей, двумя партіями по 2—3 человека параллельно нашему движенію, двигались верховые всадники, слѣдившіе за нашимъ движеніемъ. Мы остановились, приготовили оружіе и, несмотря на свою малочисленность, стараясь всѣми мѣрами показать, что мы ихъ не боимся, поѣхали дальше. Уже солнце на закатѣ; наступила ночь, а поселенія попрежнему отсутствуютъ. Вслѣдствіе наступившей темноты и подпираемые сзади ѣдущими всадниками, мы ускорили движеніе съ мѣрами охраненія. Продвинувшись нѣсколько впередъ, начали попадаться поля, а дальше слышался и собачій лай; мы подтянулись къ деревнѣ. Не спрашивая позволенія, хотѣя ли насъ принять на ночлегъ или нѣтъ, мы, прижавшись къ одной изъ глинобитныхъ стѣнъ хуторскаго двора, расположились на ночь. Установили телѣги, положили верблюдовъ и съ трехъ сторонъ возможнаго нападенія приняли бдительныя мѣры охраненія. Дождливая ночь прошла спокойно, хотя, по подозрительному сабачьему лаю, частенько приходилось пускать ружейныя пули.

13 Августа. Съ восходомъ солнца, совершенно утомленные отъ безсонной ночи и ожидаемаго нападенія, подкрѣпившись чаемъ, мы отправились въ путь. Необходимо замѣтить, что при Табунъ-сумэ и здѣсь при деревнѣ Модонъ-хушинъ ни одинъ изъ мѣстныхъ жителей монголъ не заинтересовался причинами, побудившими вызвать ночную ружейную стрѣльбу; съ своей стороны мы рѣшили, что мы попали въ полосу бродячихъ хунхузовъ. Покинувъ памятный для насъ ночлегъ, мы снова начали проходить воздѣланные поля и видѣть вблизи и на далекомъ горизонтѣ заимки новоселовъ. Попадавшіеся подлѣ дороги селенія ха-

рактизовались своимъ недавнимъ устройствомъ,—глинобитныя стѣны и фанзы были еще не закончены,—колонисты переселились сюда только въ прошломъ году. Прокладывая себѣ путь отъ одной деревни къ другой, мы къ завтраку подошли къ двумъ лежащимъ невдалекѣ одна отъ другой небольшимъ кумирнямъ и подлѣ одной изъ нихъ остановились отдохнуть. За завтракомъ, кстати замѣчу, къ нашему пристанищу собрались чуть ли не всѣ мѣстные ламы, которые искали случая о чемъ либо поболтать. Подъ конецъ нашего завтрака между собравшимися посѣтителями, однако, нашлись и знакомые ламы, не разъ побывавшіе въ Харбинѣ, готовые подѣлиться личными наблюдениями относительно успѣха китайской колонизаціи. Одинъ изъ мѣстныхъ, видимо вліятельныхъ ламъ, подерживая старое знакомство, предложилъ намъ, какъ русскимъ, заѣхать къ нему въ домъ, такъ какъ оставаться при кумирнѣ, близко къ берегу рѣки, по его убѣжденію, требуется нѣкоторая осторожность, чтобы благополучно провести здѣсь ночь. Мы были довольны приглашеніемъ ламы, наскоро запрягли верблюдовъ и съѣхали на ночь въ его хорошо отстроенную усадьбу, гдѣ и устроились довольно сносно. Небольшая кумирня Уйе-орту-сумэ по числу священныхъ предметовъ мало чѣмъ напоминаетъ собой богатое обставленные монгольскіе храмы, какіе мнѣ приходилось видѣть. По всѣмъ щелямъ проглядываетъ убожество. Штатъ ламъ весьма ограниченъ,—большинство, за исключеніемъ настоятеля монастыря, живутъ по ближайшимъ селеніямъ. При монастырѣ, окруженномъ воздѣланными полями, уже мѣстами готовыми для жатвы, расквартирована почта, доставляющая изъ Цицикара въ Пекинъ и обратно, а также по княжескимъ ставкамъ, казенную корреспонденцію. Почта оборудована средствами князя хошуна Чжалайте, обязаннаго содержать 25 всадниковъ, вооруженныхъ берданами. Наблюденіе за своевременнымъ отправленіемъ переходящей корреспонденціи возложено на китайскаго чиновника, содержаніе же служащихъ и лошадей отнесено на средства хошуннаго князя. Кумирня Уйе-орту-сумэ, расположенная на лѣвомъ берегу рѣки Чо-эр-хэ, составляетъ западную границу хошуна Чжалайте, владѣнія котораго къ югу и немного къ сѣверу той вышеупомянутой кумирни съ 1906 года за колонизованы прежде китайцами, а затѣмъ, путемъ продажи съ 2 и 3 рукъ, монголами Чжасотускаго сейма. Земельныя пошлины и прочіе налоги вносятся поселенцами въ мѣстные китайскіе ямыни, для переправки въ Цицикаръ.

15 Августа. Съ восходомъ солнца мы предполагали отправиться въ путь, но моросившій дождикъ на время отерочилъ нашъ выѣздъ. Во время прощальнаго завтрака нашъ хозяинъ, лама Ширапъ, ознакомилъ насъ, что онъ попреж-

нему поддерживаеъ дружескія отношенія съ Б. и увѣренъ въ томъ, что его запасъ оружія, нынѣ крайне небрежно содержимый, конечно, по незнанію, а также боевой комплектъ патроновъ, хранимыхъ пока въ землѣ, будетъ при слѣдующей поѣздкѣ въ Харбинъ пополненъ. На ряду съ этимъ болтливый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо полагать, сторонникъ монгольской автономіи, лама, уже испытавшій всѣ прелести китайской колонизаціонной политики, рассуждалъ о томъ, что русскіе и монголы составляютъ какъ будто одинъ народъ, должны жить вмѣстѣ; беззащитный монгольской народъ, устремивъ свои взоры къ небу, видитъ въ Россіи своего единомышленника. Наконецъ дождикъ пересталъ, мы, простившись съ пріютившими насъ монголами—ламами и мірянами, въ сопровожденіи хозяина-ламы поѣхали дальше. Невдалекѣ отъ кумирни къ западу, пять разъ переѣзжая среднее теченіе рѣки Чо-эр-хэ, глубина которой не болѣе 1½ аршина, мы вступили въ предѣлы хошуна Тушетъвана (Сы-гунъ). Дорога, по которой мы шли, тянулась въ западномъ направленіи мѣстами по песчаной съ мелкой галькой равнинѣ, мимо рѣдкихъ поселеній, наиболѣе значительнымъ изъ которыхъ является Синь-цзя-цза. Наконецъ, мы прошли цѣлый рядъ земляныхъ валовъ, поросшихъ травой, и глубокихъ канавъ, когда то наполняемыхъ проточной водою ближайшей рѣки Чо-эр-хэ, и вступили въ развалины города, сохранившаго до сего времени 3 саженой высоты земляные валы, съ развалившимися по угламъ наружнаго укрѣпленія башнями. Среди совершенно пустыннаго укрѣпленія валяются жженый кирпичъ, каменные изваянія и видны слѣды капитальныхъ сооружений, обнесенныхъ также глубокими канавами. По туземному преданію, на указанномъ мѣстѣ когда то существовалъ столичный городъ Кореи, нынѣ же на этомъ пустырь, какъ гласитъ табличка, по указу Гуань-суюя—Богдыхана Дайцинской имперіи, съ 1906 года заложенъ городъ Та-цзы-ченъ. Въѣхавъ въ городъ, мы въ одномъ изъ заѣзжихъ дворовъ, по сосѣдству китайскаго ямыня, расположились было для ночлега, но прибывшія военныя власти, потребовавъ меня съ документами для выясненія моей личности, предложили выѣхать изъ города. На дворѣ стояла ночь и кромѣшная тьма. Возвратившись къ своему пристанищу, я, посоветовавшись со своими спутниками, рѣшилъ, вопреки требованіямъ китайскихъ властей, здѣсь, не выходя изъ заѣзжаго двора, переночевать и завтра поутру ѣхать дальше. Въ мое отсутствіе подошедшіе къ моему стойбищу китайскіе нижніе чины, интересуясь всѣмъ и особенно цѣлью нашей поѣздки, установили, что мы ни кто иные, какъ русскіе купцы, пріѣхавшіе сюда распространить свои товары. Поддерживая создавшееся убѣжденіе, мы передали черезъ шныряющихъ солдатъ наше жела-

ніе, если позволять мѣстныя власти, приобрести здѣсь, въ городѣ, для предполагаемой торговли плановое мѣсто. Не прошло и получаса, какъ послѣдовало, вопреки всякой вѣроятности, разрѣшеніе намъ переночевать, а завтра переговорить относительно покупки земли подъ усадьбу. Время было за полночь, но мы не спали, такъ какъ собесѣдникъ—здѣшній монголъ, рисовалъ намъ будущее цвѣтущее положеніе города и, добавляя, что если бы между китайцами поселился русскій, то колонизація, безопасная отъ всякихъ нападений хунхузозъ, продвинется далѣе на сѣверъ. Въ данное время городъ представляетъ изъ себя только ямынь и нѣсколько недостроенныхъ фанзъ, но городская площадь земли уже распланирована и продана, осталось немного свободныхъ мѣсть и то вдали отъ городского центра,—ближе къ городскимъ валамъ, заросшимъ травой.

16 Августа Рано утромъ насъ пригласили въ ямынь, гдѣ молодымъ чиновникомъ, вѣдавшимъ дѣлами колонизаціи и продажей городской земли, предложено было познакомиться съ планомъ города и оставшимися еще не проданными городскими земельными участками. Судя по нумераціи и отмѣткамъ городского плана, ясно представлялось, что лучшее и центральное мѣсто все уже распродано и на нашу долю можетъ быть предоставленъ участокъ только у западныхъ воротъ мѣрою 45—70 шаговъ въ квадратѣ. Насколько будетъ удобенъ предложенный намъ для продажи участокъ земли, покажетъ будущее, но, преслѣдуя по обстоятельствамъ дѣла совершенно иную цѣль, мы согласились, за неимѣніемъ лучшаго, приобрести и таковой. Когда окончательно вырѣшилось наше желаніе купить именно этотъ участокъ земли, чиновникъ предложилъ написать ему заявленіе, которое будетъ направлено въ колонизаціонное бюро въ Цицикарѣ, гдѣ, по разсмотрѣніи, будетъ назначена стоимость земли и срокъ возведенія усадебныхъ построекъ, обязавъ при этомъ, что европейцы такъ же, какъ и китайцы-переселенцы и городскіе жители, обязываются въ теченіе года на купленныхъ или заарендованныхъ монгольскихъ земляхъ возвести надворныя постройки, обнеся ихъ канавой или глинобитными стѣнами, въ противномъ случаѣ земли отбираются и продаются другимъ поселенцамъ. Написавъ заявленіе и передавъ его по назначенію, мы попросили чиновника выдать намъ копію плана вновь строящагося города; наше желаніе было выполнено, но за выдачу копіи плана съ насъ взыскали одинъ долларъ. Взявъ планъ, мы, какъ будущіе горожане, имѣли случай познакомиться съ расквартированными при ямынь китайскими войсками. Размѣщенные въ городѣ войска ма-дуй-сюнь-цзинъ Хейлун-цзян-ской провинціи, числомъ 50 конныхъ всадниковъ, вооружены нашими 3-хъ линейными винтовками, имѣя ру-

жейные патроны осалки 1904 года. Закончивъ покупку земли и насколько возможно познакомившись съ городомъ, мы, простившись съ чиновникомъ, вышли изъ города. Оставивъ городъ, мы прошли мимо еще удѣлѣвшей, болѣе 5 саж. высоты, башни. Кирпичная башня съ слѣдами сѣдой старины, повидимому, дала свое имя, находящемуся въ 1/2 верстѣ къ востоку, городу Та-цзы-ченъ. Вокругъ башни травяными лентами рельефно обозначаются мѣста бывшихъ здѣсь строеній. Неподалеку отъ башни на невысокихъ холмахъ имѣются дугообразные, заросшіе травой, валы съ канавами,—вѣроятно когда то были укрѣпленія. Достаточно удалившись отъ города, мы приблизились къ горнымъ хоймамъ. Подъемъ, собственно говоря, былъ мало замѣтенъ, хотя съ каждой верстой движенія мы подымались. На предгорьяхъ среди густой спелной растительности замѣтно рѣдѣли селенія; по сторонамъ дороги попадались свѣжія и старыя борозды по разбивкѣ земли подъ колонизацію. Къ вечеру достигли деревни Баен-цаган-хошу, расположенной въ широкой долинѣ, защищенной невысокими горными отрогами. Жители деревни Баен-цаган-хошу—новоселы хошуна Тумэ-гэ, перекупивъ въ 1908 году у китайцевъ земли по сравнительно высокой цѣнѣ (свыше 5 ланъ за одну десятину худшей земли), приступили къ воздѣлыванію пашенъ, не бросаая, однако, скотоводства. Переселившіеся монголы увѣряли, что китайцы, въ виду частыхъ нападений хунхузозъ, гнѣздящихся въ сосѣднихъ горахъ, приостановили колонизованіе земель по верховьямъ рѣки Чо-эр-хэ и ближайшимъ горнымъ долинамъ, пригоднымъ для обработки земли подъ пашни.

17 Августа. Продолжая свое путешествіе, мы миновали нѣсколько брошенныхъ деревень съ воздѣланными полями и, идя по дорогѣ, извивающейся черезъ невысокіе перевалы, достигли узкой, но длинной долины, среди которой вдоль рѣки Цаганъ-голь, на пригодныхъ мѣстахъ для обработки земли и удобной степи для кочевого скотоводства, переселенческое и туземное населеніе совершенно отсутствовало. Къ закату солнца, миновавъ крошечную монгольскую деревню на развѣтвленіи дороги, уклонившейся къ сѣверу, къ княжеской ставкѣ Тушету-вана (Сы-гуна), мы подъѣхали къ двумъ монгольскимъ фанзамъ, обозначающимъ деревню Уданъ. Долина рѣки Цаганъ-голь уже заколонизована; монгольскія стойбища пустыютъ; туземное населеніе весной 1908 года перекочевало на сѣверъ, въ горы, гдѣ кочевникамъ возможно еще заниматься скотоводствомъ. Остановившись ночевать при деревнѣ Уданъ, расположенной немного къ западу отъ трехъ находящихся здѣсь площадей старыхъ городовъ, мы любезно были приняты обосновавшимися здѣсь двумя монгольскими семьями. Заботливая монголка вмѣстѣ со своей замужней дочерью, не болѣе 14 лѣтъ,

но уже съ ребенкомъ, была въ восторгѣ, что ей удалось видѣть русскихъ. Въ краткомъ разговорѣ собосѣдница, напомнимъ намъ о старыхъ своихъ знакомыхъ полк. X. и Б., просила войти въ ея хижину и подкрѣпиться молокомъ. Войдя въ фанзу, я, сравнивая внѣшнее убожество степныхъ обитателей, поразился богатствомъ внутренней обстановки, особенно выдѣлялись цѣнные костюмы, чайная и столовая утварь, красиво уложенная на полкахъ, гдѣ также стояли пустыя бутылки съ этикетками „Смирновъ“... Симпатичная хозяйка, закончивъ угощеніе двухъ прилично одѣтыхъ взрослыхъ мужчинъ, интересовалась больше всего моимъ дальнѣйшимъ направлениемъ и чуть ли не съ каждымъ вопросомъ обращалась ко мнѣ, знаю ли я Токтоху. Припоминая имя Токтоху, впервые услышанное мною еще въ 1908 году въ бытность мою при кумирнѣ Гань-чжу-эр-сумэ, а далѣе— всѣ тѣ поиски, которые тщательно ведутся китайскими войсками во главѣ преданныхъ Китаю нѣкоторыхъ хошунныхъ князей, я порадовалъ, въ присутствіи гостей, хозяйку, что партизанъ съ ничтожнымъ отрядомъ дѣйствительно, какъ мнѣ пришлось сегодня воочию убѣдиться, приостановилъ разползаніе китайцевъ по монгольскимъ пустошамъ; видѣлъ брошенныя колонизаторами изъ-за страха передъ шайкой въ 25—40 человекъ селенія; предводитель банды человекъ бесспорно хорошій, но я съ нимъ незнакомъ. Выслушавъ это, хозяйка таинственно сообщила, что недавно Токтоху имѣлъ неудачную для себя стычку съ китайцами, потерявъ сына, нѣсколько человекъ убитыми и ранеными. „Убитые зарыты въ землю, раненые же нуждаются въ лѣченіи“. Въ отвѣтъ на это я пообѣщала, если придется встрѣтиться съ Токтоху, отдать ему свое европейское лѣкарство и все необходимое для лѣченія ранъ. Когда было установлено, что у меня есть лѣкарство и я не прочь оказать помощь, гости, закончивъ чаепитіе, вышли изъ фанзы, сѣли на телегу, запряженную однимъ быкомъ и незамѣтно, сперва шагомъ, а потомъ свѣйственной быку рысцой, скрылись. Оставшись наединѣ съ разговорчивой хозяйкой, я поинтересовался, куда поѣхали ея гости, хозяйка убѣдила— „поѣхали пригнать съ поля ея скотъ“. Допустимъ, что такъ, но до заката солнца и до наступившей темноты никакого скота никто не пригонялъ, кромѣ двухъ коровъ, которыя, видимо, весь день торчали передъ фанзой, будучи привязаны къ колу.

18 Августа. Рано по утру, прощаясь съ хозяевами—монголами, старая знакомка—монголка насъ предупредила, что если придется намъ встрѣтить Токтоху, то мы не должны его бояться,—„Токтоху русскихъ не убиваетъ,—онъ ихъ любить“. Съ такими словами мы уѣхали.

Селеніе Уданъ отстоитъ на юго-западъ отъ города Цицикара въ 320 ли и къ сѣверу отъ Тао-нань-фу въ 300 ли

Отдѣлившись отъ сел. Уданъ, мы, переваливъ подѣ рядъ три небольшихъ горныхъ перевала, подошли къ доли- нѣ рѣки Тэмэнъ-голь. По нашей дорогѣ, надо отмѣтить, виднѣлись слѣды телѣги и кое-гдѣ попадался свѣжій кон- скій пометъ. Узкая рѣчная долина, стиснутая разнообразны- ми горными нагроможденіями, во всѣхъ отношеніяхъ спо- собствовала пріюту хунхузскихъ шаекъ. Спустившись въ долину, мы замѣтили въ сторонѣ отъ дороги крошечный палашъ, возлѣ котораго стояла лошадь. При нашемъ при- ближеніи съ крыши палаша слѣзъ человекъ, который вто- ропяхъ сѣлъ на лошадь и ускакалъ въ горы. Вдвигаясь глубже въ рѣчную долину, заросшую высокою травой, мы тамъ и сямъ встрѣчали слѣды небольшихъ партій, обозныя колес и конскій свѣжій пометъ. Окрестности долины Тэ- мэнъ-голь гористы, ближайшіе горные хребты, сузившіе долину, имѣютъ мягкія очертанія; пологіе скаты, доступные для движенія верхомъ, богаты подножнымъ кормомъ. Одна- ко, несмотря на прекрасныя пастбищныя и удобныя мѣста для кочевій, жизнь въ этой долинѣ совершенно замерла,— нѣтъ слѣдовъ кочевья, быть можетъ потому, что долина не представляетъ надежнаго укрытія отъ возможныхъ нападе- ній грабителей. Направившись вверхъ по долинѣ, мы, пред- видя бѣду, которая можетъ грянуть во всякую минуту не- жданно-негаданно, достаточно снабдивъ себя патронами, медленно двигались по лѣвому берегу рѣки. Пройдя еще немного, оставивъ въ сторонѣ отъ дороги свѣжую могилу, намъ стали попадаться чуть ли не на каждомъ шагу дви- женія развѣшенные на деревьяхъ воззванія или, можетъ быть, заклинанія на тибетскомъ языкѣ, а далѣе, на проти- воположномъ берегу рѣки, обозначились три телѣги, покры- тыя чѣмъ то подъ цвѣтъ травы. Услѣвъ сравнительно не- много продвинуться впередъ, возлѣ обнаруженнаго нами стойбища, послѣ нѣкоторой суеты, показались конные всад- ники; мы, не обращая вниманія на происходящую вблизи насъ суматоха, продолжали свое движеніе съ винтовками въ рукахъ, съ револьверами на поясѣ и достаточнымъ за- пасомъ боевыхъ патроновъ. Поровнявшись съ бивуакомъ банды, къ намъ направились верхами два всадника, вся же ихъ ватага, человекъ около 15—20, выстроилась въ линію въ сторонѣ отъ своихъ телѣгъ, имѣя сзади себя въ лоцинѣ еще какое то подкрѣпленіе. Когда, такимъ образомъ, начали подвѣзжать къ намъ два всадника, причемъ одинъ на бѣ- лой лошади, мы, притаивъ дыханіе, не помня себя, двига- лись далѣе. Грозная развязка съ каждой минутой была во- очію,—вступать въ бой было болѣе чѣмъ смѣшно,—насъ чет- веро, а ихъ далеко больше. Допустимъ, что приближающіе- ся къ намъ, при мѣткости нашихъ выстрѣловъ, отъ нашихъ рукъ не уйдутъ, а что будетъ далѣе съ остальными... Конечно,

нечего и думать, на-чисто насъ раздѣлають. Счастье улыбнулось,—передовые всадники, приблизившись къ намъ не болѣе какъ на 200 сажень, вернулись обратно назадъ и снова возлѣ разбойничьихъ телѣгъ, уже запряженныхъ, происходитъ та же бѣготня и суматоха, какъ и раньше, а мы съ каждой минутой все дальше и дальше подвигаемся. Казалось смерть миновала, но вотъ, неволью оглядываясь частенько назадъ, мы вновь увидѣли, что къ намъ направляются два всадника и съ той же бѣлой лошадейю, а неприятельскій обозъ, оставивъ свою стоянку, потянулся вслѣдъ за нами. Солнце уже клонилось къ западу и мы, идя дорогой на присоединение къ разбойникамъ, не знали что и предпринять; дѣло было неоправимо, рѣшили, припоминая слова вчерашней монголки: „Токтоху русскихъ не убиваетъ,—онъ ихъ любить“, притаивъ дыханіе, итти, если возможно такъ выразиться, наудалую. Вдругъ, развѣтвленіе дорогъ; мы, прибавивъ ходу, вошли въ новую сѣверо-западную долину—небольшое ущелье, а затѣмъ... о, великая радость, наткнувшись на четыре подъ рядъ одиночныя засады, сигнализировавшія изъ травы и вершинъ деревьевъ поджиганіемъ сырого горючаго матеріала, опометью неслись по высокой травѣ, пока не завязли въ проточной канавѣ. Думалось, вотъ, вотъ наступитъ и..., но, видимо, разбойники направились въ другую сторону; мы наскоро на своихъ плечахъ вытащили телѣги и до наступленія темноты, не отдавая себѣ отчета, куда то двигались. Наконецъ, взшла луна, мы, достигнувъ довольно глубокаго оврага съ обрывистыми берегами, рѣшили, что довольно спастись,—надо искать мѣсто для ночлега. Мы свернули въ боковую долинку и подъ вершиной хребта, прижавшись къ деревьямъ, остановились встрѣтить ночь. Ночное убѣжище съ длиннымъ скатомъ къ долинѣ до нѣкоторой степени насъ ободряло, но если вообразить, что партія разбойниковъ пожелаетъ навѣстить насъ, то ей легко насъ найти,—наши телѣги достаточно проложили тропу къ нашему стойбищу. Установивши телѣги, завязали верхнія губы лошадямъ, чтобы не ржали и на тощій желудокъ мы бодрствовали, напряженно сосредоточивъ свое вниманіе по всѣмъ сторонамъ своего стойбища,—вдругъ явятся грабители и насъ во всю раздѣлають. Трудно было допустить, осматриваясь по сторонамъ, прислушиваясь къ каждому шороху, чтобы разбойники не могли не искуиться соблазномъ, я предрѣшилъ, что если только мы дѣйствительно сегодня встрѣтились съ однимъ изъ главарей хунхузскихъ шаекъ Токтоху, значить спокойно проведемъ эту ночь, въ противномъ случаѣ—смерть, другого исхода нѣтъ. Вдругъ, отрывисто раздался выстрѣлъ. Мы, настороживъ винтовки, притаились и ждали, когда приблизится къ намъ банда разбойниковъ; такъ дѣй-

ствительно и случилось, но несколько иначе, — видны были силуэты всадников, которые проехали по долине обратно нашему движению, видимо, на присоединение к проводительскому звену хунхузов. Вскоре показали признаки приближения разбѣга, закрикали утреннія птички и на вершинахъ горъ показались солнечные лучи. Уныніе смѣнилось радостнымъ настроеніемъ, мы начали готовить пищу и, подкрѣпивши свои силы, предполагали возможно скорѣе разстаться съ памятнымъ и до сихъ поръ вчерашнимъ переходомъ. Все наше дѣло было несколькохъ минутъ, если бы не надлежало еще задержаться съ цѣлью накормить нашихъ дорожныхъ товарищей — верблюдовъ и лошадей. Хотя ночь прошла съ волненіемъ, теперь, утромъ, было спокойно и вблизи насъ, кромѣ пролетавшихъ дикихъ голубей, какъ будто и никого не было, однако мы не рѣшались пустить своихъ животныхъ на свободную пастьбу, дабы не обнаружить свое пристанище; въ силу этого мы пасли возле себя верблюдовъ и лошадей, привязавъ ихъ на длинныя веревки. Но тутъ то было еще одно мученіе, — возни съ верблюдомъ, завалившимся въ оврагъ. Въ глубокомъ и тѣсномъ оврагѣ вверхъ ногами лежитъ верблюдъ, поминутно наполнявшій своимъ неистовымъ ревомъ прилегающія окрестности. Не легко было намъ съ топоромъ въ рукахъ откопать верблюда, однако, провозившись болѣе двухъ часовъ, увеличили ширину оврага и къ общей радости извлекли приговоренное къ разстрѣлу животное. После верблюжьей исторіи, упрочивъ память нашей здѣсь стоянки, мы, спустившись вдоль по оврагу, вышли на вчерашнюю нашу дорогу и потянулись на западъ вверхъ по долине. Долина, по мѣрѣ нашего движенія, стѣсняемая скалистыми горами, покрытыми богатой степной растительностью, порядочно уклонялась къ югу. Сдѣлавъ еще несколько движеній впередъ, мы, переправившись черезъ горный ручей, перемѣнили свое направленіе прямо на сѣверъ; въ новомъ направленіи впереди и по сторонамъ насъ торчали только однѣ горы, да мѣстами отдѣльныя деревья. Помню, какъ сейчасъ, мои товарищи по скитанію страшно возмущались моимъ бездорожнымъ и зигзагообразнымъ движеніемъ, но, вскарабкавшись на горы, взявъ по компасу правильное направленіе на виднѣющуюся вдали отдѣльную высоту, я успокоилъ ихъ новымъ своимъ движеніемъ — напрямикъ черезъ горы Хингана и черезъ трое сутокъ мы достигли верховьевъ рѣки Тао-эр-хэ. Окрестности этого трехдневнаго, сдѣланнаго по компасу, пути также богаты хорошими пастбищами, какъ замѣчалось то и раньше; признаковъ кочевого населенія нѣтъ; спуски и подъемы удобно проходимы; горы покрыты мелкимъ кустарникомъ. Такое явленіе, конечно, здѣсь было обыденное, но, наряду съ этимъ, надо отмѣтить, что вер-

стахъ въ 25—40 къ востоку отъ рѣки Тао-эр-хэ, въ одной изъ долинъ залегаютъ нефтяные источники и желѣзная руда. Площадь нефтяныхъ источниковъ измѣряется верстъ на 5 въ длину и болѣе версты въ ширину; нефть, стекающая внизъ по теченію ручейка, въ иныхъ мѣстахъ стоитъ лужами. Нефть и желѣзная руда въ настоящее время не разрабатываются даже примитивнымъ способомъ. Въ мѣстѣ нашей переправы черезъ рѣку Тао-эр-хэ, немного ниже слѣдовъ прежняго города, нынѣ обозначеннаго монгольскимъ стойбищемъ Харэмтэ, мы остановились съ цѣлью разprosить относительно переправы. Къ счастью, никогда насъ не покидавшему, рѣка порядочно сбыла и въ одномъ мѣстѣ позволила пройти вбродъ, правда, только верблюдамъ, при томъ подмочивъ вьюки, телѣгу же пришлось разгрузить. Теченіе рѣчной воды, совершенно чистой, очень быстрое; переправа возможна только сидя на лошади, пѣшкомъ переходить рѣку рискованно. Рѣчное дно усыпано мелкимъ камнемъ, берега пологіе. Мѣсто нашей переправы составляетъ границу хошуновъ Тушету-вана (Сыгуна) и Чжастуванъ, на сѣвѣрѣ же живутъ Солоны. Закончивъ переправу при помощи опытныхъ мѣстныхъ проводниковъ, которыхъ пришлось, взамѣнъ денегъ, отблагодарить табакомъ, иголками и подубутылкой китайской водки, я, по причинѣ усталости верблюдовъ и кое какихъ другихъ еще соображеній, предполагалъ возможно скорѣе подтянуться къ расположившимся здѣсь неподалеку, какъ сообщали монголы, китайскимъ войскамъ, и подъ ихъ охраной отдохнуть и забыть дни пути отъ Уданъ до рѣки Тао-эр-хэ, но моему товарищу по скитанію заблагодарасудилось предпринять другое направленіе. Новое направленіе пути, какъ только мы оставили за собой рѣку, пробивающую себѣ дорогу по узкой долинѣ, заросшей лѣсомъ, внушало что-то неладное, такъ какъ между деревьями партіями и въ одиночку скрытно двигались и стояли телѣги. Выбравшись на болѣе открытое мѣсто, путемъ частыхъ наблюденій, мы замѣтили, что подлѣ телѣгъ, покрытыхъ циновками, имѣется рогатый скотъ и бараны, а главное, ясно обозначилось всадники, раздѣжающіе отъ одной къ другой партіи обоза, держа что то въ рукахъ, не то палки, а можетъ быть, и ружья. Однако, не вступая въ лишнія пререканія съ высказанными мнѣ доводами Г. Фрозе, я согласился доставить ему еще одно удовольствіе; мы поѣхали дальше. Приближаясь къ перевалу, мнѣ да и моимъ спутникамъ ясно представилось, что мы идемъ въ новую петлю,—изъ лѣса то и дѣло, высказывали отдѣльно и группами конные всадники, которые, заскакивая впередъ нашего движенія, гдѣ то въ ближайшихъ горныхъ складкахъ скрывались. Черезъ нѣсколько минутъ движенія, поднявшись на перевалъ, мы замѣтили въ узкой долинѣ до 16 монгольскихъ юртъ и поспѣшили къ нимъ подойти на

ночлеги. Въ нѣсколькихъ шагахъ, избравъ центральныя и побогаче по внѣшнему виду юрты, мы остановились. Скоро развьючили верблюдовъ, сложили вокругъ своей телѣги вещи и приступили къ варкѣ пищи. Какъ всегда, такъ и здѣсь, къ нашему стойбищу начали подходить монголы и разспрашивать, какъ принято, о новостяхъ и откуда мы приѣхали. Передъ вечеромъ можно было быть увѣреннымъ, что наши испытанія еще не окончились и что, вѣроятно, разбойники, прибывшіе вмѣстѣ съ нами отъ рѣки на усиленіе мѣстныхъ своихъ же собратій, возьмутъ насъ живыми. Все равно—какъ не безъ счастья, авось, роли перемѣнятся и я съ своей горстью людей искуплю дерзость разбойниковъ. Вскорѣ подъѣхало къ намъ два монгола съ 3-хъ линейными нашими винтовками и солиднымъ запасомъ патроновъ на поясѣ и въ суммахъ и, слегка коснувшись въ разговорѣ относительно нашего дальнѣйшаго пути, спрашивали насъ, не встрѣчались ли мы гдѣ либо съ Токтоху. Я отвѣтилъ, „да, встрѣчалъ въ такомъ-то мѣстѣ“, причемъ добавилъ, что въ его партіи есть тяжело раненые и что герой, потерявъ въ послѣдней боевой стычкѣ своего единственнаго сына, едва ли выдержитъ облаву китайцевъ и нѣкоторыхъ князей, жаждущихъ доставить его живымъ для казни въ Пекинъ. Не знаю, насколько были правдоподобны мои слова, только монголъ, спросивъ меня: „а на какой онъ лошади“; на что я отвѣтилъ, „на бѣлой“, пожалъ мнѣ руку, сѣлъ на лошадь и со своимъ товарищемъ подъѣхалъ къ сосѣднимъ юртамъ, гдѣ уже было болѣе 20 человѣкъ вооруженныхъ гостей. Простившись съ первыми гостями, отъ крайней и одинокой юрты подошла къ намъ съ дѣтми почтенныхъ лѣтъ монголка. Улыбающаяся монголка прежде спросила, что я продаю; но когда узнала, что у меня нѣтъ для продажи вещей, сразу, перемѣнивъ тему разговора, начала разспрашивать насъ относительно только что упомянутаго Токтоху. Заученный наизусть отвѣтъ я повторилъ буквально, причемъ добавилъ, что я знаю навѣрное мѣсто его сегодняшняго ночлега при такой-то кумирнѣ и что если-бы это было не такъ сравнительно далеко, непременно поѣхалъ бы къ нему и, какъ товарищу, передалъ бы ему нужныя лѣкарства. Послѣ этого монголка, видя мое болѣе близкое знакомство съ разбойникомъ Токтоху, стала настойчиво просить, чтобы мы вдвоемъ воспользовались ея вполне удобнымъ помещеніемъ—юртой, но я отказался отъ комфорта, предрѣшивъ лучше оставаться здѣсь въ жалкомъ пристанищѣ съ горстью своихъ спутниковъ и поджидать развязки ночного дѣла. Такъ или иначе, отклонивъ даже желаніе монголки посвятить меня въ какіе то еще секреты, я, наградивъ ее кое-какими вещами: нитками, иголками, лѣкарствами и изображеніемъ Далай-ламы, взялъ на себя трудъ приспособить телѣгу и верблюжки въючныя сѣдла для обороны. На закатѣ солнца

явились къ нашему бивуаку четыре монголки, которыя просили меня отправиться къ одному изъ проживающихъ здѣсь по близости монголу и осмотрѣть ихъ больного двоюроднаго брата, но и эта попытка разъединить насъ подѣ предложомъ больного, не увѣчалась успѣхомъ, такъ какъ я боялся, что здѣсь перевяжутъ мою прислугу, а тамъ, пригласивъ насъ войти въ юрту, могутъ свободно запереть и . . . концы въ воду. Наступила темнота. Мы съ оружіемъ наготовѣ, засѣвъ между верблюдами и лошадьми, служившими намъ единственнымъ укрытіемъ и, поджидая нападенія, стали прислушиваться къ пѣнію и разговору немного уже подвыпившихъ монголъ, юрты которыхъ отстояли отъ нашего стойбища не болѣе какъ въ 10—12 шагахъ. Потокъ разгула обывателей, вдохновляемыхъ китайской водкой, съ каждою минутой усиливался; наши сердца попрежнему лихорадочно бились; видя, что шайка пьяныхъ разбойниковъ усиливается новыми своими сотоварищами, подтягивающимися по рѣчной долині. Спустя немного времени изъ ближайшей къ намъ юрты вышло два монгола, видимо, удалыцы, которые, подойдя къ своей телѣгѣ, сѣли подлѣ телѣжныхъ колесъ, зарядили винтовки и направили ихъ дула противъ насъ. Въ эту минуту я крикнулъ, „нападеніе, стрѣлять“. Не знаю, чѣмъ и объяснитъ, но только выискавшіеся храбрецы въ одинъ мигъ оставили свою телѣгу и ушли въ юрту. Далѣе, грабители ближайшей къ намъ юрты, побесѣдовавъ шопотомъ, вышли изъ своей юрты, оставивъ одного изъ своихъ пріятелей караулить насъ, и удалились къ одной изъ центральныхъ юртъ, гдѣ пьянство лилосъ рѣкой. Теперь мы соображали, вѣроятно, разбойники, скакавшіе днемъ, стороною параллельно съ нами и выжидавшіе удобнаго случая для нападенія, на общей радости рѣшили уничтожить подозрительныхъ европейцевъ и воспользоваться ихъ караваномъ. Малочисленность наша, конечно, ободряла хунхузовъ. Съ своей стороны мы рѣшили, хотя студентъ Фрозе доказывалъ, что подошедшіе раньше къ телѣгѣ два монгола заряжали не ружья, а привязывали сѣнокосныя косы, которыя на закатѣ солнца вблизи насъ одинъ изъ монголъ тщательно навастривалъ, если ужъ не миновать намъ этого нападенія, то, использовавъ, какъ слѣдуетъ, винтовочный огонь, вскрикнуть „берите насъ“ и въ этотъ моментъ по шайкѣ разбойниковъ, приблизившейся къ намъ на нулевое разстояніе, произести рядъ выстрѣловъ изъ револьверовъ и, въ концѣ концовъ, кто успѣетъ, самимъ застрѣлиться. Съ каждымъ мгновеніемъ, не имѣя иного выхода на совершенно открытой мѣстности, мы предвкушали смерть или побѣду. Наконецъ, въ 2 часа ночи пьяная банда почему то стала разѣзжаться, мы съ большимъ вѣроятіемъ рассчитывали, что разбойники вотъ, вотъ попробуютъ насъ атаковать, но, продежуривъ всю ночь напролетъ, прижавшась кто къ лошади,

кто къ верблюду или просто къ землѣ, мы къ утру по истинѣ убѣдились, что всѣ наши испытанія ночлегомъ недалеко отъ Яман-сумэ уже закончились.

22 Августа. Скоро завьючиши верблюдовъ, запрягли телѣгу и давай Богъ ноги, оглядываясь назадъ, поѣхали на сѣверъ къ рѣкѣ Тао-эр-хэ, т. е. къ вчерашней нашей переправѣ. Въ моментъ нашего отъѣзда съ мѣста ночлега по условному знаку изъ ближайшихъ юртъ выскочило три монгола съ винтовками, которые въ суматохѣ, засѣдлавъ своихъ лошадей, направились прямо къ намъ, но видя, что мы смѣло прокладываемъ себѣ путь, немного остановились; затѣмъ съѣхали на ближайшія высоты и провожали насъ до тѣхъ поръ, пока мы не скрылись между деревьями въ ближайшей рѣчной долині. Втянувшись въ долину, мы форсированнымъ маршемъ незамѣтно подошли къ рѣкѣ Тао-эр-хэ, гдѣ, ободрившись при видѣ оказавшагося случайно перевозчика изъ Мушуй-цзюйской заставы, совершили переправу,—подтянулись къ китайской заставѣ, гдѣ и остановились возстановить свои силы. Первымъ дѣломъ на спокойномъ пристанищѣ, приготовивъ себѣ пищу, мы до наступленія вечера основательно соснули, а затѣмъ я, будучи приглашенъ китайскимъ чиновникомъ—старшимъ начальникомъ мѣстнаго лагеря, имѣлъ случай ознакомиться съ Мушуй-цзюйской заставой.

Мушуй-цзюйская застава взимаетъ пошлину съ лѣса, сплаваемого внизъ по теченію рѣки Тао-эр-хэ—это ея, яко-бы оффціальное назначеніе, въ дѣйствительности, судя по количеству войскъ, назначеніе заставы, расположенной въ узлѣ дорогъ, идущихъ изъ Хайлара, Цицикара и Тао-нань-фу, на границѣ хошуновъ Тушету-Цинь-вана и Чжасту-вана у выхода изъ Восточной Монголіи къ станціямъ Кит. Вост. жел. дор. Ирэкэ, Хинганъ и разъѣздъ Петля (150 верстъ) и ст. Фуляэрдэ (250—270 верстъ), мнѣ кажется, совершенно другое. Мушуй-цзюйская застава, силою 4 пѣхотныхъ и 2 конныхъ роты съ однимъ сомунѣ монголь (30—40 чел.), размѣщена въ палаткахъ, но для зимняго времени уже приступлено къ постройкѣ землянокъ и фанзъ. Пѣхотныя роты заставы (Фу-юань бу-вэй-ду)—пѣхотнаго охраннаго отряда изъ Хей-лун-цзянской провинціи, а конныя—изъ Тао-нань-фу. Составъ отряда—нижніе чины исключительно хунхузы и бывшіе служащіе русскихъ начальствующихъ лицъ большихъ станцій Восточной-Китайской желѣзной дороги и городовъ: Хабаровска, Владивостока, Благовѣщенска и Срѣтенска. Нижніе чины заставы свободно владѣютъ русскимъ языкомъ и отличаются откровенностью относительно предстоящихъ имъ дѣйсвій въ случаѣ войны съ Россіей, считаемой неизбежной,—предполагается взорвать Хинганскій тоннель и желѣзнодорожный мостъ на рѣкѣ Хей-лун-цзянъ (Нонни). Въ данное время застава выставлена подѣ

предлогомъ доимки главарей хунхузскихъ шаекъ, особенно Токтоху, и задержки движенія съ сѣвера Солоновъ, идущихъ на усиленіе хунхузскихъ бандъ съ задачею воспрепятствовать китайской колонизаціи; въ дѣйствительности предводители шаекъ находятся очень далеко—въ тылу заставы, да и численность ихъ не такъ уже велика, чтобы специально держать внушительный отрядъ, которымъ возможно не только перестрѣлять всѣхъ хунхузовъ, но даже переловить. Застава безспорно имѣетъ важное и секретное назначеніе, такъ какъ никто изъ китайцевъ и монголовъ къ сѣверу и на югъ отъ нея безъ бшета и пропуска (цзюэ-шэн — предрѣшить побѣду) отъ мѣстнаго начальства не пропускается. Мѣры охраненія: днемъ—дозоры на высотахъ, а ночью—костры по дорогамъ и по сторонамъ ихъ частые парные пѣшіе посты. Боевые запасы и остальное довольствіе для нуждъ заставы—китайскихъ войскъ доставляются изъ гор. Тао-нань-фу, монголы же довольствуются средствами своего хошуна. Конскій составъ хорошій, лошади—собственной всадниковъ; служба нижнихъ чиновъ по добровольному найму на срокъ не менѣе 2-хъ лѣтъ. Денежное вознагражденіе значительно больше, чѣмъ въ полевыхъ войскахъ: пѣшііі получаетъ 4 лана, а конный 7 ланъ серебра въ мѣсяцъ. Вооруженіе частью японское системы Мурата, образца 1897 года, съ мѣдными усѣченными пулями, русская трехлинейная винтовка и револьверы Нагана. Всѣ винтовки имѣютъ сошки; каждая пѣшая и конная роты имѣютъ вооруженіе одной системы. Отношеніе солдатъ къ русскому крайне дерзкое и вызывающее; офицеры, наоборотъ,—стараятся свидѣтельствовать дружеское отношеніе, хотя попутно съ этимъ слѣдятъ, чтобы русскому ничего не продавалось и не отпускалось. Солдаты заставы ежедневно получаютъ водку—два раза въ сутки, чего въ другихъ войскахъ не наблюдается. Мушуй-цзюйская застава въ командномъ отношеніи подчинена китайскому генералу Ни. Несмотря на то, что Мушуй-цзюйская застава представляетъ собою чисто военное поселеніе, тѣмъ не менѣе, немного поодаль отъ нея къ сѣверу, въ узкомъ ущельѣ, окаймленномъ, какъ и самая застава, перепутанною сѣтью высокихъ горъ, заросшихъ отдѣльными деревьями и мелкимъ кустарникомъ, обосновалась небольшая кумирня Лао-ъ-мяо и Солоно—китайская деревня.

Не лишнее будетъ сказать о недавнихъ нашихъ испытаніяхъ, теперь совершенно ступшевавшихся при встрѣчѣ съ главаремъ хунхузской шайки Токтоху и его вѣрными слугами, сопровождавшими вчера его обозъ, а также о характерѣ мѣстности. Обширная территория Монголіи по обѣимъ склонамъ предгорій Большого Хингана по своему гористому характеру мѣстности, перепутанной горными цѣпами и совершенному бесплодію, мѣстами на протяженіи 2—3 сотъ

версть, до известной степени создала притокъ хунхузскихъ шаекъ и бандъ, вдали отъ населенныхъ мѣстъ. Разбойничьи гнѣзда умножились пришлымъ элементомъ и вообще всѣми, кто только желалъ поживиться за счетъ беззащитнаго. Въ послѣдніе дни кадры бѣглецовъ, утвердившись на границѣ Чжеримскаго и Сплиньгольскаго сеймовъ и южнѣ Восточной Китайской желѣзной дороги, постоянно угрожая мирному населенію, до нѣкоторой степени пріостановили расширеніе китайской колонизаціи на пригодныхъ монгольскихъ пустыряхъ. Въ видахъ усиливающагося бродяжничества, тормозящаго успѣшный ходъ колонизаціи Монголіи, нынѣ китайское правительство, помимо усиленной охраны уже заколонизованныхъ мѣстъ, создало изъ своихъ войскъ, при участіи монгольскихъ, особые отряды для поимки главарей, или, въ крайности, для отбѣсненія ихъ въ менѣ населенныя, пустынные мѣста. Однимъ изъ видныхъ партизановъ съ ничтожнымъ отрядомъ, въ 25—40 человекъ, является Токтоху. Насколько пришлось установить, Токтоху по происхожденію дворянинъ 4 степени хошуна Южнаго Горлоса. Не такъ давно Токтоху, задавшись цѣлью пробудить спящій монгольскій народъ и до нѣкоторой степени воздѣйствовать на хошунныхъ князей, которые уступаютъ свои вѣсками населенныя мѣста подъ колонизацію, которая пзмѣняетъ весь жизненный пастушескій укладъ, временно проживая въ Харбинѣ, прикрываясь содержаніемъ заѣзжаго подворья исключительно для монголь, сумѣлъ приобрести современное огнестрѣльное оружіе и достаточное количество патроновъ. Когда, такимъ образомъ, существенное—оружіе было куплено и вывезено по назначенію, то главарь, явившись на поле дѣятельности, первымъ деломъ устроилъ облаву на свободномъ разѣзжающихся по Монголіи японцевъ и трофеями боевой его работы было, какъ говорятъ, убито 5 японскихъ офицеровъ-топографовъ, въ числѣ ихъ два офицера генеральнаго штаба. За столь кровавую развязку и потерю нужныхъ лицъ Японія поставила ультиматумъ Китаю—выдать голову партизана Токтоху. Предвидя недоброе, Токтоху съ вѣрными своими сподвижниками, двумя сыновьями и женой, организовавъ летучій отрядъ, скрылся въ горахъ Большого Хингана, поставивъ себѣ задачей убивать японцевъ, китайцевъ и не щадить окитаившихся князей и монголь, прочее же туземное населеніе, по возможности, оберегать. Въ данное время партизанъ съ крошечнымъ, какъ мнѣ пришлось видѣть лично, отрядомъ оперируетъ въ тылу ряда китайскихъ заставъ и своей подвижностью и отличными застрѣльщиками, надо полагать, еще продержится. Очень серьезною помѣхою въ дальнѣйшихъ разбойничьихъ операціяхъ Токтоху явилась, однако, перестрѣлка послѣднихъ дней, т. е. 13 августа 1909 года, съ китайскими войсками, причемъ на сто-

ронѣ разбойника оказались хотя и незначительныя потери, но, вмѣстѣ взятыя, не могутъ вознаграждать убитаго его сына.

Заканчивая вкратцѣ свѣдѣнія относительно Токтоху, теперь перейду къ колонизаціи.

Исслѣдованная Монголія въ различныхъ направленіяхъ обыкновенно рисуется громадной территоріей, крайне бѣдной населеніемъ и путями сообщеній, но въ поѣздку свою въ районъ горъ Большого Хингана я убѣдился, что въ этомъ районѣ Монголіи наблюдается нѣкоторая даже плотность населенія; встрѣчаются часто деревни, иногда значительныя по числу дворовъ, торговыя мѣстечки, города. Населеніе смѣшанное, преобладающій элементъ—китайцы, занимающіеся земледѣліемъ, торговлей и скотоводствомъ; туземное же населеніе, въ силу наплыва переселенцевъ-колонистовъ, сгруппировалось въ горныхъ долинахъ, менѣе пригодныхъ для земледѣльческой культуры. Колонизація Монголіи, особенно южной ея части, началась давно, распространяясь на удобныя для поселенія небольшіе участки земли въ княжествахъ, близко лежащихъ къ Китаю или Маньчжуріи; по послѣ русско-японской войны Китай, какъ бы сознавая важность Монголіи въ будущемъ, обратилъ особенное вниманіе на дѣло колонизаціи Монголіи и, главнымъ образомъ, части ея по восточному склону Большого Хингана вдоль рѣчныхъ долинъ и южной границы Хэй-лун-цзянской провинціи, соприкасающейся съ монгольскими владѣніями, прибѣгая большей частью къ принужденію по отношенію къ владѣльцамъ этихъ земель—монгольскимъ князьямъ и постепенно обращая хошунныя земли не въ опытыя земледѣльческія колоніи, какъ это ожидали монголы, а въ области съ китайскимъ населеніемъ, управленіемъ и гарнизонами войскъ. Исторія проникновенія китайцевъ въ застѣнную Монголію создалась давно, чуть ли не съ первыхъ годовъ утвержденія въ Китаѣ нынѣ правящей династіи. Первоначально Дайцинская династія взяла изъ общаго пользованія монгольскія значительныя площади земли, прилегавшія къ границѣ собственнаго Китая, здѣсь и на лучшихъ пастбищахъ обосновала дворцовыя и монастырскія имѣнія съ заповѣдными лѣсами для императорской охоты и лугами для выпаса рогагого скота и лошадей, ежегодно доставляемыхъ ко двору подданными монголами. Дальнѣйшій захватъ монгольскихъ южныхъ земель характеризовался уже другими мѣропріятіями,—родственники императорскаго дома, заслуженные мужи, оказавшіе услуги маньчжурскому государю въ бытность претендентомъ на китайскій престолъ, стали надѣляться земельными участками за счетъ тѣхъ же сосѣднихъ монгольскихъ княжествъ, поглоченныхъ междоусобными распрями. Такимъ образомъ пустопорожня монголь-

ская земля на границѣ съ Китаемъ мѣстами укрѣпляется въ собственность казны или членовъ императорскаго дома. Далѣе безземельные, гонимые нуждой китайцы стали уходить изъ внутренняго Китая и осѣдать на обширныхъ монгольскихъ пастбищахъ, прилегающихъ съ запада къ Ивовой изгороди (граница Монголіи съ Маньчжуріей), подвигаясь постепенно вдоль ея на сѣверъ и далѣе. Это массовое движеніе новоселовъ незамѣтно образовало деревни-уѣзды, нынѣ подчиненные областямъ Чен-дэ, Чан-ту-фу и Куан-чен-цзы. Такой способъ колонизаціи—самовольный захватъ монгольскихъ земель—во избѣжаніе столкновеній съ кореннымъ населеніемъ, былъ оговоренъ китайскимъ правительствомъ уплатой арендныхъ денегъ монгольскимъ князьямъ за занимаемые участки земли подѣ земледѣльческую культуру и, на ряду съ этимъ, была обѣщана въ пользу монголь вообще извѣстная доля изъ денежныхъ обложеній за торговля предпріятія новоселовъ-китайцевъ. Планъ колонизаціи монгольскихъ земель оказался раціональнымъ,—китайцы снимали у монголь по обоюдному соглашенію за ничтожную плату площадь земли, селились, богатѣли, не забывая, однако, съ каждымъ годомъ привлекать съ родины работниковъ изъ своихъ же собратьевъ, которые, въ свою очередь, дѣлались такими же хозяевами, и дѣло колонизаціи процвѣтало. Не такъ давно тѣ дни, когда представлялись доклады трону, въ которыхъ подчеркивалось, что князья Восточной Монголіи охотно уступаютъ свои земли подѣ правительственную колонизацію, которая выгодна и князьямъ и пріятна богдыхану, въ дѣйствительности же колонизація, какъ мнѣ пришлось подмѣтить, положительно разорила монголь, вынудивъ ихъ откочевать въ предгорья Хингана или остаться на старыхъ мѣстахъ, но уже въ подчиненіи китайскимъ властямъ. Князья Восточной Монголіи, благодаря китайскому крючкотворству, построенному на взяткахъ и подаркахъ за всякій шагъ князя, начиная съ восшествія на хошунный престоль, кончая похоронами, и связанные съ платежами въ казну, не говоря уже о наградахъ, повышеніяхъ по службѣ, въ церемоніяхъ вѣзда въ Пекинъ, представленіяхъ къ трону и проч., гдѣ также вымогательство и беззастѣнчивое взятчиничество китайскихъ чиновниковъ не имѣетъ границъ, являются по большинству неоплатными должниками въ казенные банки и частнымъ банкирамъ, по долгowymъ обязательствамъ которыхъ владѣтели монгольскимъ земель—князья не въ состояніи даже погасить чрезмѣрно высокихъ процентовъ. Въ силу задолженности хошунныхъ князей, теперь китайское правительство, путемъ принудительной покупки земель въ казну и въ частныя руки, съ успѣхомъ проводитъ свою политику по колонизаціи княжествъ и безцеремонно отмежевываетъ земельные участки китайскимъ

новоселамъ. Въ настоящее время колонизація восточнаго склона Большаго Хингана принимаетъ широкіе размѣры—сеймы: Чжаоудаскій—11 хошуновъ, Чжеримскій—10 хошуновъ и Цжасотускій—5 хошуновъ уже наполовину заколонизованы и остались еще фактически свободными хошуны: Цзунъ и Барунъ-Баринъ, Аро-хорчинъ, Цзунъ и Барунъ-Чжародъ и Кэшэкэтэнъ, какъ лежащіе первые пять въ горахъ, а послѣдній въ пескахъ. Южные хошуны, лежащіе по рѣкѣ Шара-мурнъ (Ляо-хэ) и сѣвернѣе по рѣкамъ Холенъ, Тао-эр-хэ, Чо-эр-хэ, Яль и Гуй-лэ-эр-хэ размежеваны и, по большинству, представляютъ мѣстами сплошное воздѣланное поле и также богаты хлѣбными злаками, какъ и сосѣдняя Маньчжурія. Земельные участки колонизаторами заняты наилучшіе, а обрѣзные земли—болота, выгоны и тому подобное предоставлены переселенцамъ въ бесплатное пользованіе. Стратегическая цѣль колонизаціи Монголіи ясно представляется,—захваченныя монгольскія земли превращаются въ китайскія поселенія, выростають города съ гарнизонами войскъ и беззащитный нашъ сосѣдъ—монголъ, прія нашей поддержки, въ недалекомъ будущемъ будетъ окончательно отѣсненъ съ своей, вѣками насиженой, территоріи переселенческой волной китайцевъ.

23 Августа. Рано поутру мы готовились къ выступленію, намѣреваясь выйти крайчайшимъ путемъ къ Хайлару. Если-бъ направиться къ сѣверо-западу по ущелью рѣки Тао-эр-хэ, переваливъ главный Хинганскій хребетъ, то, по всему вѣроятію, возможно было бы выйти на верховья рѣки Халха и, въ ничтожный промежутокъ времени по существующей тамъ дорогѣ, выйти къ линіи Восточной-Китайской желѣзной дороги, но мѣстное Мушуйцзюйское китайское начальство, видя, что такое наше передвиженіе не въ ихъ интересахъ, подъ предлогомъ наличности разбойниковъ—Солоновъ, оперирующихъ на этомъ кратчайшемъ пути, бесплодностью и безводіемъ долинъ, перепутанныхъ сътью горъ, покрытыхъ лѣсомъ, указало непосредственно для нашего дальнѣйшаго движенія болѣе западное съ уклоненіемъ на югъ направленіе. Однако, несмотря на всѣ мои доводы и ссылки на отсутствіе теплой одежды, усталость верблюдовъ, недостатокъ продовольствія и что хунхузы меня мало пугаютъ, насъ съ вооруженнымъ конвоемъ изъ 3 монголь и китайца-хунхуза (предполагалось назначить второе больше) направили въ совершенно мало интересную сторону по оголеннымъ горамъ и пустыннымъ рѣчнымъ долинамъ.

Три дня употребили мы на переходъ къ намѣченному пункту Цаганъ-обо. Переправившись на правый берегъ рѣки, пройдя нѣкоторое разстояніе вверхъ по ея теченію, мы вышли на небольшую равнинную площадку, гдѣ на свободныхъ отъ лѣса мѣстахъ въ палаткахъ бивуакировали китай-

скія войска. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ѣзды, мы подъѣхали къ монгольскимъ сомуннымъ шалашамъ, гдѣ стоитъ карауль во главѣ мэрэна хошуна Чжасту-вана, который останавливаетъ всѣхъ проходящихъ и проезжающихъ мимо караульной заставы. Начальникъ заставы насъ остановилъ, просилъ войти въ юрту и освѣжиться чаемъ. Во время чаепитія мѣстный мэрэнь жаловался на тяжелыя условія караульной службы, сообщилъ важную вещь, именно, что главарь хунхузскихъ шаекъ Токтоху съ ничтожнымъ своимъ отрядомъ продержится еще довольно много времени, такъ какъ наши передовые застрѣльщики-монголы, несмотря на строгія приказанія китайскихъ чиновниковъ, стрѣляютъ не по противнику, а вверхъ. „Мы, монголы, всѣми силами стараемся продлить жизнь Токтоху, какъ человѣку, отступившему наши земельныя права“. Простившись съ караульными монголами, мы поѣхали дальше противъ теченія рѣки, впадающей въ Тао-эр-хэ. Передъ нами открылась узкая, постепенно поднимающаяся извилистая долина, по срединѣ которой по глубокой канавѣ текла рѣка у подножія покрытыхъ лѣсомъ горъ. Тамъ и сямъ по долинѣ попадались небольшія группы юрты кочевниковъ, большая часть которыхъ занимается разведеніемъ овецъ. Мѣстами наша дорога близко подходила къ берегамъ рѣки Тып-тын-голь, и здѣсь мы могли наблюдать, какъ по рѣкѣ плавали цѣлыми стаями дикія утки, а вдоль береговъ важно бродили журавли и дрофы. Миновавъ нѣсколько монгольскихъ стойбищъ, мы пересѣкли Чингисхановскій валь, извиляющійся по горамъ съ сѣверо-востока на юго-западъ—перешли вбродъ рѣку и при ея верховьяхъ-ключаяхъ остановились ночевать. Пройденная долина, защищенная высокими горами, вслѣдствіе благоприятныхъ качествъ почвы, будеть, какъ передаютъ туземцы, скоро закончена; въ данное время землемѣрныя работы уже закончены. Въ мѣстѣ нашего ночлега, пользуясь сосѣдствомъ стада овецъ, мы купили барана и вдоволь накормили проголодавшихся монголь-проводниковъ.

24 Августа. Послѣ утренняго завтрака, состоявшаго изъ баранины и клецокъ, мы, завьючивъ верблюдовъ, сѣли на своихъ лошадей и отправились въ путь. Идя далѣе въ сѣверо-западномъ направленіи, мы замѣтно стали подыматься на переваль. Тыптынъ-даба. Пройдя еще нѣкоторое разстояніе, мы, вскарабкавшись на переваль, сразу перемѣнили свое направленіе на юго-западъ и далѣе на югъ, по глубокому ущелью, вдоль котораго было такъ глубоко, что глазъ утомлялся, слѣдя за его извилинами. Спустившись по ущелью, мы вышли на долину. Видъ прилегающихъ горъ поражалъ крайне дикимъ своимъ величіемъ: царяла мертвая тишина,—туземное населеніе отсутствовало. Послѣ трехчасоваго, довольно ускореннаго движенія мы достигли рѣки

Гуй-лэ-эр-хэ, прокладывающей себѣ дорогу по долинѣ на присоединеніе своихъ водъ къ рѣкѣ Тао-эр-хэ, гдѣ и остановились на отдыхъ. Достаточно отдохнувъ, мы тронулись въ дальнѣйшій путь. Сносная погода, баловавшая насъ болѣе мѣсяца, измѣнилась,—тучи быстро пелись по небу, застилая собою солнце и черезъ часъ времени началъ срываться не только дождь, но даже и снѣгъ, какъ зимою. Наступила темнота и послѣ двухчасовой борьбы съ дождемъ и снѣгомъ мы, выбившись изъ силъ, промоченные до костей, не могли продолжать путь и въ ущельѣ-же рѣки Гуй-лэ-эр-хэ остановились ночевать.

25 августа. Утромъ морозъ и пронизывающій вѣтеръ. Подкрѣпившись поутру завтракомъ, мы поѣхали дальше. Сначала дорога не представляла особенныхъ затрудненій, хотя шла и въ гору, но, достигнувъ чего-то похожего на ворота, образованнаго двумя выступами скалъ, мы не мало испытали затрудненій, пока не прошли ключевую трясину;—приходилось частенько останавливаться, чтобы дать перевести дыханіе верблюдамъ. Достигнувъ западной границы Чкастувана, мы вступили въ предѣлы хошуна Тушету-цинъ-вана. Здѣсь мы остановились на короткое время и напились чаю; затѣмъ возобновили свой путь. Послѣ 3-хъ часовой утомительной ходьбы противъ дождя и снѣга достигли небольшой рѣки, составляющей притокъ рѣки Гуй-лэ-эр-хэ. Дойдя до развѣтвленія дорогъ, мы начали взбираться на трудный перевалъ, но темнота застигла насъ прежде, чѣмъ мы добрались до Чаганъ-обо, гдѣ предполагалось провести ночь. Во время совершенія сегодняшняго перехода въ борьбѣ съ разряженнымъ воздухомъ, сильнымъ холоднымъ вѣтромъ, сопровождавшимся дождемъ и снѣгомъ, мучимые каждою п. голодомъ, мы были въ ужасномъ состояніи. Дорога шла то по долинѣ, то черезъ горные увалы. Никто не оживляетъ окружающей пустынной мѣстности. Рѣка Гуй-лэ-эр-хэ съ небольшими ея притоками протекала по глубокой долинѣ, которая мѣстами суживалась, то расширялась. Возвышающіяся по обѣимъ сторонамъ рѣки высокія горы казались сплошнымъ безъ конца нагроможденіемъ однихъ только горныхъ массъ. Здѣсь на сѣверной границѣ хошуновъ Чкастувана, Тушету-цинъ-вана и Бага Учжуму-цинъ въ широкихъ частяхъ рѣчныхъ долинъ, видимо, находятся любимыя лѣтнія пастбища туземнаго населенія, но въ данное время все перекочевало на югъ въ болѣе лучшія пастбищныя мѣста, защищенныя горами отъ зимнихъ холодовъ.

27 августа. Истощенные вчерашнимъ переходомъ, будучи заброшены въ мрачную область и страдая отъ прежде времени наступившаго холода, мы предположили здѣсь прикартаудѣ, расположенномъ при рѣкѣ Углай-голь, впадающей въ озеро Дута-голутай, сдѣлать дневку и, пользуясь даро-

вымъ топливомъ, высушить промокшія наши вещи. Недалеко отъ нашей стоянки, къ сѣверу надъ рѣчной долиною, имѣется Цаганъ-обо, представляя собою конусообразную вершину, совершенно особнякомъ расположенную отъ такихъ же, но уступающихъ ей по своей сравнительной меньшей высотѣ, горь. Мѣстность, гдѣ мы предположили отдохнуть, мало обитаема, за исключеніемъ выставленнаго здѣсь на развѣтвленіи дорогъ сомуну войскъ хошуна Бага-Учжумуцинь, назначеніе котораго препятствовать свободнымъ дѣйствіямъ небольшой партіи грабителей, оперирующихъ здѣсь, по отношенію къ беззащитнымъ монголамъ. Караульный сомунъ, числомъ 23 юрты при 25 конныхъ всадникахъ, вооруженъ ружьями системы Маузера, мало подвиженъ для выполненія своей задачи, такъ какъ связанъ стадами рогатаго скота и овецъ.

28 августа. Небо было пасмурно; дулъ холодный вѣтеръ. Мы, предвидя новую снѣжную бурю, охотно, кто имѣлъ, надѣвъ теплыя одежды, покинули мѣсто дневки и въ сопровожденіи двухъ монголъ мѣстнаго караула, назначенныхъ проводниками, начали подыматься по рѣчной долины. Съ исходнаго пункта нашего движенія мы какъ будто кончили наше юго-западное и южное направленіе и нашъ маршрутъ, то къ сѣверу, то къ западу,—въ общемъ круто заворачивалъ опять къ югу. Дорога, извиваясь съ одного перевала на другой, постепенно поднималась на горные отроги. Растительное царство привольныхъ пастбищныхъ мѣстъ богато стадами дикихъ козь и встрѣчающихся въ огромномъ количествѣ тарбагановъ (сурковъ); изъ хищныхъ звѣрей можно отмѣтить особенно присутствіе волковъ; ихъ такъ много и они такъ не пугливы, что бродятъ по соседству пасущихся стадъ и кочевій. Поднявшись на нѣсколько переваловъ по крутой дорогѣ, мы достигли новаго караула, именуемаго Цзурхэ, гдѣ и остановились провести ночь. Вниманіемъ заботливаго цзаггина—начальника мѣстнаго караула, намъ была отведена отдѣльная юрта, приготовлено топливо и вода; мы наскоро сварили пищу, подкрѣпились и, забывъ невзгоды сегодняшняго тяжелаго перехода, легли спать. Карауль Цзурхэ, судя по количеству разбросанныхъ юртъ, надо полагать, представляетъ не болѣе одного сомуну всадниковъ, вооруженныхъ ружьями системы Маузера 1884 года.

29 Августа. Утро ясное, холодное, повсюду открывается величественный видъ и хотя наши глаза и привыкли къ картинамъ горной природы, тѣмъ не менѣе мы любовались ея дикимъ величіемъ. Покинувъ стоянку нашего ночлега, имѣя направленіе на сѣверъ, мы потянулись вдоль долины, орошаемой небольшой рѣчкой Сайхан-голь. Выйдя на верховья рѣки, уклоняясь къ сѣверо-западу и пройдя нѣсколь-

ко невысокихъ переваловъ, къ полудню дошли до пограничнаго караула Хэрэмтэ. Подкрѣпившись нищей, за отсутствіемъ достаточнаго подножнаго корма, возобновили дальнѣйшій путь вверхъ по теченію пельбшой рѣки Нампръ-голь. Съ мѣста нашего полдника снова, огибая высокой горный кряжъ, мы уклонились къ югу. На закатѣ солнца мы, переѣхавши верховье рѣки Нампръ-голь, рѣшили въ одну запряжку хотя бы даже къ утру достигнуть монастыря Лух-сумэ. Настала темнота. Мы, уклоняясь то къ сѣверу, то на югъ, въ общемъ имѣя сѣверо-западное направленіе, на разсвѣтѣ подошли къ Лух-сумэ. Пройденный форсированный путь пролегалъ вначалѣ черезъ невысокіе холмы, а приближаясь къ монастырю, между песчаными буграми, на днѣ впадинъ которыхъ часто попадались ручейки и мокрыя мѣста съ лужами воды. Прилегающая къ дорогѣ степная растительность богата разнообразіемъ травъ; ближе же къ кумирнѣ Лух-сумэ степныя пастбища замѣтно ухудшаются и подлѣ самой кумирни, расположенной на равнинѣ, окруженной песчаными увалами, какая бы то ни была растительность по случаю засухи совершенно отсутствовала. Переночевавъ при пограничномъ караулѣ Мусутэ, мы предположили выступить подъ вечеръ. Около 10 часовъ утра намъ пришлось наблюдать довольно интересное явленіе: войска мѣстнаго караульнаго гарнизона, возвратившись изъ набѣга противъ Солонъ, оперирующихъ къ сѣверу отъ монастыря, надъ одеждой и сѣдломъ, взятыми съ убитаго ими разбойника, творили молитвы заклинанія, причемъ сѣдло, выставленное внѣ расположенія караула для назиданія другимъ, должно оставаться не менѣе семи дней, а затѣмъ, какъ вещественное доказательство успѣшности сторожевой службы, будетъ предоставлено владѣтелю хошуна. Прибывшіе караульные храбрецы, прежде чѣмъ разѣхаться по своимъ юртамъ, съ нѣснями трижды объѣхали гарнизонныя юрты и, поставивъ сомунный значекъ, разсѣдали лошадей, причемъ каждая лошадь была окурена курительной свѣчой и надъ каждой изъ нихъ также была прочитана хвалебная молитва. Всадники караула Мусутэ вооружены винтовками системы Маузера, изготовленія 1877 года. Какъ пришлось подмѣтить, и здѣшній, какъ и всѣ прочіе, хошунный пограничный караулъ ощущаетъ недостатокъ въ патронахъ. На закатѣ солнца, взявши проводника, мы поѣхали дальше. Миновавъ кумирню Лух-сумэ, оставивъ ее сзади себя къ востоку, вышли на караванную дорогу изъ гор. Долонноръ въ гор. Хайларъ. Пройдя нѣсколько верстъ и оставивъ къ западу отъ дороги большое озеро, возлѣ пограничныхъ юртъ хошуна Захэй-бэйсэ, Кэрулон-барехотоскаго сейма, остановились переночевать.

Кумирня Лух-сумэ, хошуна Бага-Учжумуцинь, пред-

ставляетъ собою крошечный монастырь или, точнѣе,—обитель пустынниковъ, гдѣ, какъ говорятъ, пріютилось нѣскольکو десятковъ ламъ. По внѣшнему виду монастырь и кельи для ламъ носятъ отпечатокъ пережитыхъ превратностей судьбы со времени основанія,—во всемъ и вездѣ проглядываетъ упадокъ и убожество. Что же касается внутренней обстановки, то съ ней, въ силу явнаго недоброжелательства мѣстнаго духовенства, мнѣ не пришлось ознакомиться.

31 Августа. Съ восходомъ солнца мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Оставивъ мѣсто ночлега—границу Силингольскаго и Кэрулюнь-барсхотоскаго сеймовъ, мы повернули на сѣверъ и направились къ рѣкѣ Халха-голь. На обширной слегка волнообразной долинѣ, мѣстами при небольшихъ ручейкахъ и дождевыхъ озерахъ, залегаютъ хорошія пастбищныя мѣста. Равнина, по которой мы шли, открыта почти со всѣхъ сторонъ, только на отдаленномъ востокѣ и ближайшемъ западѣ видны гряды горъ мягкихъ очертаній. Слѣдуя во многихъ мѣстахъ по тяжелой грязи, мы совершенно выбились изъ силъ, и въ 3—4 верстахъ восточнѣе кумирни Югу-чжир-лама-ин-сумэ, остановились на ночлегъ. Пройденное разстояніе, также какъ и раньше, характеризуется малонаселенностью, только подлѣ кумирни группами въ нѣсколькихъ мѣстахъ осыло на зиму туземное населеніе.

1 Сентября. Утро холодное и мороситъ мелкій осенній дождикъ. Напившись чаю, мы покинули мѣсто ночлега и продолжали идти вдоль невысокихъ холмовъ, западныхъ отроговъ Большого Хингана. Черезъ два часа времени, послѣ отправленія съ мѣста ночлега, мы прошли ставку князя Захэй-бэйсэ, расположенную къ западу отъ нашей дороги не болѣе 6—7 верстъ. Теперь, перейдя въ бродъ четыре небольшие ручейка, изъ которыхъ наибольшими являются Баянь-голь и Хаганъ-голь, мы начали подыматься и спускаться на доступные для движенія подъемы и спуски, пока къ вечеру не достигли кумирни Хошунъ-сумэ. Часть нашего пути пролежала по постепенно возвышающейся равнинѣ, а затѣмъ ближе къ кумирнѣ по горнымъ уваламъ. Возвышавшіяся къ востоку отъ насъ горы скрывали свои очертанія въ дождевой мглѣ. Хошунная кумирня Шэн-гуанъ-ань-сы, расположенная въ пескахъ небольшой котловины, окруженной увалами, по роду своихъ деревянныхъ построекъ главного храма и жилищъ для ламъ, очень бѣдна и ничѣмъ изъ своихъ сооружений не можетъ напомнить собою монгольскіе монастыри, какіе мнѣ пришлось видѣть раньше. Штатъ ламъ невеликъ; монастырскіе послушники—хувараки, въ свободное отъ обычныхъ своихъ священныхъ требъ время, бродятъ партіями по ближайшимъ бывшимъ монгольскимъ кочевьямъ и собираютъ грибы, которые въ сыромъ или въ сушеномъ видѣ продаютъ пріотившимся здѣсь китайскимъ

кущамъ. Вокругъ хошуннаго монастыря, на ряду съ ламскими жилищами, разбросали свои юрты и богатые скотоводы-монголы.

2 Сентября. Утромъ морозъ, слегка сковавшій землю, къ полудню оттепель. Нашъ путь пролегалъ мимо двухъ почитаемыхъ населеніемъ священныхъ обо, устроенныхъ на возвышенныхъ мѣстахъ ближайшихъ уваловъ, лежащихъ къ западу и къ востоку отъ дороги. Оставивъ за собой хошунную кумирню и два обо, поднявшись на нѣсколько незначительныхъ уваловъ, къ полудню мы спустились къ рѣкѣ Халха-голь, составляющей границу сѣверо-восточныхъ владѣній Кэрулпонтъ-барс-хотоскаго сейма съ землями Барги, нынѣ Хулунбирскій округъ.

Рѣка Халха въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы на нее вышли, протекаетъ въ широкой долинѣ, сопровождаемой съ сѣвера непрерывной линіей горъ, круто поднимающихся надъ рѣкой, южный же берегъ рѣки покрытъ степной растительностью. Рѣка Халха, получивъ свое начало въ горахъ Хингана, отличается отъ другихъ рѣкъ тѣмъ, что въ среднемъ ея теченіи встрѣчается древесная растительность, а верховье, какъ передаютъ туземцы, покрыто непроходимыми лѣсами. Глубина рѣки, въ силу частыхъ атмосферныхъ осадковъ и подъ влияніемъ притока воды изъ ручейковъ, въ нее впадающихъ,—измѣнчива, колеблется отъ 2-хъ аршинъ до 2 сажень. Теченіе быстрое, ширина не болѣе 12—15 сажень, ложе извилисто и песчаное дно съ примѣсью гальки. Берега рѣки пологіе и во многихъ мѣстахъ доступны для переправы, особенно въ сухое лѣто. Нынѣ рѣка Халха, несущая свои воды въ озеро Буурь-норъ, благодаря быстротѣ теченія и полноводью въ мѣстѣ нашей остановки, совершенно прекратила переѣздъ—бродовъ нѣтъ. Послѣ непродолжительнаго отдыха, во время котораго успѣли подкрѣпитъ пищу, мы приступили къ переправѣ, но послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ достигнуть противоположнаго берега пришлось отказаться отъ переправы до завтрашняго дня, такъ какъ связанные въ видѣ плота двѣ лодки быстрымъ теченіемъ воды уносились внизъ по теченію рѣки.

3 Сентября. Заночевавъ при переправѣ, мы съ восходомъ солнца, поджидая перевозчиковъ изъ сосѣдняго монгольскаго караула, готовились къ переправѣ. Достаточно укрѣпивъ веревками мѣстныя узкія плоскодонныя лодки, скорѣе душегубки, мы, поставивъ на нихъ одну только телѣгу, цѣпляясь за деревья, вѣтки которыхъ нависли надъ водой, потихоньку подтягивались вверху по теченію. Такимъ образомъ, выбравшись на 30—35 саж. выше намѣченнаго на противоположномъ берегу пункта остановки, мы пустили лодку по теченію и, какъ только теченіемъ воды были прижаты къ противоположному берегу рѣки, то мо-

ментально одинъ изъ участниковъ переправы съ веревкой въ рукахъ выскочилъ на берегъ и руководить дальнѣйшимъ движеніемъ, пока плотъ не былъ подведенъ къ болѣе полному мѣсту для сѣзда. Остальная перевозка вещей и переправа верблюдовъ и лошадей была произведена такимъ же, какъ и раньше, способомъ и, въ общемъ, хотя и не безъ затрудненій, мы послѣ 3 часовъ работы все-таки перебрались на противоположный берегъ. Наскоро навьючивъ немного обсохшихъ верблюдовъ, мы, съ помощью одного провожатаго, съ первыхъ шаговъ нашего дальнѣйшаго движенія вступили въ предѣлы владѣній монголь Барги (Хулунбирскій округъ). Поднявшись на гористый празый берегъ рѣки Халха, мы пересѣкли дорогу въ Гань-чжур-сумэ, изывающуюся по горамъ вдоль рѣки, и начали то спускаться, то подыматься на невысокіе перевалы, пока не достигли группы небольшихъ озеръ, богатыхъ водяной дичью—гусями, утками и лебедями. Послѣ того, какъ мы миновали озера, оставшіяся безъ названій, и отаборившіяся возлѣ нихъ китайскій обозъ, наша дорога, постепенно уклоняясь къ сѣверо-востоку, сразу измѣнила свое первоначальное направленіе на сѣверо-западъ, къ кумирнѣ Чжан-чжи-сумэ, какъ называютъ ее монголы китайской транскрипціей. Продвинувшись еще нѣсколько впередъ, мы, пройдя небольшую возвышенность, покрытую сосновымъ лѣсомъ, подошли къ выше поименованной хошунной кумирнѣ, гдѣ въ сумеркахъ остановились переночевать. Кумирня хошуна Гуль-хуху хэйтмэ-хэйтэгэчиту-сумэ (дэ-фу-сы) обратилась въ совершенныя развалины, за исключеніемъ ветхаго главнаго храма,—остальныя небольшія кумирни недавно разрушены; горсть монастырскихъ ламъ съ хувараками проживаютъ въ деревянныхъ фанзахъ, которыя вполонину пустыютъ. Вечеромъ, въ поискахъ купить нѣсколько чайныхъ чашекъ муки и такое же количество пшена, мнѣ случайно пришлось наткнуться въ одной изъ здѣшнихъ фанзъ на китайскихъ ремонтеровъ, которые, имѣя своей сборный пунктъ въ кумирнѣ, путемъ принудительной покушки, по сравнительно низкой цѣнѣ приобрѣтали лошадей у мѣстныхъ монголь. Лучшихъ статей лошадей: возраста 4—5 лѣтъ, роста 2 арш. $\frac{1}{2}$ верш., преимущественно гнѣдой масти, цѣнилась не свыше 25 ламъ серебра или 38 руб. Расчетъ съ продавцами лошадей производился за наличныя, исключительно русскими кредитными рублями. При кумирнѣ Хэйтмэ-хэйтэгэчиту, какъ передаютъ заинтересованные въ сбытѣ своихъ лошадей ламы и міряне, китайскими властями куплено болѣе 1000 головъ лошадей, которыя направлены въ гор. Тао-нань-фу и Мукденъ.

4 Сентября Рано утромъ, подкрѣпивъ свои силы одной только бараниной, мы поѣхали дальше, и подвигаясь то къ

западу, то къ востоку, въ общемъ имѣя направленіе къ сѣверу, пока не достигли песчаной полосы. Несмотря на обиліе здѣсь песчаныхъ уваловъ, покрытыхъ рѣдкимъ хвойнымъ лѣсомъ, наше движеніе было сравнительно легкое. По сторонамъ дороги, при полномъ отсутствіи кочевниковъ, часто попадались въ одиночку и небольшими партіями китайцы, усердно занимающіеся порубкой оставшагося здѣсь строевого лѣса. Двигаясь далѣе къ рѣкѣ Хуй-голь, мы случайно встрѣтили китайскаго офицера, уклонившагося почему то проѣхать мимо нашего каравана и предпочевшаго сдѣлать нѣкоторый окружный путь; далѣе—девять китайскихъ телѣгъ съ вооруженнымъ прикрытіемъ и, наконецъ, шесть подъ рядъ табуновъ лошадей. Лошади каждаго табуна, не свыше 300—500 головъ, были: мерена крѣпкаго сложенія, глубокимъ ребромъ, короткой мясистой шеей, на крѣпкихъ и сухихъ ногахъ, гнѣдой масти и относительно средняго возраста и роста, какъ сообщили табунщики-монголы, направляются въ гор. Тао-нань-фу. Насколько пришлось подмѣтить, всѣ лошади имѣли свѣжее тавро „гуань“—правительственный, казенный. Оставивъ за собою табуны лошадей, мы, продвинувшись нѣсколько впередъ, остановились на полдникъ возлѣ небольшого озера, гдѣ, вокругъ отаборившихся телѣгъ, также выпасались подъ присмотромъ китайцевъ два табуна лошадей. Только что мы расположились на полдникъ, не успѣвъ даже развьючить верблюдовъ, какъ къ нашему стойбищу подошли, если можно такъ выразиться, отъ нечего дѣлать, два китайскихъ чиновника. Явившіеся гости—китайцы предлагали намъ только вопросы: „откуда, куда и зачѣмъ?“, говорить же о себѣ почему то избѣгали. Разъ это такъ, то и мы также воздержались отъ своихъ отвѣтовъ и совершенно прекратили разговоръ. Отношенія сразу обострились,—по убѣжденію китайскихъ чиновниковъ, всякій странствующій, находясь на территории сыновъ Поднебесной имперіи и Монголіи, обязанъ удовлетворять ихъ лишь отвѣтами на заданные вопросы, не пытаясь, однако, вознаградить и себя такими же свѣдѣніями. Пробывъ на совмѣстномъ съ китайскими чиновниками стойбищѣ короткое время только для того, чтобы подкрѣпиться силами, мы возобновили свое дальнѣйшее движеніе. Надо сказать, что между китайскими чиновниками-ремонтёрами и нижними чинами можно было, судя по наружнымъ отличіямъ, наблюдать представителей кавалеріи, артиллеріи, пѣхоты и даже саперъ. Назначеніе въ ремонтную комиссію кавалеристовъ, артиллеристовъ и пѣхотинцевъ, какъ связанныхъ по роду службы съ примѣненіемъ силы лошади, еще понятно, что же касается участія въ покупкѣ лошадей саперъ, то оно является, мнѣ кажется, совершенно излишнимъ. Присутствіе послѣднихъ въ ремонтной комиссіи возможно объяснить толь-

ко тѣмъ, что на ряду съ покупкой лошадей вдоль Восточной Китайской желѣзной дороги отъ Хайлара до Маньчжуріи, саперамъ представлялась развѣ возможность познакомиться съ линіей желѣзной дороги. Лошади пріобрѣтались исключительно верхового и упряжнаго сортовъ и въ хорошихъ тѣлахъ.

Оставивъ сзади себя табуны ремонтныхъ лошадей, мы продолжали нашъ путь частью по пескамъ, но болѣе всего по едва замѣтной тропинкѣ, заросшей высокой травой. По пути мы встрѣчали только мѣстами небольшія сосновыя рощи; туземное населеніе, какъ и раньше, отсутствовало вплоть до верховьевъ рѣки Хуй-голь, куда мы подѣнулись довольно поздно. Глубина рѣки Хуй-хэ выше колѣна человека, ширина въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее пересѣкаетъ дорога при деревнѣ Цзи-си-то-та, сажени три не больше, въ другихъ мѣстахъ ширина рѣки далеко уже. Рѣка Хуй-хэ, при ничтожной своей ширинѣ и такой же относительно глубинѣ, на всемъ протяженіи до впаденія въ рѣку Эмин-хэ доступна для переѣзда. Селеніе Цзи-си-то-та, расположенное на правомъ берегу Хуй-голь, гдѣ мы остановились ночевать, состоитъ изъ нѣсколькихъ хуторовъ, разбросанныхъ по берегу рѣки. Дома туземцевъ и новоселовъ-маньчжуръ выстроены хорошо и на видъ зажиточны. Туземное населеніе хошуна Гуть-уланъ занимается скотоводствомъ и коневодствомъ, маньчжуры же, съ разрѣшенія хайларскаго амбана, арендуютъ земли монголь, пока въ ничтожныхъ размѣрахъ, насаждаютъ земледѣльческую культуру и поддерживаютъ огородничество.

5 Сентября Утро тихое и теплое. Покинувъ селеніе Цзи-си-то-та, переѣхавъ дорогу на Гань-чжурь-сумэ и миновавъ небольшое, заросшее камышемъ озеро, мы подѣлись на невысокіе холмы и вступили въ сосновыя рощи. Пройдя сосновый лѣсъ, здѣсь мы, не дождая ручейка, какъ говорятъ, Наримъ-голь, остановились на короткое время, напились чаю и, помызаясь хорошимъ настѣищемъ, подкрѣпили силы верблюдовъ. Затѣмъ, возобновивъ къ вечеру свой путь, мы послѣ двухъ часовъ ночной утомительной ѣзды, миновавъ озеро Хара-нуръ, встрѣтили китайскій таборъ, гдѣ и остановились ночевать. Пройденный сегодня путь ничѣмъ не оживлялъ окружающей холмистой мѣстности: населеніе по сторонамъ дороги и вдали въ долинахъ, мѣстами съ хорошей травяной растительностью, отсутствовало.

6 Сентября. Рано по утру, разставшись съ китайскимъ обозомъ, направлявшимся на югъ въ Монголію для обмѣна на сырье—крупы, муки, чаю и проч., мы продолжали идти впередъ къ сѣверу. Слѣдуя изъ глубокой долины, черезъ крутой перевалъ въ такую же узкую долину, мы въ сторонѣ отъ дороги замѣтили приближающихся къ намъ двухъ

пѣшеходовъ. Послѣ нѣсколькихъ верстъ пути, пѣшеходы, держась на одной высотѣ съ нами, оказались несущими на коромыслахъ какой-то грузъ; мы остановили свой караванъ и по приближающимся къ намъ пѣшеходамъ сдѣлали прицѣлку, послѣ чего картина видоизмѣнилась,—пѣшеходы стали сопровождать насъ уже верхами, пользуясь складками мѣстности и, вдобавокъ, къ прежнимъ двумъ прибавилось еще два. Было уже далеко за полдень, когда мы подошли къ рѣчной долинь, окруженной невысокими горными кряжами и подлѣ туземныхъ юртъ, разбросанныхъ по берегу рѣки Эминь-хэ, остановились провести остатокъ дня и ночь. Сопровождавшіе насъ вначалѣ нѣшіе, а затѣмъ верховые, какъ увѣряли мѣстные туземцы—Солоны, были безусловно грабители, которые, особенно въ періодъ Ганьчжурской ярмарки, часто нападаютъ съ револьверами въ рукахъ на купеческіе обозы. Присутствующіе здѣсь богатые Солоны, пожелавъ намъ счастливаго пути только на завтра, сегодня же и наступающую ночь совѣтовали остаться подъ ихъ охраной. Мы такъ и сдѣлали,—развьючили верблюдовъ и подлѣ овечьяго загона остановились на отдыхъ.

Хотя мы подошли и близко къ линіи Восточной Китайской желѣзной дороги, но признаки близости русской жизни въ глаза не бросались, между тѣмъ, между богатыми монголами Олотаи и Даурами, занимающимися здѣсь исключительно овцеводствомъ, коневодствомъ и скотоводствомъ, приходилось слышать фамиліи русскихъ людей, особенно скотопромышленниковъ, которые частенько закупаютъ у монголъ скотъ и сырье.

Монголы, живущіе въ широкой долинь рѣки Эминь-хэ, защищенной съ сѣвера и юго-запада невысокими горными кряжами, охотно идутъ къ русскимъ на встрѣчу съ предложениемъ сырья и скота, разводимаго туземнымъ населениемъ на обширныхъ солончаковыхъ степяхъ (гучжиръ), долинахъ и склонахъ горъ, мало пригодныхъ для земледѣлія. Кочевое население разводитъ преимущественно рогатый скотъ крупной породы и малорослыхъ, но выносливыхъ лошадей. Скотъ круглый годъ остается на подножномъ корму—пасется лѣтомъ въ горахъ на лучшихъ пастбищахъ, гдѣ меньше назойливыхъ комаровъ и оводовъ, а зимою въ защищенныхъ и при водѣ долинахъ; какъ пришлось установить, на зиму богатые скотоводы для захудалаго и большого скота, а также на случай суровой зимы, заготавливаютъ сухой фуражъ. Вообще мѣстные монголы въ массѣ очень богаты и въ состояніи создать отъ себя выгодный потребительный для русскихъ товаровъ рынокъ, отпуская въ то же время свое сырье и скотъ. Больше крупными владѣльцами рогатаго скота, овецъ и лошадей являются, какъ и вообще въ Монголіи, конечно монастыри, но здѣсь, по верховьямъ и среднему теченію

рѣкъ Халха, Хуй-голь и Эминь-хэ, въ силу природныхъ условій мѣстности и унаслѣдованной отъ предковъ склонности при кочевомъ образѣ жизни заниматься животноводствомъ, среди кочевниковъ нерѣдко насчитываются собственники 2—3 тысячъ лошадей, 5—7 тысячъ овецъ и 7—8 сотъ головъ крупнаго скота. Зажиточность мѣстныхъ монголь, особенно ламъ-созерцателей, сказывается во всемъ, начиная съ юрты, богато обставленной различными вычурныхъ цвѣтныхъ красокъ шкафами и проч. предметовъ обстановки, божницы, роскоши шелковыхъ костюмовъ, женскихъ головныхъ украшеній,—нефритовыхъ серегъ, серебряныхъ массивныхъ браслетовъ, чайныхъ деревянныхъ чашекъ, отдѣланныхъ серебромъ, и много прочаго другого, чего не приходилось видѣть у южныхъ и захинганскихъ монголь; наконецъ, большинство гордится богатствомъ сѣдла и къ нему убора въ серебряной оправѣ, цѣнныхъ табакерокъ, поясныхъ ножей и вмѣсто простыхъ юфтовыхъ сапогъ многіе щеголютъ въ плисовыхъ и бархатныхъ туфляхъ. Въ отношеніи потребностей желудка обыватель не скупится баловать себя мясомъ, масломъ, молокомъ, мучными лепешками и проч. Въ общемъ, по глубокому убѣжденію, возможно засвидѣтельствовать, что здѣшніе монгольскотководы во всемъ превзошли своихъ собратьевъ, видѣнныхъ мною ранѣе.

7 Сентября. Утромъ морозъ. Нашъ путь лежалъ внизъ по теченію рѣки Эминь-хэ, пробивающей себѣ дорогу по широкой долинѣ на присоединеніе своихъ водъ къ рѣкѣ Хай-ла-эр-хэ; послѣ часа ѣзды мы достигли кумирни Баену-чукларагулакчи-сумэ (Янь-си-сы), расположенной въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ лѣваго берега рѣки Эминь-хэ. Кумирня представляетъ одинъ небольшой храмъ, обнесенный каменной стѣной. Внутренность храма богата статуями, а также разными изображеніями учениковъ Будды, вытканыхъ на шелковыхъ матеріяхъ. При кумирнѣ имѣется одна фанза для постояннаго пребыванія при храмѣ его настоятеля, остальные ламы кочуютъ со своими стадами и въ дни большихъ и народныхъ праздниковъ съѣзжаются къ монастырю для участія въ общемъ моленіи. Оставивъ сзади за собой кумирню, мы потянулись далѣе къ Хайлару. Къ 11 часамъ дня мы подошли къ вновь устроенной кумирнѣ Гуань-юань-сы (Хэрэл-тугэсгэки-сумэ), гдѣ и остановились позавтракать. Новая кумирня достраивается средствами Солонъ, которые по большинству исповѣдываютъ буддизмъ, хотя между ними немало есть исповѣдниковъ и шаманской вѣри; для богослужебныхъ требъ, за отсутствіемъ въ ихъ средѣ собственныхъ ламъ, приглашаютъ пока духовенство изъ кочевниковъ—Ологовъ, знающихъ тибетскій языкъ; но въ будущемъ, при помощи устраиваемой при храмѣ школы, пола-

гаютъ побудить свое подрастающее поколѣніе къ служенію Буддамъ. При кумирнѣ, судя по кучамъ конскаго навоза и признакамъ бывшихъ стоянокъ табора и какъ сообщили мѣстные монголы, китайская ремонтная комиссія въ теченіе августа мѣсяца закупала у окрестнаго населенія лошадей и, какъ передаютъ туземцы, лошадей средняго возраста, въ хорошихъ тѣлахъ и по цѣнѣ не свыше 38 рублей, куплено болѣе 1700 головъ. Табуны ремонтныхъ лошадей направлены кратчайшимъ путемъ въ гор. Тао-нань-фу.

Закончивъ свой завтракъ, мы поѣхали дальше. Приближающаяся, то удаляющаяся немного въ сторону отъ дороги, рѣка Эминь-хэ съ плоскими берегами, шириной не болѣе 15 сажень, глубиной свыше сажени и относительно быстрымъ теченіемъ воды на всемъ своемъ протяженіи до гор. Хайлара, по случаю полноводья, недоступна для перѣзда; въ знойное лѣто въ мѣстахъ разливовъ и рукавовъ доступна вбродъ. День склонялся къ вечеру. Прошли развалины старой кумирни, переѣхали Хуй-голь, впадающей возлѣ кирпичнаго завода въ Эминь-хэ, полюбовались могильнымъ памятникомъ богатаго солдона, остановились отдохнуть, а Хайлара все нѣтъ и нѣтъ. Подкрѣпившись наскоро новыми силами, мы, оставляя за собой чередующіяся весь день группами монгольскія юрты, вышли на широкую долину съ жалкой степной растительностью; миновали двѣ Даурскія деревни и, наконецъ, вдали показались станціонныя огни. Сердца наши лихорадочно забились и мы, путаясь безъ дороги по грязи порывовъ дожда и снѣга, промокшіе до послѣдней нитки и прозябшіе до костей, вошли въ станціонное предмѣстье и въ домѣ Русско-Монгольскаго товарищества нашли самый радушный пріемъ. Теперь намъ оставалось въ особо назначенномъ дворѣ развьючить верблюдовъ и поздравить себя и своихъ спутниковъ, что мы послѣ болѣе годичнаго скитанія по Монголіи и части Китая вновь вступили на родную землю. Я былъ не менѣе остальныхъ своихъ спутниковъ счастливъ, что наступилъ конецъ моему мытарству и съ неизъяснимой радостью, съ слезами на глазахъ пожалъ руки своимъ товарищамъ, а кого нужно расцѣловалъ. Сразу ступевались двухнедѣльное общее недоѣданіе, трудности борьбы съ дикой природой, покушенія на нашу жизнь со стороны враждебно настроеннаго населенія, скитальческій образъ жизни, физическія лишения и многое прочее, едва теперь вспоминаемое.

Однако, пріотившіе насъ представители товарищества торопили насъ покончить развьючиваніе нашего каравана и возможно скорѣе отвѣдать ихъ хлѣбъ-соль. Признаться сказать, проголодавшійся желудокъ, предчувствуя доброкачественность провизіи и поварское искусство, удвоилъ нашу энергію и мы, закончивъ свои дѣла съ обозомъ, пере-

знакомились съ служащими товарищества и за общимъ сытнымъ ужиномъ также пропустили долю спиртнаго для крепкаго сна. Закончивъ ужинъ и вкратцѣ обмѣнявшись путевыми впечатлѣніями, мы не прочь были воспользоваться удобнымъ помѣщеніемъ провести подъ кровлей первую ночь. Вниманіе отзывчивыхъ хозяевъ предоставило намъ отдѣльную комнату и мы, кто какъ пошло, разбросавъ свои одѣяла, кто на кровати, кто на полу, позабывъ очерденныя смѣны караула и все прошлое, легли спать.

8 Сентября. Послѣ завтрака, предварительно смывши пласты монгольской грязи, мы принялись за ликвидацію каравана. Уважаемый представитель товарищества П. разрѣшилъ телеги, вьюки и разный дорожный скарбъ сложить въ свободныхъ надворныхъ товарищества сараяхъ, а верблюдовъ и лошадей отдать для пастбы въ Монголіи въ общемъ стадѣ животныхъ товарищества. Далѣе оружіе, патроны, аптеку и оставшіеся разные подарки я помѣстилъ на храненіе подъ росписку въ 1-мъ отрядѣ Заамурскаго округа отдѣльнаго корпуса пограничной стражи. Уложивъ и сдавъ на храненіе свои оставшіеся вещи, пристроивъ на пастбище животныхъ, мы, простившись съ гостеприимными хозяевами, отправились на заѣзжій дворъ, гдѣ надлежало произвести денежный расчетъ съ людьми и не безъ грустаго чувства разстаться съ ними. Доведется ли еще разъ съ этими честными тружениками побывать въ Монголіи?! Впрочемъ, денежный расчетъ былъ самый короткій, — только выдай, а въ этомъ и пришлось мнѣ встрѣтить камень преткновения, — денегъ нѣтъ. Несмотря на всѣ мои усилія и удостовѣренія, выданныя мнѣ на случай крайней нужды для полученія изъ правительственныхъ учреждений заимообразной ссуды въ нѣсколько десятковъ рублей, мои поиски остались тщетными, — всюду и вездѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „съ удовольствіемъ, но сейчасъ денегъ нѣтъ“. Оставалось одно, — задержавъ на нѣсколько дней окончательное расформированіе каравана, съѣздить на станцію Маньчжурія и попытать свое счастье — не залежалось ли тамъ, на почтѣ, мое полугодичное содержаніе. Если такъ, то денежный расчетъ упрощается, хотя подъ большимъ сомнѣніемъ, — деньги по расчету времени, даже сверхъ законнаго срока ихъ храненія на почтѣ до востребованія адресата, должны быть давно возвращены обратно отправителю. День склонился къ вечеру. Уныніе, которое ощущается послѣ всякихъ денежныхъ неудачъ, побудило меня въ грязномъ костюмѣ съ монгольскимъ душкомъ навѣстить мѣстнаго чиновника Министеретва Иностраныхъ Дѣлъ У. Визитъ имѣлъ двойную цѣль. Во первыхъ, — побесѣдовать по душѣ и возстановить старое съ нимъ знакомство на Ганьчжурской ярмаркѣ, а во вторыхъ — облегчить денежную нужду и, при

случаѣ, позондировать почву на счетъ наличности возможныхъ сбереженій или спеціальныхъ на то средствъ. Въ краткой бесѣдѣ я попытался было закинуть удочку на счетъ денежнаго займа, но сердечное радушіе съ просьбой къ вечеру пожаловать обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ, убило во мнѣ всякое желаніе подымать вопросъ о денежномъ вспоможеніи. Поблагодаривъ, мы простились. Вечеромъ, наболтавшись въ волю, шатаясь безъ дѣла по городу, мы повторили визитъ къ У. и въ тотъ же день за утонченнымъ обѣдомъ и на слѣдующій день за такимъ же завтракомъ, вкратцѣ познакомили симпатичныхъ хозяевъ съ испытаннымъ и пережитымъ нами въ пути за періодъ болѣе годичнаго пребыванія въ Монголіи.

Однако, время приближалось къ глубокому вечеру, мы, крѣпко пожавъ руки сердечнымъ хлѣбосоламъ, простились и я на пути къ квартирѣ рѣшилъ съ первымъ отходящимъ поѣздомъ выѣхать на ст. Маньчжурія, куда прибылъ къ утру слѣдующаго дня. Первымъ дѣломъ на станціи Маньчжурія, выждавъ время открытія мѣстнаго почтоваго отдѣленія, я поспѣшилъ освѣдомиться. По с наведеннымъ справкамъ оказалось, что переводъ на мое имя дѣйствительно былъ, но возвращенъ за неявкой адресата обратно отправителю. Положеніе дѣла не улучшалось, а, наоборотъ, ухудшалось,—были еще кое-какія денежныя сбереженія, а вотъ прогулка на станцію Маньчжурія и обратно, хотя стоила и не такъ много, но тамъ, гдѣ денегъ мало, и это было чувствительно. Оставаясь на станціи Маньчжурія до слѣдующаго утра, поджидая очереднаго поѣзда, я, навѣстивъ таможеннаго чиновника Т., пригласившаго меня у него позавтракать, предполагалъ сегодняшній день посвятить писанію отвѣтовъ на письма, полученные мною съ родины, тутъ же на станціи. Болѣе подходящимъ, какъ мнѣ казалось, мѣстомъ для писанія писемъ, я счелъ помѣщеніе почты, гдѣ за общимъ столомъ для посѣтителей и приступилъ къ письменной работѣ. Наскоро закончилъ три письма, а четвертое нѣтъ,—между мною и поставленнымъ тутъ же, внутри при почтовомъ отдѣленіи, полицейскимъ нижнимъ чиномъ произошло недоразумѣніе. Попытаюсь ознакомить съ постигшимъ меня казусомъ. Не знаю, чѣмъ и объяснить, только представитель порядка и тишины, какъ заявилъ полицейскій чинъ, сначала предложилъ мнѣ повелительнымъ тономъ уйти изъ помѣщенія почтоваго отдѣленія и заняться писаніемъ своихъ писемъ въ залѣ 1-го и 2-го классовъ, „тамъ, гдѣ мнѣ позволятъ, а здѣсь, на почтѣ, разрѣшается писать только адреса“. На сдѣланное мнѣ неуважительное напоминаніе я, предупредивъ полицейскаго бытъ вѣжливымъ, сослался на такое же право другихъ посѣтителей, сидящихъ тутъ же со мною за однимъ столи-

комъ и надъ такой же работой, почему же я составляю исключеніе? И не вступая съ нимъ ни въ какія болѣе пререканія, я подошелъ къ одному изъ почтовыхъ чиновниковъ и спросилъ: „могу ли я сидѣть въ отдѣленіи, писать письма и курить папироску“. Отвѣтъ—„да, пожалуйста“. Только что усѣлся за столикъ съ папироской въ зубахъ, какъ полицейскій, въ силу какого то необъяснимаго ко мнѣ недовѣрія, подошелъ и категорично предложилъ мнѣ обратиться изъ почтоваго отдѣленія и тамъ же курить папироску. „Ну и смѣльчакъ же“,—замѣтилъ я, на что навязчивый чинъ отвѣтилъ: „ну, ну, безъ разговора, убирайся“. Я, наскоро собравъ свои письма, чтобы отвязаться отъ назойливаго собесѣдника, подошелъ къ окну денежныхъ операцій, гдѣ съ чиновникомъ, припомнившимъ мою фамилію только по какому то денежному переводу, вступилъ въ разговоръ. Когда разговоръ съ чиновниками перешелъ на вопросъ о нашей торговлѣ съ Монголіей, то я, чтобы подкрѣпить свои слова, почему то показалъ отобранные мною на ярмаркѣ Гань-чжурсумэ и данные мнѣ въ Калганѣ управляющимъ Русско-Китайскаго банка фальшивые кредитные билеты: три рубля къ № 798230 1898 года и десять рублей АА 213112 изг. 1898 года, свободно обращающіеся въ торговыхъ пунктахъ Монголіи, то полицейскій нижній чинъ, стоявшій подлѣ меня, замѣтилъ: „Ага, пріѣхалъ сюда получить какія то деньги, но не удалось, теперь понимаю,—явился сбывать фальшивыя деньги, еще выдаетъ себя за офицера; наши офицеры всегда въ формѣ, а ты въ какомъ то штатскомъ костюмѣ; у насъ здѣсь проживаетъ много всякой с....., даже перодѣваются въ генеральскіе мундиры съ цѣлю обдѣлать свои дѣлишки“ и, прижавшись къ окошечку противъ стола денежной операціи, просилъ почтоваго чиновника сообщить ему мою фамилію. Я попросилъ полицейскаго прекратить свое краснорѣчіе, причемъ добавилъ, моей фамиліи не говорить и если я нуженъ полиціи, то путемъ имѣющихся у меня на рукахъ документовъ постараюсь выяснитъ свою личность. Я вышелъ изъ почтоваго отдѣленія, а полицейскій вблизи входа въ почтовое отдѣленіе уже докладывалъ старшему по себѣ, указывая на меня рукой—„вотъ онъ“. Теперь нѣсколько словъ относительно внѣшняго вида этого полицейскаго нижняго чина, фамилію котораго мнѣ не сообщили. Средняя мускулистая фигура, съ нависшими надъ пытливыми глазами бровями, слегка смугловатое лицо безъ малѣйшей морщинки,—все, вмѣстѣ взятое, напоминало типъ запорожца былыхъ временъ. Прибавьте къ этому его миниатюрную, надѣтую на-бекрень фуражку, аксельбанты, форменную тужурку съ мѣдными пуговицами, короткіе трубчатые сапоги, важную шагистіку съ побрякиваніемъ шпоръ и самодовольное раскуриваніе папиросы,—и вамъ ясно пред-

ставится портретъ моего пріятеля по недоразумѣнію. Какъ только я услышалъ слова „вотъ онъ“, подошелъ къ этимъ двумъ полицейскимъ унтеръ-офицерамъ, то одинъ изъ нихъ, старшій, произнесъ: „Ага, ты, пойдешь“. Я съ мѣста въ карьеръ просилъ быть вѣжливымъ и, имѣя сзади себя двухъ охранниковъ, прослѣдовалъ въ желѣзнодорожное жандармское управленіе. Замѣчу, что дежурный по управленію—почтенныхъ лѣтъ и съ достаточной просѣдою на головѣ вахмистръ, выдержавъ меня стоя, выслушалъ докладъ только своего подчиненнаго и когда достаточно уяснилъ, что я взятъ за чертой подвѣдомственнаго ихъ обслуживанію района, приказалъ подъ конвоемъ отправить меня въ жандармское управленіе Забайкальской желѣзной дороги и чтобы тамъ разобрался съ моими документами и установили мою личность. Въ новомъ помѣщеніи со мною поступили нѣсколько иначе. Въ ожиданіи, пока извѣстятъ вахмистра, что захватили субъекта и не безъ интереса, мнѣ предложили присѣсть. Наконецъ, пожаловалъ вахмистръ. Я обратился съ вопросомъ: „нѣтъ ли здѣсь при управленіи жандармскихъ офицеровъ“, меня, однако, успокоили—есть, но выѣхали по дѣламъ службы, въ вашемъ же дѣлѣ можемъ и мы разобраться. Приступили къ дѣлу: записали въ книгу мои документы на русскомъ, китайскомъ и монгольскомъ языкахъ, отобрали оружіе, оставивъ мнѣ только сломанный перочинный ножикъ, заграничный паспортъ, фальшивые кредитные билеты и съ протоколомъ препроводили меня на скамью подсудимыхъ къ мировому судѣ. И здѣсь не повезло. Мой конвой перепуталъ мировые участки, представивъ меня совершенно другому судѣ, гдѣ отдѣлялись легко—только накричали. Минуть десять спустя я очутился уже на кухнѣ другого мирового судьи, гдѣ, вдобавокъ, въ силу своего положенія, къ моимъ услугамъ собесѣдникъ вашего покорнаго слуги—переселенческій ходокъ, нынѣ на порукахъ, то и дѣло знакомилъ меня съ тюремной жизнью. Наступило время моего вопроса,—мировой судья попросилъ войти къ нему въ камеру моего конвойнаго жандарма, который, войдя въ канцелярію судьи, смежную съ кухней, шепотомъ что то доложилъ. Мнѣ почему то хотѣлось наострить свои уши и послушать, но поваръ—нижній чинъ, видя мое намѣреніе, все громче и громче стучалъ ногами по кровати, чѣмъ, конечно, нарушилъ мое сосредоточенное вниманіе. Вскорѣ наступило время и моего приглашенія; я, войдя въ канцелярію судьи, поклонился и на вопросъ судьи: „что вы можете сказать въ свое оправданіе“, отвѣтилъ: „готовъ путемъ имѣющихся у меня документовъ выяснитъ свою личность“. Перебрали основательно всѣ мои документы: студентъ, слушатель, офицеръ, или просто письменный видъ безъ обозначенія званія, съ моимъ именемъ, отчествомъ и

фамиліей,—мировой судья, усумнившись въ дѣйствительности моихъ документовъ, написанныхъ на разныхъ языкахъ и съ различнымъ званіемъ, замѣтилъ мнѣ: „почему не написать истинное ваше званіе и на одной бумагѣ, а то все на разныхъ и къ тому же почему то выданы изъ разныхъ мѣстъ“. Кстати, я припомнилъ, что у меня гдѣ то въ карманѣ сохранился кусочекъ правительственной газеты „Инвалидъ“, гдѣ, къ моему счастью, ясно сохранилось мое имя, чинъ, фамилія и воинская часть, и вотъ этимъ случайнымъ отрывкомъ газеты и удостовѣреніемъ, выданнымъ мнѣ два дня тому назадъ хайларскимъ дипломатическимъ чиновникомъ, кое какъ мое дѣло выясняется. Мировой судья и присутствовавшій тутъ же штабсъ-ротмистръ пограничной стражи, подробно разсматривая и переворачивая мои документы, фальшивые кредитные билеты и оружіе, частенько посматривая на меня, предугадывали что-то неладное. Царила мертвая тишина, лишь изрѣдка нарушаемая скриномъ двери—видимо жена мирового судьи также интересовалась моимъ процессомъ. Иной разъ мнѣ думалось: вотъ, вотъ разсѣю недовѣрчивое отношеніе къ официальнымъ документамъ, однако, какъ я ни старался, все было напрасно, спасло только одно, что припомнилъ фамиліи, даже своего односельянина, товарищей по училищу и знакомыхъ, нынѣ служащихъ въ пограничной стражѣ. Исходя изъ этого положенія, я предложилъ собесѣднику мирового судьи—офицеру пограничной стражи, говоря: „между вашими сослуживцами у меня есть такіе то, указавъ ихъ фамиліи, товарищи и знакомые“. Пришлось пояснить немало, начиная съ мѣста службы, имени, отчества, осанки, семейнаго положенія, числа дѣтей, которыя за годъ слишкомъ моего отсутствія могли увеличиться и уменьшиться, и кончая даже служебной карьерой многихъ изъ моихъ знакомыхъ, однако, разубѣдилъ судью, что я есть тотъ самый, о которомъ трактуется въ разнообразныхъ, по цѣли командировки, документахъ. И такъ, участіи горькой наступилъ конецъ; выдавъ мнѣ мои документы, оружіе, оставивъ у себя фальшивыя деньги, я познакомился съ судьей и пограничнымъ офицеромъ и, не помня себя, вскорости отвѣсилъ поклоны моимъ новымъ знакомымъ, оставивъ камеру мирового судьи, прищипорилъ свои лыжи на желѣзнодорожную станцію. Ну и прогулка—одна изъ памятныхъ. Кстати замѣчу, сегодня пригласили меня позавтракать, но воспользоваться приглашеніемъ не пришлось—немножко задержался! И выдался же денекъ! Подчасъ и теперь частенько вспоминаю все это. Совсѣмъ неожиданно вмѣсто полученія денегъ чуть-чуть не попалъ на скамью подсудимыхъ. Достигнувъ желѣзнодорожной станціи, я, дожидаясь поѣзда, возвратился въ Хайларъ.

14 Сентября. Къ полудню почувствовалось какъ будто

легче,—удалось сдѣлать небольшой заемъ, конечно подъ вексель и покончить денежные расчеты съ людьми по путешествію. Оставалось лишь благодарить судьбу за ниспосланную удачу, да спѣшить во Владивостокъ, а то и гляди, опять попадешь въ исторію. Простился съ хайларскими знакомыми, былъ, конечно, у дипломатическаго чиновника и за хлѣбомъ-солью повѣдалъ ему вкратцѣ о своей „маньчжурской“ передрагѣ, заручился (спасибо воинской части) бесплатнымъ проѣздомъ на правахъ ружейнаго мастера и мы разъѣхались.

Въ Харбинѣ наша компанія раздвоилась: студентъ Фрозе потянулъ на югъ въ Пекинъ, а я въ направленіи къ Пограничной и далѣе во Владивостокъ. На пути къ станціи Пограничной нагрянули было на меня кондуктора поѣздной бригады, но сдѣлавъ, по необходимости, кому то нужно смазку, меня больше не тревожили съ подозрительнымъ багажемъ. Вотъ и станція Пограничная. Тутъ то я не ушелъ; меніе служащіе—таможенная прислуга, заподозривъ мои оттопыренные карманы, съ вложенными въ нихъ патронами съ мѣдными усѣченными пулями, которые я имѣлъ, какъ вещественное доказательство, начала было безцеремонно меня ощупывать, но, послѣ отрывочнаго съ ними разговора, я былъ водворенъ въ залъ таможенной заставы, гдѣ произвели досмотръ моимъ вещамъ, причемъ огнестрѣльное оружіе: дробовикъ, бердава и винчестеръ съ патронами, какъ не подлежащіе провозу, отобрали, чѣмъ поставили меня въ недоумѣніе, что удостовѣреніе Шгаба Иркутскаго военнаго Округа осталось безъ силы, и оружіе, пріобрѣтенное мною во Владивостокѣ и Иркутскѣ, обратно на родину не ввозится.

Наконецъ-то я во Владивостокѣ! Представился непосредственному своему начальству, сѣзидилъ въ Хабаровскъ подѣлится собранными мною свѣдѣніями о Монголіи; возвратился обратно назадъ во Владивостокъ и приступилъ къ учебнымъ занятіямъ въ объемѣ IV курса Восточнаго института, но съ маленькой разницей—въ Восточномъ Институтѣ, за мое отсутствіе, образовался сверхкомплектъ, въ томъ числѣ и я, какъ подлежащій оставленію на второй годъ на томъ-же курсѣ, только не штатнымъ, какъ былъ раньше, а вольнослушателемъ.

Заканчивая результаты своей поѣздки въ Монголію, считаю нужнымъ оговорить, что я не былъ въ состояніи обстоятельно изслѣдовать пока доступную для насъ Монголію,—одному человѣку схватить и записать главное и не упустить и мелочи наблюденія, отрываясь въ то же время для сбора топлива, варки пици, навьючиванія верблюдовъ, смазку и нагрузку телегъ, ночного окарауливанія и проч., создаваемого походной обстановкой, при всемъ моемъ же-

лании всецѣло выполнить невозможно и трудъ по приведению въ порядокъ и обобщеніе въ одно цѣлое разныхъ замѣтокъ, путевыхъ съѣмокъ и много другихъ данныхъ, записанныхъ на клочкахъ бумаги, представляется задачей довольно трудною. Предлагаемые результаты только въ общихъ чертахъ знакомятъ съ тѣми пунктами кочевой и мѣстами осѣдлой Монголіи, которые имѣли прямое соотношеніе съ основной задачей моей поѣздки, какъ образа страны съ военной, экономической и колонизаціонной точекъ зрѣнія. Поэтому, за допущенные мною неточности, промахи, недомолвки и прочее, прошу, какъ новичка, не судить,—чѣмъ богать, тѣмъ и радъ.

Излагая вкратцѣ результаты своей поѣздки въ Монголію, считаю долгомъ присовокупить, что между Китаемъ и Японіей существуетъ какое то соглашеніе и рассказы о какой то натянутости—ничто иное какъ, ихъ дипломатическая уловка. Мнѣ кажется, азіатъ съ азіатомъ скоро придуть къ обоюдному соглашенію, тѣмъ паче одинъ культурнѣе другого. Китайская армія, правда, очень молода и находится въ періодѣ формировація, но она приобрѣла уже нѣкоторую опытность и будетъ имѣть громадное значеніе при совмѣстномъ дѣйствіи съ арміей другой сильной державы.

Китай уже сознаетъ свою силу и какъ бы, вмѣстѣ съ тѣми же ненавистными ему японцами, не обрушился бы своей тяжестью на Россію.

Въ заключеніе, съ чувствомъ глубокой признательности, я приношу мою искреннюю благодарность профессорамъ: А. В. Рудакову, какъ виновнику, предложившему мнѣ принести посильную лепту родинѣ путемъ непосредственнаго знакомства съ прихинганскими монголами и Н. В. Кюнеръ—за сердечныя и всегда отзывчивые его совѣты, указанія, а также свѣдѣнія по исторіи и географіи странъ Дальняго Востока; и д. профессора Г. Ц. Цыбикову—обстоятельно познакомившему меня съ административнымъ строемъ и буддизмомъ Монголіи, кяхтинскому комиссару полковнику А. Д. Хитрово и подполковнику Полумордвинову, какъ сообщившимъ мнѣ новѣйшія свѣдѣнія о Монголіи, военному агенту въ Китаѣ генеральнаго штаба полковнику Л. Г. Корнилову—за оказанное мнѣ денежное пособіе, моему спутнику студенту В. В. Фрозе, содѣйствовавшему и положившему немало труда для успѣха дѣла и, наконецъ, нельзя безъ благодарности обойти бывшаго при мнѣ казака Намсараева и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя мнѣ въ Китаѣ и на родинѣ помогали, чѣмъ могли, и оказывали гостепримство, оставившее по себѣ одно лишь пріятное воспоминаніе.

1 марта 1910 года
крѣп. Владивостокъ.

